

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Рэдакцыйная калегія

Галоўны рэдактар
Ю. П. Голубеў

Намеснік галоўнага рэдактара
З. П. Мельнікава

Адкажны рэдактар
Г. У. Клімовіч

Н. А. Антановіч (Беларусь)
С. П. Анупрыенка (Беларусь)
В. М. Ватыль (Беларусь)
М. М. Громаў (Расія)
А. М. Грыгаровіч (Беларусь)
А. М. Данілаў (Беларусь)
В. М. Камнеў (Расія)
Ч. С. Кірвель (Беларусь)
П. П. Крус (Беларусь)
М. Я. Ліхачоў (Беларусь)
Ю. І. Малевіч (Беларусь)
Д. Г. Ротман (Беларусь)
А. В. Самылаў (Расія)
Я. У. Скакун (Беларусь)
Я. С. Яскевіч (Беларусь)

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
са снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 2 / 2023

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 05.01.2023 № 2 (са змяненнямі, унесенымі загадам
ад 23.06.2023 № 152) часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія» ўключаны
ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў у 2023 г.
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

◇ ◇ ◇

У адпаведнасці з дагаворам паміж установай адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»
і ТАА «Навуковая электронная бібліятэка» (ліцэнзійны дагавор
№ 457-11/2020 ад 03.11.2020) часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія»
размяшчаецца на платформе eLIBRARY.RU
і ўключаны ў Расійскі індэкс навуковага цытавання (РІНЦ)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

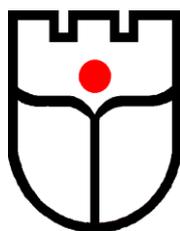
Беляева Е. В. Принцип методологического индивидуализма в постклассической этике	5
Врублевская-Токер Т. И. Этические аспекты проблемы приватности в цифровом обществе	12
Климович А. В., Крусъ П. П. Интеллектуальные ценности в структуре мировоззрения современной студенческой молодежи	18
Лагуновская Е. А. Религия и ее ценности в западной мысли (1980–2023 гг.): социально-философский аспект исследования	25
Люкевіч В. П. Спорт як сродак натуралізацыі і культурнай адаптацыі	33
Финслер О. В. Особенности конструирования и восприятия художественного образа в живописи и фотографии: сравнительный анализ	40

ПАЛІТАЛОГІЯ

Ермак О. И. Эволюция и специфические особенности формирования гражданского общества в Беларуси	47
Слуцкая Л. В. Диаспора в современном политическом процессе: политика диаспоры, дипломатия диаспоры, диаспоральный лоббизм	52
Викторович Е. С. Сущность и технология пропедевтико-превентивного микросегментирования региональных электоральных рынков как инструмента превентивного управления электоральными рисками	61
Козловский В. А. Компьютеризация системы государственного управления и народного хозяйства в СССР	70
Невар В. Н. Стратегии измерения прозрачности в современной политической науке	76

САЦЫЯЛОГІЯ

Сосновская Н. А. Социальные риски молодежи в современном обществе	84
Сухотский Н. Н. Перспективы развития цифровой социологии как инструмента изучения белорусского общества	91
Бабарико-Омельченко В. Б. Информационные ресурсы собственной генерации в библиотеках Беларуси и их роль в коммуникации с пользователями.....	100
Бровчук Н. М. Историческая память населения Беларуси в социологическом измерении	109
Лира Л. М. Теоретико-методологические основания социологического исследования экстремизма как социально-деструктивного явления	117
Николаева А. О. Социальные практики отцовства в Республике Беларусь	126

Vesnik

of Brest University

Editorial Board

Editor-in-chief
Yu. P. Golubeu

Deputy editor-in-chief
Z. P. Melnikava

Managing Editor
H. U. Klimovich

N. A. Antanovich (Belarus)
S. P. Anupryjenka (Belarus)
V. M. Vatył (Belarus)
M. M. Gromau (Russia)
A. N. Grygarovich (Belarus)
A. M. Danilau (Belarus)
V. M. Kamneu (Russia)
C. S. Kirvel (Belarus)
P. P. Krus (Belarus)
M. Ya. Likhachov
Yu. I. Malevich
D. G. Rotman (Belarus)
A. V. Samylau (Russia)
E. Y. Skakun (Belarus)
Ya. S. Yaskevich (Belarus)

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
nr 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:
224016, Brest,
21, Kosmonavtov Boulevard
tel.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued twice a year

Founder – Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University»

№ 2 / 2023

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from January 05, 2023 nr 2 (with the amendments made by the order of Supreme Certification Commission from June 23, 2023 nr 152) the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» has been included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in 2023 in philosophical, political and social sciences

◇ ◇ ◇

According to the agreement
between Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University» and Pvt Ltd «Scientific Electronic Library» (licence contract № 457-11/2020 from 03.11.2020) the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» is placed on the platform eLIBRARY.RU and included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

CONTENTS

PHILOSOPHY

Elena Belyaeva. Principle of Methodological Individualism in Postclassical Ethics	5
Tatiana Vroublevskaya-Toker. The Problem of Privacy in Digital Society: Ethical Aspects.....	12
Anna Klimovich, Pavel Krus. Intellectual Values in the Worldview Structure of Modern Students...	18
Alena Lahunouskaya. Religion and Its Values in Western Thought (1980–2023): Social and Philosophical Aspect of Research	25
Uladzimir Lukievic. Sport as a Means of Naturalization and Sociocultural Adaptation.....	33
Olga Finsler. Features of Construction and Perception of Artistic Image in Painting and Photography: Comparative Analysis.....	40

POLITOLOGY

Olga Ermak. Socio-Political Experience of Civil Society in Belarus.....	47
Liudmila Slutskaya. Diaspora in the Modern Political Process: Diaspora Politics, Diaspora Diplomacy, Diaspora Lobbyism	52
Yauhen Viktarovich. Specifics and Technology of Propaedeutical-Preventive Micro-Segmentation of Regional Electoral Markets as a Tool for Preventive Management of Electoral Risks	61
Uladzislau Kazlouski. Computerization of Public Administration and National Economy Systems in the USSR.....	70
Valentin Nevar. Strategies for Measuring Transparency in Political Science	76

SOCIOLOGY

Natalya Sosnovskaya. Social Risks of Youth in Modern Society	84
Nikolai Sukhotsky. Prospects for the Development of Digital Sociology as a Tool for Studying Belarusian Society	91
Nikita Brovchuk. Historical Memory of the Population of Belarus in the Sociological Measurement	100
Anastasiya Nikalayeva. Social Practices of Fatherhood in the Republic of Belarus.....	109
Veranika Babaryka-Amelchanka. Information Resources of Own Generation in the Libraries of Belarus and Their Role in Communication with Users	117
Natallia Lira. Theoretical and Methodological Foundations of the Sociological Study of Extremism as a Socially Destructive Phenomenon.....	126

ФІЛАСОФІЯ

УДК 17.035.1

Елена Валериевна Беляева

*д-р филос. наук, доц., проф. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета*

Elena Belyaeva

*Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Philosophy of Culture
of Belarusian State University*

e-mail: bksisa@rambler.ru

ПРИНЦИП МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА В ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ

Предлагается использовать принцип методологического индивидуализма, разработанный в социологии, для анализа характеристик постклассической этики. Методологический индивидуализм в этике предполагает, что причиной существования морали и ее источником является индивидуальный субъект, а взаимодействие с другими субъектами определяет возникновение нравственности. Данный принцип в этике опирается на специфическую онтологию индивидуального субъекта морали, трактует его как чувствующее существо, вступающее в непосредственные отношения с Другим субъектом, имеет антиметафизическую направленность.

Ключевые слова: *методологический индивидуализм, индивидуальный субъект морали, онтология субъекта, Другой.*

Principle of Methodological Individualism in Postclassical Ethics

The article proposes to use the principle of methodological individualism, developed in sociology, to analyze the characteristics of postclassical ethics. Methodological individualism in ethics assumes that the reason for the existence of morality and its source is the individual subject, and interaction with other subjects determines the emergence of morality. This principle in ethics is based on the specific ontology of the individual subject of morality, interprets it as a sentient being that enters into direct relations with Another subject, and has an anti-metaphysical orientation.

Key words: *Animal ethics, animal rights theory, realization of animal rights, Another.*

Введение

Принцип методологического индивидуализма может рассматриваться в рамках общей тенденции постклассической философии XX в. к антиметафизическому мышлению, к отказу от объяснения феноменов через абстрактные сущности, конкретных явлений – через общие закономерности.

Данный принцип поначалу был выдвинут в теоретической социологии начала XX в. как один из способов анализа социальной реальности, при котором общество рассматривается как совокупность взаимодействующих индивидов. Как писал основоположник такого подхода Макс Вебер, «в социологических исследованиях все такого рода общности [государства, ассоциации, корпорации...] должны трактоваться как результаты и способы организации частных действий индивидуальных лично-

стей, поскольку только последние могут трактоваться как агенты в плане субъективно понимаемого действия» [1, с. 13]. Такая антиметафизическая и позитивистская тенденция не только вносила новизну в социологическую теорию, но косвенно повышала значимость отдельного индивида, которого нельзя было больше рассматривать как простой слепок социальной среды. Утверждение индивида как первичного актора, агента, субъекта социального действия и составляет суть принципа методологического индивидуализма в социологии. Однако как М. Вебер, так и его ученики, развивавшие этот подход, вовсе не предполагали, что все социальные феномены сводятся к решениям и действиям индивидов, что не следует анализировать социальные причины этих действий, что социальные процессы можно

объяснить исключительно из индивидуальных мотивов и установок людей.

Между тем, как пишет С. Г. Кирдина, на протяжении XX в. этот метод стал распространяться в экономической науке, политологии и психологии, получил некоторые эмпирические подтверждения своей успешности и стал абсолютизироваться [2]. Его адепты настаивают, что методологический индивидуализм – это не один из методов исследования социума (наряду с методологическим холизмом или методологическим институционализмом), а единственно правильный. «В современных же дискуссиях под методологическим индивидуализмом часто понимается принципиальное, обязательное объяснение социальных феноменов через действия индивидов без привлечения каких-либо надындивидуальных факторов или субъектов» [3, с. 54]. Естественно, такое сужение возможностей социальной теории не является целесообразным, поэтому одни авторы подвергли принцип методологического индивидуализма жесткой критике, а другие предприняли усилия по снятию противоположности между методологическим индивидуализмом и другими подходами, предполагающими анализ общих структурно-функциональных закономерностей развития общества. Такой компромиссный подход развивает, например, Дж. Ходжсон, который предлагает рассматривать общество не только как обособленную целенаправленную деятельность индивидов, но и как результат взаимодействия между ними [4, р. 221]. По словам В. С. Автономова, «если трактовать методологический индивидуализм в таком широком смысле, то он будет срединным, “общепримиряющим” путем между двумя крайностями – социологическим индивидуализмом и методологическим холизмом, – и спорить вокруг него будет не о чем» [3, с. 54]. Именно в таком широком смысле в данной статье будет выявлена сущность принципа методологического индивидуализма в обосновании морали и рассмотрено его становление в постклассической этике.

Основная часть

Начиная с XIX в., этическая мысль отказалась от метафизических установок, обратилась к индивиду, его силам, способностям как исходной точке объяснения

нравственных процессов. Классическая этика выводила мораль из более фундаментальных и общих по отношению к отдельному человеку инстанций. Нравственность рассматривалась как космическая закономерность, божественный закон, природный закон, закон разума, институт социальной регуляции и т. п. С помощью такого «этического холизма» решались две фундаментальные этические проблемы: теоретическая (обосновывался единый объективный источник нравственности) и нормативная (наличие сверхиндивидуального, высшего источника морали объясняло, почему отдельный человек должен следовать ее ценностям и нормам). Индивид же в классических этических теориях рассматривался как реципиент и исполнитель всеобщего морального порядка. С одной стороны, он обладал для этого необходимыми качествами (разумом, нравственными чувствами, душой, сотворенной Богом, социальным воспитанием и т. п.), а с другой стороны, рассматривался как существо несовершенное (обладающее разрушительными страстями, аффектами, греховной природой, слабым, заблуждающимся разумом и др.). Даже если «природа человека» считалась доброй и в целом предрасположенной к нравственности, то отдельный индивид был не столько воплощением этих характеристик, сколько потенциальным нарушителем, отклоняющимся от них в силу случайности своего существования.

В противовес этому методологический индивидуализм в этике – это подход, при котором причиной существования морали считается индивидуальный субъект, а взаимодействие с другими субъектами определяет содержание и форму нравственности. Теоретической предпосылкой такого методологического перехода стало общее разочарование в метафизических объяснительных моделях, которые не столько объясняют, сколько предписывают индивиду абстрактные способы интерпретации его жизненного опыта, не считаясь с его уникальностью. Социальной же предпосылкой методологического индивидуализма в этике можно считать постепенный переход в XX в. к постмодерным формам социальности и изменение типа субъекта, в т. ч. морального. О больших возможностях индивидуального морального субъекта говорила уже

этика модерна, которая обосновала мораль автономного рационального субъекта, подняла значимость и ценность отдельной человеческой личности. Однако в то же время этика модерна подчинила индивида такой жесточайшей власти разума и долга, что сама приобрела авторитарные черты и даже становилась оправданием тоталитаризма. Поэтому во второй половине XX в. «этика после Освенцима» стала строить такие теоретические модели, благодаря которым «это не должно повториться». Для преодоления издержек современного принципа автономии субъекта стал разрабатываться принцип методологического индивидуализма. Если автономия морального субъекта достигалась с помощью разума и таким образом подчиняла его всеобщему началу, то методологический индивидуализм начинает с конкретного индивида и его жизненных переживаний. Если классические теории морали ставили своей задачей выявление того всеобщего начала, которое обосновывает содержание морали и необходимость ее исполнения для человека, то постклассические теории морали считают нужным исходить из индивида в его жизненных устремлениях и строятся по принципу «мораль для человека», а не «человек для морали».

Уже первый мыслитель, с которого обычно берет отсчет постклассическая этика, – А. Шопергауэр – принципиально меняет задачу обоснования морали. Он отказывается искать «источник морали», детерминирующий ее существование, а выделяет первофеномен морали – сострадание, «повседневный феномен сострадания, т. е. совершенно *непосредственного, независимого* от всяких иных соображений участия прежде всего в страдании другого, а через это в предотвращении или прекращении этого страдания» [5, с. 205]. Это «стимул, по своей серьезности и своей *несомненной реальности* очень далекий от всех... априорных мыльных пузырей, в которых хотят видеть источник морального поведения и основу этики прежние системы» [5, с. 202].

Конечно, А. Шопенгауэра в историко-философском плане никак не назовешь феноменологом, однако прежде чем строить какую бы то ни было теорию морали, он постарался определить ее предмет и определил феномен морали так, как она непосредственно обнаруживается и переживает-

ся индивидом в собственном опыте. Философ показывает, что все другие мотивации человеческих поступков могут быть корыстными, все они направлены на какие-то прагматические цели, и только сострадание бескорыстно, не имеет целью ничего, кроме уменьшения страдания ближнего. Оно основано на эмпатии, на солидарности со страдающим не только потому, что ты можешь оказаться на его месте, но потому, что все мы с необходимостью пребываем в состоянии страдания и несчастья, поработанные Мировой волей к жизни. В результате мораль целиком производится индивидом, способность реализовать ее первофеномен – сострадание – делает индивида субъектом морали, ее детерминантой, причиной ее существования. Наличие других людей нужно не для того, чтобы сообщить индивиду нравственные правила, но лишь для того, чтобы в структуре морального субъекта возник первичный нравственный феномен. Так уже в первой версии принцип методологического индивидуализма демонстрирует способность теоретически объяснить нравственность и дать содержательную нормативную программу для морального субъекта.

Индивидуалистическая установка в этике Ф. Ницше слишком очевидна, чтобы о ней требовалось долго распространяться. Общий антиметафизический пафос немецкого философа и разработка «воли к власти» как ключевого онтологического понятия делает методологический индивидуализм неизбежным принципом построения этики [6]. Любой холизм, внешние источники морали подвергаются Ф. Ницше безжалостной критике, а раскрытие механизма ресентимента являет собой отдельную заслугу философа по разоблачению любой репрессивной нормативности. Мораль не может быть ограничением свободной воли, подчинением нормам, результатом недостатка жизненной силы. Моральный ресентимент – последняя ловушка внешней коллективной морали, из которой индивидуальный субъект должен освободиться. Переоценка ценностей, нигилизм, имморализм, идеал сверхчеловека – все эти идеи говорят о способности индивида, обладающего волей к власти, преодолевать любые внешние для этой воли правила, законы, ценности. Воля к власти – сама себе нрав-

ственный закон, индивидуальный и спонтанный. Для сверхчеловека нет норм, а есть поступки по своей воле, которые и есть критерий ценностей. Таким образом, философия Ф. Ницше доказывает, что методологический индивидуализм в этике возможен и может быть плодотворен для деконструкции конкретных исторических форм нравственности и поиска нового пути правильной жизни.

Методологическим индивидуализмом можно назвать и тот прием, который ввел Николай Гартман в свою концепцию свободы воли и ее роли в реализации нравственных ценностей. В третьей части своего фундаментального труда «Этика» он формулирует известную со времен Августина Блаженного апорию: с одной стороны, свободная воля, не детерминированная нравственными ценностями, безнравственна, с другой – свободная воля, детерминированная нравственными ценностями, не свободна [7, с. 642]. В рамках теоцентризма апорию преодолеть до конца не удавалось, приходилось довольствоваться выводом, что свободная воля (как и нравственные ценности) дана человеку Богом и только та воля по-настоящему свободна, которая находится в согласии с Божественной волей. В религиозной этике человек никак не рассматривался в качестве самостоятельного источника и субъекта морали.

В Новое время И. Кант разрешает проблему за счет того, что провозглашает человека «гражданином двух миров»: одного, в котором он детерминирован законом природы, и другого, в котором он действует по законам свободы, которые сам полагает, т. е. в основе морали лежит самодетерминация личности. Казалось бы, это и есть методологический индивидуализм в этике. Однако в кантовской теории морали индивид рассматривается не как уникальная единичность, а как представитель человечества, и именно в этом статусе к нему надо относиться как к цели, а не как к средству. Способность человека своей свободной и доброй волей полагать нравственный закон существует благодаря чистому практическому разуму как трансцендентной универсальной инстанции, а не благодаря личным усилиям отдельного индивида. Последующие критики И. Канта указывали, что т. н. «закон свободы» поработает человека из-

нутри, его категорический императив из внешнего требования превращается во внутреннее беспощадное преследование индивидуальных отклонений от него. Попутно надо сказать, что И. Кант не случайно строит свою этику вокруг концепта «долг» и практически не говорит о нравственных ценностях.

Николай Гартман же, как представитель феноменологии, именно в феномене ценностей видел главный предмет этического знания. Стремясь разрешить апорию нравственной свободы, он утверждает, что наряду с природной детерминацией и детерминацией ценностями существует третий вид детерминации. Это личностная детерминация, которая не только превосходит две другие, но и «запускает» их в действие. Такая детерминация возможна потому, что среди всех ценностей есть наивысшая – индивидуальная свободная личность, нравственная свобода которой обуславливает возможность осуществления всех других ценностей. Несмотря на то что ценности рассматривались Н. Гартманом как объективно существующие феномены, иерархия которых устанавливается независимо от человеческих оценочных суждений, сами по себе причиной морали они не являются. «От одних только ценностей не исходит вообще никакого детерминизма... Ценности сами по себе как раз не имеют силы приводить реальное в движение... Детерминация через ценности, таким образом, в действительности не только не является препятствием личной свободы, но, скорее, позитивно ею обусловлена... Человек со своим ценностным чувством является посредником долженствования в бытии... Через него дело доходит до детерминации ценностями» [7, с. 658]. Таким образом, моральный субъект не изобретает ценности и даже не выбирает ценности, однако, согласно принципу методологического индивидуализма, только он оказывается причиной морали, причиной того, что мораль осуществляется как реальность.

Экзистенциализм Ж.-П. Сартра является собой яркий пример последовательного методологического индивидуализма [8]. Сам исходный тезис экзистенциализма – «существование предшествует сущности» – предполагает отказ от каких бы то ни было детерминирующих мораль «сущностей».

Вся феноменологическая онтология Ж.-П. Сартра касается бытия отдельного человека, бытия для себя. Онтологическая структура морального субъекта, которая образно обозначается им как «дырка в бытии», не позволяет этому субъекту опираться на какие бы то ни было внешние факторы. Экзистенция как подлинное бытие предполагает последовательный отказ от всех детерминирующих обстоятельств. Прошлое, социум, биография, природа, обстоятельства – все это может стать составляющей экзистенции только благодаря перманентному выбору. Только выбрав это в качестве «своего», субъект «дозволяет», чтобы данные факторы вошли в состав его бытия для себя.

Поскольку главным экзистенциалом человеческого бытия является свобода, то в этическом плане чем свободнее будет нравственный выбор, чем более радикально субъект принимает на себя ответственность за этот выбор, тем выше его нравственность. Мораль в экзистенциализме не связывается с каким-то конкретным нормативно-ценностным содержанием поступков, но сама возможность существования морали обусловлена способностью индивидуального морального субъекта к абсолютно свободному выбору, отвергнувшему всякие предпосылки и детерминации.

Поскольку каждый моральный субъект именно таков, то для Ж.-П. Сартра объяснение нравственного взаимодействия между ними представляет существенную трудность. Несмотря на то что, по Сартру, индивид, совершая нравственный выбор, выбирает вместе с тем образец для всего человечества, его партнер по взаимодействию не становится партнером по коммуникации, т. к. из своей оптики Другой в силу своей свободы видит мир и нравственные решения в нем иначе. Нравственные отношения между индивидами остаются неразрешимо конфликтными, а методологический индивидуализм становится препятствием для построения полноценной социальной этики.

Этика Э. Левинаса в методологическом отношении не только индивидуалистична, но даже несколько аутична. Специфический жизненный опыт философа побудил его создать этику, которая бы «работала» даже в концлагере, т. е. в условиях пол-

ного отсутствия причин для того, чтобы быть моральным, при полном отсутствии возможности быть моральным, при отсутствии внешних структур и условий моральности. Единственной причиной ее существования становится у Э. Левинаса ответ индивида на обращенное к нему Лицо Другого. «Умоляющий и в то же время требовательный взгляд, который потому только и требует, что умоляет; лишенный всего, поскольку имеет право на все; взгляд, который признают, поскольку обмениваются с ним своим взглядом» [9, с. 36]. Лицо Другого сопротивляется убийству, говорит «не убивай», оказывает нравственное сопротивление. Ответом на призыв Другого становится ответственность за сохранение его жизни и прекращение страданий, которая полностью изменяет бытие «я». Именно этический акт становится началом субъектности «я» и началом его бытия, этика у Э. Левинаса предшествует онтологии.

Этот нестандартный метод философского построения проистекает опять-таки из стремления преодолеть метафизический подход и в онтологии, и в этике, который тотализует человека, рассматривая его исключительно как носителя внешних сил, представителя общностей, которые в конце концов приносят его в жертву. Трансцендирование же за границы этой ситуации возможно только благодаря встрече с Другим и проявлению этической ответственности. Моральные ценности здесь возникают не из теоретической позиции сознания, не из абстрактных представлений о добре, а из индивидуального конкретного ответа на призыв Другого. При этом «другость» Другого оставляет его нетотализуемым, нетождественным «я», непознаваемым, не предполагает взаимности по отношению к «я». Таким образом, методологический индивидуализм Э. Левинаса вполне последователен: индивидуальный субъект является единственной причиной морали.

Если этика в постмодернистской парадигме возможна, то она также тяготеет к принципу методологического индивидуализма. Р. Рорти в произведении «Случайность, ирония и солидарность» настаивает на том, что мораль не имеет рационального обоснования, она не состоит во всеобщих законах, она исторична, случайна и ситуативна. Наша мораль не вечна и всеобща,

она представляет собой конечный словарь понятий добра и зла, который не следует отождествлять с реальностью, но понимать, что он лишь один из языков описания ситуации. Преодолев таким образом метафизическую установку на установление вечных нравственных истин, Р. Рорти не отбрасывает мораль, а показывает другую возможность ее существования и обоснования. Такой возможностью становится отказ от жестокости, возникающий на основе эмпатии, разделенной травмы, экзистенциальной привязанности, «вчувствования» в ситуацию Другого. Каждое живое существо способно чувствовать боль, и отказ от причинения боли составляет непонятный непосредственный критерий морали. Этот ход, чем-то похожий на идею сострадания у А. Шопенгауэра, носит «негативный» характер, предполагает не делание другому добра (т. к. в чем состоит его добро, сказать затруднительно) и не отказ от зла (которое тоже можно интерпретировать абстрактно), а отказ от жестокости – безжалостного насилия, бессмысленного причинения боли. Такая моральная установка носит исключительно индивидуальный характер и является предпосылкой солидарности, скрепляющей людей, притом не в единое человечество, а в конкретное сообщество.

Заключение

Нужно заметить, философы, идеи которых были изложены, не относятся к единому направлению в философии, и приведенные варианты применения принципа методологического индивидуализма в теории морали не являются исчерпывающими. Между тем на этой основе можно сделать некоторые обобщающие выводы относительно его содержания и возможностей.

Методологический индивидуализм в этике связан со специфической онтологией индивидуального субъекта морали. Не только этика вытекает из онтологии (как было в классической философии), но и онтология фундирована этикой: нравственное

отношение, выбор, поступок субъекта производит его собственное бытие и придает бытийственный статус моральным ценностям. Индивидуальный субъект производит мораль всем своим бытием. В теории морали создается замкнутый круг и вечный двигатель: онтологическая структура морального субъекта такова, что делает мораль возможной, а делание морали, в свою очередь, укрепляет бытие субъекта и усиливает его субъектность.

Методологический индивидуализм антиметафизичен, возникает как принцип обоснования морали, противоположный ее выведению из внешних индивиду абстрактных сущностей. Основой индивидуальности человека (и его способности к морали) оказывается не разум (как в классической философии), а уникальность его непосредственного присутствия в мире в качестве живого существа, чувствующего присутствие другого живого чувствующего существа. Так антирациональная феноменологическая интерпретация морального субъекта не только не замыкает его в границах эгоизма, но, напротив, трактует его как открытого, создающего мораль только в коммуникации с Другим. При этом взаимодействие с Другим мыслится не в терминах социального договора, баланса интересов или поиска общих норм, а как полностью спонтанный акт, индивидуальное этическое отношение.

Методологический индивидуализм также имеет нормативную проекцию, дает человеку представление о морали как «пути правильной жизни». С одной стороны, он освобождает человека от регламентирующего воздействия тотализующих его норм, ценностей, институтов, структур, факторов, а с другой – возлагает на него абсолютную ответственность за существование морали. На этой основе во второй половине XX в. складывается «этика ответственности» как специфический тип теории морали, опирающийся именно на принцип методологического индивидуализма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Weber, M. Basic Sociological Terms / M. Weber // *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. – Berkeley : Univ. of California Press, 1968. – P. 3–62.
2. Кирдина, С. Г. К переосмыслению принципа методологического индивидуализма / С. Г. Кирдина. – М. : Ин-т экономики РАН, 2013. – 54 с.

3. Автономов, В. С. Еще несколько слов о методологическом индивидуализме / В. С. Автономов // *Обществ. науки и современность*. – 2014. – № 3. – С. 53–56.
4. Hodgson, G. Meanings of Methodological Individualism / G. Hodgson // *Journal of Economic Methodology*. – 2007. – Vol. 14, nr 2. – P. 211–226.
5. Шопенгауэр, А. Свобода воли и нравственность / А. Шопенгауэр. – М. : Республика, 1992. – 512 с.
6. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали / Ф. Ницше. – Минск : Беларусь, 1992. – 335 с.
7. Гартман, Н. Этика / Н. Гартман. – М. : Владимир Даль, 2002. – 708 с.
8. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр ; пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М. : Республика, 2004. – 639 с.
9. Левинас, Э. Избранное. Тотальность и бесконечное / Э. Левинас. – М. ; СПб. : Унив. кн., 2000. – 416 с.

REFERENCES

1. Weber, M. Basic Sociological Terms / M. Weber // *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. – Berkeley : Univ. of California Press, 1968. – P. 3–62.
2. Kirdina, S. G. К pierieosmyslieniju principa mietodologichieskogo individualizma / S. G. Kirdina. – М. : In-t ekonomiki RAN, 2013. – 54 s.
3. Avtonomov, V. S. Jeshchio nieskol'ko slov o mietodologichieskom individualizmie / V. S. Avtonomov // *Obshchiestv. nauki i sovriemiennost'*. – 2014. – № 3. – S. 53–56.
4. Hodgson, G. Meanings of Methodological Individualism / G. Hodgson // *Journal of Economic Methodology*. – 2007. – Vol. 14, nr 2. – P. 211–226.
5. Shopengauer, A. Svoboda voli i npravstviennost' / A. Shopengauer. – М. : Riepublika, 1992. – 512 s.
6. Nische, F. Po tu storonu dobra i zla. K gieniealogii morali / F. Nische. – Minsk : Bielarus', 1992. – 335 s.
7. Gartman, N. Etika / N. Gartman. – М. : Vladimir Dal', 2002. – 708 s.
8. Sartr, Zh.-P. Bytije i nichto. Opyt fienomienologichieskoj ontologii / Zh.-P. Sartr ; pier. s fr., priedisl., primiech. V. I. Koliadko. – М. : Riepublika, 2004. – 639 s.
9. Lievinas, E. Izbrannoje. Total'nost' i bieskonechnoje / E. Lievinas. – М. ; SPb. : Univ. kn., 2000. – 416 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 28.09.2023

УДК 172

Татьяна Ивановна Врублевская-Токерканд. филос. наук, доц. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета**Tatiana Vroublevskaya-Toker**Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy of Culture
of Belarusian State Universitye-mail: tokerti@bsu.by**ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПРИВАТНОСТИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ**

Рассматриваются особенности этического дискурса приватности как феномена цифрового общества. Выявляются изменения в содержании понятия приватности в связи с развитием новых медиа. Устанавливается инвариантное содержание дискурса приватности, сеть категорий и ряд вопросов, связанных с проблемой приватности: собственно приватность, информационная конфиденциальность, автономия пользователя, неприкосновенность частной жизни. Важными для дискурса приватности вопросами являются вопрос доверия пользователей к технологиям и друг к другу, а также вопрос ответственности разработчиков и пользователей. Выделяются подходы к объяснению сути приватности и решению связанных с ней проблем: подход с позиции информационной этики, предполагающий, что соблюдение приватности составляет основу морального регулирования цифрового взаимодействия, и подход с позиции тотальной коммуникации, предполагающий, что соблюдение приватности является предметом мировоззренческого выбора личности.

Ключевые слова: приватность, информационная конфиденциальность, автономия пользователя, неприкосновенность частной жизни, информационная этика, компьютерная этика.

The Problem of Privacy in Digital Society: Ethical Aspects

The features of the ethical discourse of privacy as a phenomenon of digital society are considered. Changes in the content of the concept of privacy in connection with the development of new media are identified. The invariant content of the privacy discourse, a network of categories and a number of issues related to the problem of privacy are established: privacy itself, information confidentiality, user autonomy, privacy. Important issues for privacy discourse include the issue of user trust toward technology and each other, as well as the issue of responsibility of developers and users. Approaches to explaining the essence of privacy and solving related problems are highlighted: an approach from the position of information ethics, which assumes that respect for privacy is the basis for the moral regulation of digital interaction, and an approach from the position of total communication, which assumes that maintaining privacy is the subject of an individual's ideological choice.

Key words: privacy, information confidentiality, user autonomy, inviolability of private life, information ethics, computer ethics.

Введение

«В электронную эпоху врата корпоративного монастыря охраняет компьютеризированный апостол Петр, который отличается от всезнающего Бога тем, что не склонен прощать» [1, с. 116]. Технологии принципиально нового способа хранения информации, при котором ее можно многократно копировать, воспроизводить и распространять сколь угодно широко даже без вмешательства человека, позволяют ученым говорить о возникновении специфического типа реальности, где информационные потоки определяют жизнь личности. «Информационные следы» человека не дают ему вернуться к «прежней жизни», когда он мог не заботиться о том, что говорит,

делает, и вообще, как живет, ведь то, что он совершал, включая обычные рутинные поступки, нигде не фиксировалось и не сохранялось. Для цифрового общества «ключевой характеристикой становится не сама информация, а электронно-цифровой способ ее хранения и распространения, электронно-цифровое опосредование любых социальных отношений. Это, казалось бы, техническое изменение повлечет за собой радикальное преобразование не только общественного, но и нравственного пространства» [2, с. 74].

Развитие упомянутых технологий превращает приватность жителя цифрового общества в один из самых популярных предметов полемики об устройстве послед-

него. Споры вокруг вмешательства в личные дела человека с помощью электронных технологий приводят внимательного наблюдателя к мысли об изменении содержания понятий свободы, ответственности, меры морально допустимого и юридически оправданного в поступках, а также представлений о границах общественного и частного в повседневной жизни.

Цель статьи – определить, как изменилось содержание понятия приватности за последние условные десять лет – период, ознаменованный бурным развитием новых медиа и, в частности, социальных сетей, привлекающих все больше активных пользователей, создающих все больше различного контента.

Достижению поставленной цели послужит решение следующих задач: выявить инвариантное содержание дискурса приватности, сеть категорий и ряд вопросов, неизменно затрагиваемых при обращении к проблеме приватности; рассмотреть, опираясь на результаты актуальных исследований, подходы к объяснению сути приватности и решению связанных с ней проблем.

Основная часть

Содержание понятия приватности с конца XIX в. активно развивалось в юриспруденции, где его важной частью стали идеи уважения частной жизни человека, защиты его прав и свобод [3, с. 37]. Юридическая наука отнесла к понятию приватности такие явления, как установление и поддержание отношений с другими людьми, неприкосновенность жилища, сохранение тайны личной корреспонденции и устных разговоров, в т. ч. и опосредованных средствами связи [3, с. 39].

В XX в. понятие приватности обрело специфическое значение в рамках информационной и компьютерной этики. В категориальном аппарате этих этик оно неизменно сопровождалось близкими по значению понятиями «информационная конфиденциальность», «автономия пользователя».

Этический дискурс приватности складывался не только в духе особого пиетета к сохранению границ личного пространства и гарантий невмешательства в частную жизнь; важной его частью стали идеи доверия человека к электронным технологиям и ответственности действующих субъектов

сетей – пользователя и разработчика. Он возник в связи с опасением анонимного и незаметного вторжения в частную жизнь человека со стороны отдельных людей, групп или институтов. Наряду с понятиями приватности, конфиденциальности и автономии здесь фигурирует понятие неприкосновенности и ее различные виды. К сферам, вмешательство в которые рассматривается как этически нежелательное, и, соответственно, сферам приватным, или неприкосновенным с точки зрения информационного обмена, составляющим автономию для пользователя, относят территории частной, профессиональной, гражданской жизни человека, его местоположение, тело и телесность, идентичность, связи и общение, персональные данные [4, с. 86]. Информация обо всем этом складывается в уникальный «профиль» личности, возникает своего рода «цифровая реплика» человека, формально доступная посторонним, тем более что через нее можно влиять на «живой оригинал».

Здесь механизм возникновения проблемы приватности подробнее можно описать так: «Сегодня пользователь подключенных к Интернету средств коммуникации волен настраивать их для налаживания и поддержания социальных связей в любых формах и масштабах, от разговоров с глазу на глаз до вещания на массовую аудиторию. Пользователи, производящие контент, заодно генерируют еще один, не менее ценный, ресурс – данные о своих профилях и поведении, которые накапливаются и конвертируются корпоративными платформами в экономический капитал. В результате получается, что в качестве побочного эффекта развития цифровой среды... происходит совершенствование средств ограничения свободы, таких как слежка, цензура и пропаганда» [5, с. 76].

Теоретики информационной и компьютерной этики Р. Капурро и Л. Флориди еще сильнее заостряют «защитную» составляющую этического дискурса приватности, полагая, что задачей этики является преодоление проблем и нахождение устойчивых решений в цифровую эпоху, что информационная этика является важнейшим междисциплинарным и поликультурным отражением трансформации жизни людей, происходящей под влиянием информационно-компьютерных технологий [6].

Л. Флориди связывает ценность информационной конфиденциальности с тем, что она противодействует потоку информации [4, с. 85], как бы «прерывая» его в этически значимых точках пространства коммуникации (личная, тайная, персональная информация и т. д.), т. е. намеренно перенаправляет пути информационного обмена, компенсируя тем самым изменения инфосферы, связанные с непреодолимым развитием информационно-компьютерных технологий (расширение доступа к персональной информации, упрощение и автоматизация технологий ее сбора и т. д.).

Субъектом ценностного отношения к приватности является не каждый участник цифрового взаимодействия в отдельности, а политические и общественные институты, как и общество в целом. «Функционирование цифрового общества предполагает соответствующее преобразование властных отношений. Цифровое общество – по определению – является сетевым, а в сетевой структуре контроль изменяет свою направленность: все следят за всеми. В результате опасность тоталитаризма исходит как от авторитарных правительств, так и от трансконтинентальных корпораций, следящих за каждым шагом пользователя с целью собственного обогащения. Однако граждане также имеют возможность отслеживать разнообразные события, оказывать влияние и осуществлять контроль, создавая демократию цифрового мира. То, как может быть действенной прикладная этика, зависит от нового устройства политического и социального пространства» [2, с. 80]. Защита персональной информации тем самым не может быть личным делом каждого – она становится (или не становится) практикой в зависимости от того, как организованы нравственные, правовые и другие общественные отношения при информационном взаимодействии.

Подход к приватности в терминах морального регулирования цифрового взаимодействия можно назвать первичным, или исходным. Он предполагает, что мы смотрим на коммуникацию с позиции ряда дихотомий: «публичное – приватное», «допустимое – запретное», «неизбежное – произвольное». Мы разделяем цифровое взаимодействие на качественно разные сферы, которые, соответственно, можно условно

назвать «сферой технологии» и «сферой морали». В первой сосредоточивается все, что находится вне нашего внимания и контроля, во второй – все, что связано с личными предпочтениями, с выбором, с гуманистическим отношением к участникам цифрового взаимодействия. Так, современная жизнь обязывает нас каким-то образом представлять себя в соцсетях (в силу публичности профессии, по желанию работодателя или в стремлении заработать). Это неизбежно, но способ подобного представления мы можем выбрать сами, произвольно ограничить какую-то информацию о себе, регулировать доступ к ней. С этих позиций приватность сохраняет нравственную ценность, и за нее следует бороться.

Другой подход к проблеме приватности складывается буквально на наших глазах. Однако его философские основания изложил Ж. Бодрийяр в коротком эссе «Экстаз коммуникации» [7] более тридцати лет назад. Пространство, в котором существует человек, Бодрийяр называет пространством, «где все становится прозрачным и непосредственно видимым, где всякая вещь выставлена в жестком и безжалостном свете информации и коммуникации» [7, с. 130]. Способ существования в нем Бодрийяр называет «экстазом коммуникации», в котором «все тайны пространства и сцены отменены в простом измерении информации» [7, с. 131]. Это пространство без различий, без публичного и приватного; оно является гиперреальным и возникло под воздействием телекоммуникационных технологий: «И сегодня оно оказывается подлинным пространством обитания, которое воспринимается как приемник и распределитель, как пространство восприятия и операций, контролирующей экран и терминал, который как таковой может быть наделен телематической властью, т. е. способностью регулировать что угодно на расстоянии, включая работу по дому и, конечно, потребление, игру, социальные отношения и досуг» [7, с. 128].

Гиперреальное пространство – пространство гиперинформационной эпохи. Автор статьи «Проблема приватности в цифровую эпоху» приводит ряд исследований и случаев, характеризующих современное цифровое взаимодействие как тотальную коммуникацию. Фиксируемый и про-

гнозируемый экспертами рост объемов обмена данными [3, с. 44–45] колоссально расширяет границы доступной информации, сбор личных данных становится встроенной функцией электронных устройств и объясняется необходимостью своевременно выявлять неисправности программного обеспечения [3, с. 44], отслеживание потребительских предпочтений происходит автоматически вслед за накоплением информации о транзакциях и оплате счетов с помощью банковских карт [3, с. 43]. Кроме того, собственное отношение пользователей к приватности меняется в сторону «снятия проблемы». Популяризация сетей, в которых сообщениями являются не тексты, а, скорее, образы (Instagram, TikTok и др.), выводит в публичное пространство повседневную жизнь пользователей, т. е. пользователи сами добровольно предоставляют доступ к разной информации о себе, просто публикуя тот или иной контент. Демонстрация личных фото и видео в соцсетях считается нормальной сложившейся в обществе практикой [3, с. 45–46]. Подобную ситуацию называют добровольным отказом от приватности, или «публичной интимностью» [8].

Рост объемов информационного обмена, упрощение доступа к цифровым технологиям, вовлечение все большего количества пользователей и увеличение количества используемых одним человеком ресурсов ослабляет акцент на дихотомиях «публичное – приватное», «допустимое – запретное», «неизбежное – произвольное», стирает границы между их частями. Приватность, информационная конфиденциальность, автономия пользователя утрачивают функцию регулирования цифрового взаимодействия, переходя в разряд индивидуально избираемого блага.

Кроме того, в унифицированном пространстве коммуникации особенно ярко проявляется парадокс приватности [5, с. 79] – разрыв между беспокойственностью человека обеспечением приватности и реальными действиями, предпринимаемыми для этого. Необходимость управлять доступом к информации о себе признает большинство участников цифрового взаимодействия, но также мы понимаем, что разделить информацию на ту, доступ к которой будет ограничен, и ту, которая останется открытой,

можно весьма условно. Относительно многих данных о себе пользователи даже не имеют свободы выбора: или нужно согласие на их обработку, или ресурсом пользоваться нельзя. Возникающие в результате отношения по поводу доступа к персональным данным можно охарактеризовать как постоянное и часто остающееся незаметным занятие неких позиций друг относительно друга. Я распоряжаюсь частью своих данных так, как этого хочет другой, взамен он не требует от меня раскрытия других данных; я могу распоряжаться общими данными, спросив разрешения всех остальных владельцев, иначе имею право публиковать только свою часть, полагая, что другие раскрывать свои данные не захотят; я могу раскрывать свои данные любым доступным мне способом, при этом создаются множества пользователей, которые прочтут, поймут, расшифруют одни данные, но не другие и т. д.

Заключение

Содержание понятия приватности в связи с бурным развитием новых медиа пополняется такими признаками, как «предмет личного выбора», «ситуативное благо», «симуляция приватности». Происходит последовательное смещение акцента с нормативной, или регулятивной, составляющей на ценностную – сохранение приватности, соблюдение тайны личной информации, уважение неприкосновенности частной жизни все чаще перестает быть показателем нравственного отношения к цифровому взаимодействию, поскольку утрачивается сам объект такого отношения. Ограничение доступа к информации не исключает ее получения из иных источников и иными методами (статистический анализ данных, транзакций, перекрестные ссылки и страницы друзей в соцсетях и т. д.). В известной степени приватность перестает быть проблемой, которая волнует обычного пользователя социальных сетей. Приватность замещается проблемой защиты данных от утечки и переносится из сферы этики в сферу технологий.

Инвариантное содержание дискурса приватности составляют категории собственно приватности, информационной конфиденциальности, автономии пользователя, неприкосновенности частной жизни. Для

информационной этики приватность является ключевой проблемой, поскольку соблюдение принципа приватности, отказ от сбора персональных данных и их нераспространение изменяют ход и качество цифрового взаимодействия, в котором возможная материальная выгода от реализации личной информации заменяется обоюдной выгодой достижения паритета, когда никто не владеет скрытой информацией и, соответственно, не обладает преимуществом перед другими. Важными для дискурса приватности вопросами являются вопрос доверия пользователей к технологиям и друг к другу, а также вопрос ответственности разработчиков и пользователей.

Подход к приватности, разработанный в информационной этике, – это подход с позиции морального регулирования циф-

рового взаимодействия. Он предполагает выделение в пространстве коммуникации публичного и частного, допустимого и запретного, неизбежного и произвольного, «сферы технологии» и «сферы морали». Соблюдающий границы своей и чужой приватности является достойным участником цифрового взаимодействия.

Подход к приватности в рамках концепции гиперреальности и тотальной коммуникации – это подход с позиции ценностных значений. Стирание границ между публичным и частным, допустимым и запретным, неизбежным и произвольным делает приватность предметом мировоззренческого выбора личности, ценностью, которую участники цифрового взаимодействия готовы отстаивать, руководствуясь личными мотивами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Химанен, П. Хакерская этика и дух информационализма / П. Химанен, Л. Торвальдс, М. Кастельс. – М. : АСТ, 2019. – 256 с.
2. Беляева, Е. В. Цифровое общество и возможности его этического регулирования / Е. В. Беляева // Вед. приклад. этики. – 2018. – Вып. 52. – С. 74–81.
3. Асеева, И. А. Проблема приватности в цифровую эпоху / И. А. Асеева // Науковедч. исслед. : ежегод. ИНИОН РАН. – М., 2020. – С. 36–50.
4. Дедюлина, М. А. Компьютерная этика: философский анализ / М. А. Дедюлина // Филос. проблемы информац. технологий и киберпространства. – 2016. – № 1 (11). – С. 79–90.
5. Екадумова, И. И. Социально-этические аспекты управления приватностью личности в цифровой среде / И. И. Екадумова // Стратегические коммуникации в современном мире : сб. материалов по результатам науч.-практ. конф. ; редкол.: О. Ю Голуб (отв. ред.), С. Н. Коневец, Е. В. Сергеева. – Саратов : Саратов. источник, 2020. – Вып. 3. – С. 75–81.
6. Капурро, Р. Информационная этика [Электронный ресурс] / Р. Капурро // Информац. о-во. – 2010. – № 5. – Режим доступа: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/7c972fbe98fca-119c32577dc0036bb4f>. – Дата доступа: 18. 09. 2023.
7. Baudrillard, J. Ecstasy of Communication / J. Baudrillard // The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture / ed. H. Foster. – Port Townsend : Bay Press, 1983. – P. 126–133.
8. Лысак, И. В. Место и роль компьютерной этики в подготовке it-специалистов / [Электронный ресурс] / И. В. Лысак // Современ. проблемы науки и образования. – 2016. – № 6. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25840>. – Дата доступа: 08.10.2023.

REFERENCES

1. Khimanien, P. Khakierskaja etika i dukh informacionalizma / P. Khimanien, L. Torval'ds, M. Kastel's. – M. : AST, 2019. – 256 s.
2. Bieliajeva, Ye. V. Cyfrovoje obshchestvo b vozmozhnosti jeho etichieskogo riegulirovanija / Ye. V. Bieliajeva // Vied. priklad. etiki. – 2018. – Vyp. 52. – S. 74–81.
3. Asiejeva, I. A. Problema privatnosti v cyfrovuju epokhu / I. A. Asiejeva // Naukoviedch. isslied. : jezhegod. INION RAN. – 2020. – S. 36–50.
4. Didiulina, M. A. Komp'juternaja etika: filosofskij analiz / M. A. Diediulina // Filos. problemi informac. tiekhnologij i kibierprostranstva. – 2016. – № 1 (11). – S. 79–90.

5. Jekadumova, I. I. Social'no-etichieskije aspiekty upravlienija privatnostju v cyfrovij sriedie / I. I. Jekadumova // Strategicheskie kommunikacii v sovremennom mirie : sb. materialov po rezul'tatam nauch.-prakt. konf. ; riedkol.: O. Yu. Golub (otv. ried.), S. N. Konieviec, Ye. V. Siergiejeva. – Saratov : Sarat. istochnik, 2020. – Vyp. 3. – S. 75–81.

6. Kapurro, R. Informacionnaja etika [Elektronnyj riesurs] / R. Kapurro // Informac. o-vo. – 2010. – № 5. – Riezhim dostupa: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/7c972fbe98fca119c-32577dc0036bb4f>. – Data dostupa: 18. 09. 2023.

7. Baudrillard, J. Ecstasy of Communication / J. Baudrillard // The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture / ed. H. Foster. – Port Townsend : Bay Press, 1983. – P. 126–133.

8. Lysak, I. V. Miesto i rol' komp'jutiernoj etiki v podgotovkie it-spicelistov [Elektronnyj riesurs] / I. V. Lysak // Sovriem. problemi nauki i obrazovanija. – 2016. – № 6. – Riezhim dostupa: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25840>. – Data dostupa: 8.10.2023.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 28.10.2023

УДК 165.24

Анна Владимировна Климович¹, Павел Павлович Крусь²
^{1,2}канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии и экономики
 Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Anna Klimovich¹, Pavel Krus²
^{1,2}Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
 Associate Professor of the Department of Philosophy and Economics
 of Brest State A. S. Pushkin University
 e-mail: ¹ksisa@yandex.by; ²krusspp7@gmail.com

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ*

Произведен анализ понятий «интеллектуальная культура» и «интеллектуальные ценности». Предложено авторское определение понятия «интеллектуальная культура». Рассмотрены некоторые методологические проблемы изучения мировоззрения и ценностных ориентаций, в т. ч. аспекты интерпретации данных социологических опросов представителей студенческой молодежи. Определено место интеллектуальных ценностей в структуре динамично развивающегося мировоззрения студенческой молодежи.

Ключевые слова: интеллект, рациональность, интеллектуальность, интеллектуальная культура, мировоззрение, ценности, молодежь, студенческая молодежь, интеллектуальные ценности.

Intellectual Values in the Worldview Structure of Modern Students

The concepts of «intellectual culture» and «intellectual values» are analyzed. The author's definition of the concept «intellectual culture» is proposed. Some methodological problems of studying worldview and value orientations are considered, including aspects of interpreting data from sociological surveys of student representatives. The place of intellectual values in the structure of the dynamically developing worldview of student youth is revealed.

Key words: intelligence, rationality, intellectuality, intellectual culture, worldview, values, youth, students, intellectual values.

Введение

Человеческий интеллект составляет основу всякой культурной деятельности. Между тем разумность представителей вида Homo sapiens сочетается с проявлениями природных и психоэмоциональных процессов, которые находятся зачастую вне пределов рационального и опытного познания. В этой связи в статье обращается внимание на место и значение интеллектуальности в структуре мировоззрения с учетом интеграции интеллектуальности с другими феноменами деятельности. Эта тема не нашла своего четкого отображения в философской и научной литературе и рассматривается, с одной стороны, преимущественно в контексте рациональности, а с другой стороны, трактуется как выражение интеллектуальной направленности субъектов социума в более

узких сферах, в частности, науке, экономике и т. д. Таким образом, рассмотрение интеллектуальности в контексте мировоззрения важно осуществлять с точки зрения интегративного системного понимания сущности интеллектуальности и роли интеллектуальных ценностей в базовых программах поведения человека, основу которых составляет мировоззрение.

Цель исследования – на основе анализа понятий «интеллектуальная культура» и «интеллектуальные ценности» выявить их место в структуре динамично развивающегося мировоззрения студенческой молодежи. В статье будут рассмотрены также некоторые методологические проблемы изучения мировоззрения и ценностных ориентаций, в т. ч. аспекты интерпретации данных социологических опросов представителей студенческой молодежи.

Анализ осуществлен на основе системных социологических опросов студенческой университетской аудитории в кон-

**Исследование выполнено в рамках НИР «Формирование интеллектуальной культуры студентов в процессе преподавания философии в вузе», № госрегистрации 20213688.*

тексте динамической последовательности изучения гуманитарных дисциплин.

Основная часть

Несмотря на исключительную распространённость термина «интеллект», приходится констатировать отсутствие его четкого определения. Это относится как к источникам какой-нибудь отдельной дисциплины, так и к попыткам междисциплинарных дискурсов. Специалисты отмечают сложность и многослойность понятий «интеллект» и «интеллектуальная культура» [1].

Каждая научная дисциплина трактует понятие «интеллект» в определенном смысле, обусловленном характером конкретной теоретической системы. В частности, в психологии наиболее актуальным данный термин выступает в психометрических и когнитивных теориях интеллекта, которые исходят из буквального смысла греческого термина «нус», что означает «ум» или «рассуждение». «Ум» выступил одной из важнейших категорий уже в ранней греческой философии. Древние греки понимали «нус» как основу мирового порядка, представляющую собой определенную активную силу.

Античный подход нашел свое благодетное продолжение во всей последующей классической философской традиции. В конечном счете развитие идеи разумного устройства космоса привело к установлению важнейших принципов зарождавшейся европейской цивилизации. Цивилизации, в которой рационализм стал основой всех сфер жизнедеятельности. Открытие средневековыми мыслителями лично ориентированного космоса не отменило доминирующего положения рациональности, но остро поставило проблему взаимоотношения интеллектуального и чувственного, духовного и неповторимо личностного.

Античный космос приобрел в средние века яркие личностные черты и предопределил изменение в направлениях теоретической мысли поиска разумного, гармоничного соотношения духовного и материального. Средневековые схоласты фактически открыли незнакомое прежде понятие личности, причем не только божественной, но и человеческой. Отныне и по настоящее время это будет основной проблемой рассмотрения человеческой культуры. Неповторимая божественная душа одним из сво-

их элементов приобрела разум, но место разума в структуре души рассматривалось по-разному в зависимости от мировоззренческих и методологических установок исследователей.

Со временем оформились две наиболее заметные традиции – восточная и западная, которые по-разному трактовали соотношение рационального и чувственного. Эти традиции складывались не только как вывод из систем классической философии, они прослеживаются и в творчестве широкого круга деятелей культуры. И если в западной традиции разум трактовался как только лишь рациональное начало, и в нем виделся ключ к разгадке рационально же устроенного мироздания, то в восточной традиции (сюда же примыкает и восточно-европейская) разум рассматривался в тесной связи с духовностью. Именно в этом контексте рассуждал о разуме Н. В. Гоголь: «Ум не есть высшая в нас способность... он может только привести в порядок и расставить по местам все то, что у нас уже есть... Его имели в себе только те люди, которые не пренебрегли своим внутренним воспитанием. Но и разум не дает полной возможности человеку двигаться вперед. Есть высшая еще способность; имя ей – мудрость... она... есть дело высшей благодати небесной» [2].

Как отмечает Е. Н. Шульга, относительный характер смысла определения рациональности (и интеллектуальности, и интеллектуальных ценностей. – А. К., П. К.) зависит от познавательных условий, в которых оказывается само наше понимание того, что считать рациональным [3, с. 45].

Полемика между апологетами этих традиций оказывает значительное влияние на последующий ход социальной мысли. Можно подчеркнуть также исключительную значимость проблемы рационального для понимания особенностей социального развития.

Представителями различных научных дисциплин, в большей мере педагогических, в последнее время активно исследуется понятие «интеллектуальная культура личности». Существуют и учебные пособия, предлагающие технологии развития интеллектуальной культуры [3]. Интеллектуальная культура чаще всего определяется как процесс создания субъективно нового,

основанный на способности порождать продуктивные оригинальные идеи и выходить за пределы стандартных требований деятельности. «Интеллектуальная культура общества – совокупность интеллектуальных достижений социума, способов и форм осуществления интеллектуальной деятельности, а также механизм накопления и трансляции интеллектуальных ценностей» [4, с. 9]. Отличительным признаком такой культуры считают высокий уровень развития интеллектуальных умений и способов решения уже известных проблем, таким образом, интеллектуальная культура сочетает в себе образованность (предполагающую наличие достаточно широкого кругозора и умения производства собственных мыслей) и компетентность, обеспечивающую возможность принятия эффективных решений в профессиональной области деятельности.

Очевидно, что «интеллектуальная культура» – это сложное, интегральное понятие, включающее такие составные части, как культура умственного труда, культура рефлексивного мышления, методологическую, технологическую, когнитивную, коммуникативную культуру, а также культуру творчества.

Интеллектуальная культура существует во взаимосвязи с профессионально важными качествами личности будущего специалиста, и, соответственно, своего рода каркасом ее предстают интеллектуальные ценности личности. Под интеллектуальной культурой мы понимаем особую часть духовной культуры, которая характеризуется степенью целенаправленного сознательного использования интеллектуальных ценностей в основных сферах деятельности человека и результаты этого использования. Формирование и развитие интеллектуальной культуры теснейшим образом связано с развитием научного мышления.

Известно, что научное мышление, способствуя развитию индивидуальности, с одной стороны, направлено в то же время на формирование гуманистических ценностей. Оно учит людей толерантности к чужому мнению, столь необходимой в современном мире, когда интеграционные процессы смешивают разные культуры, социальные слои, системы ценностей. Воспитание научного, рационального мышления важно именно потому, что оно позволяет разви-

вать человеческую личность, реализует потребность к самоактуализации, позволяет полноценно анализировать мир, принимать решения, направленные на гармоничную интеграцию личности в систему социальных связей.

Современное общество стремительно развивается во всех своих проявлениях, его прогресс уже нельзя представить без развития науки и техники, без внедрения технологических новшеств. Но стремительное повышение роли науки и техники как фактора социальных преобразований актуализирует сложный спектр мировоззренческих, социально-этических и других проблем. Стремительное развитие техносферы опережает эволюционно сложившиеся приспособительные, адаптивные возможности человека, приспосабливаясь к ней, он должен меняться сам, и мы часто говорим о цене такого приспособления. Попытаемся проанализировать некоторые аспекты этой проблемы применительно к ценностным, мировоззренческим ориентациям человека в техногенном мире.

Как отмечают многие исследователи, характерной чертой современного этапа научно-технического прогресса является то, что человек создал слишком сложный для себя, для своих интеллектуальных возможностей мир и потому больше не может ясно сознавать и эффективно предсказывать направление своего собственного развития. Это, несомненно, ставит задачу изучения личности в динамичном, меняющемся мире, выявление динамики ее ценностных ориентаций.

Понимание закономерностей развития молодежи как социальной группы непосредственно связано с адекватным определением ее роли и места в общественном воспроизводстве, субъектом которого она является. Включаясь в общество, интегрируясь в его структуры, она не только наследует условия жизни и отношения, оставляемые ей предшествующими поколениями, но и преобразует их, реализуя свой инновационный потенциал. Жизненное самоопределение и формирование системы ценностей студенческой молодежи можно рассматривать как одну из основных форм ее включения в социальную структуру. По своему объему оно шире, чем социальное, профессиональное, общественно-политическое, ми-

ровоззренческое, межличностное самоопределение, выступает как бы их итоговым результатом и детерминировано не только внешними факторами, но и собственной мотивацией жизнедеятельности молодежи.

В современном белорусском обществе перед государством и его институтами стоит задача выработки у каждого его гражданина чувства ответственности за происходящее в своей стране. Дальнейшее реформирование, социальное и экономическое развитие страны в значительной мере зависят от молодых людей. Действительно, состояние нынешней молодежи во многом предвосхищает характер будущего экономически активного населения: его демографические, психоэмоциональные характеристики, уровень образования и профессиональной подготовки, нравственность, патриотизм и гражданскую зрелость.

Молодежь как особая социальная группа, и в особенности молодежь студенческая, проявляет себя посредством общения, учебы, труда, семейных отношений, реализации разнообразных материальных и духовных потребностей. Молодому человеку постоянно приходится делать выбор, и от того, какой выбор он сделает и в пользу каких ценностей, зависит, каким он будет как человек и как специалист.

Процесс социализации молодежи в нашей стране проходит в обстановке достаточно быстро меняющегося общества в целом и всех сфер общественной жизни. Это, безусловно, не могло не повлиять на формирование мировоззренческих установок и ценностных ориентаций молодых людей. Многочисленные социологические опросы последних лет позволяют сделать вывод о том, что в молодежной среде произошла переоценка культурных ценностей предыдущих поколений, сформировались новые модели поведения [6].

Социальная роль ценностных ориентаций состоит в том, что они сообщают направленность профессиональной деятельности, соотносят ее с ценностями, имеющими смысл, позволяют занять определенную позицию, формируют способы самоактуализации. Вот почему исключительно важным является изучение системы ценностных ориентаций студенческой молодежи как системы ориентаций формирующегося мировоззрения.

В этом плане представляют интерес данные социологических исследований, проведенных научным коллективом кафедры философии и экономики БрГУ имени А. С. Пушкина в рамках темы научного исследования «Формирование интеллектуальной культуры студентов в процессе преподавания философии в вузе». Исследование охватило студентов I и III курсов; были опрошены 202 первокурсника и 184 третикурсника всех факультетов университета. Авторская анкета «Мировоззренческие ценности студенческой молодежи» была разработана специально с целью выявления интеллектуальных ценностей личности студента.

Первый блок анкеты включает в себя вопросы о том, какие взгляды на происхождение и сущность мира и человека разделяют респонденты. Что касается взглядов на происхождение и устройство мира, то большая часть респондентов I курса (48,5 %) и III курса (45,7 %) являются сторонниками научной картины мира, уверены в том, что в мире господствуют объективные естественные закономерности, выявленные естественными науками. Проведенные нами в 2018 г. исследования показывали совершенно иную картину: значительная часть опрошенных была убеждена в том, что мир сотворен высшим существом из ничего (что интересно, среди них 48 % опрошенных студентов-биологов и 36 % респондентов с физико-математического факультета). Соответственно, еще большее количество респондентов (47,7 %) разделяли не научную (таковых всего 28 %), а религиозную картину мира. Примерно столько же опрошенных считали, что человек – существо, сотворенное высшим существом, и является существом разумным (но не духовным или же «продуктом творения высшей силы», чего следовало бы ожидать).

В 2022 г. результаты опросов существенно иные: почти половина респондентов и I, и III курса полагают, что человек – прежде всего природное, разумное существо, и при этом 21,3 % респондентов I курса и 16,8 % III курса считают человека духовным, творческим существом. Следует учесть, что позиционируют себя атеистами 11,9 % респондентов I и 10,3 % респондентов III курса. Примерно такая же часть опрошенных безразлично относится к рели-

гии. Остальные же – это люди, которые либо являются верующими того или иного уровня религиозности, либо признают в какой-то форме сверхъестественное.

Студенты и I (58,4 %), и III (54,3 %) курсов достаточно высоко оценивают роль науки в современной культуре, полагая, что именно она является главным фактором формирования современной культуры и мировоззрения человека.

Традиционным для наших социологических исследований ценностных ориентаций студентов является вопрос о выборе наиболее значимых жизненных ценностей. Начиная с 2005 г. проводимые нами опросы студентов БрГУ имени А. С. Пушкина разных курсов и всех факультетов позволяли в течение многих лет делать практически один и тот же вывод: наиболее значимые ценности, выбираемые студентами, – это здоровье, семья, любовь. Следует сказать, что приоритеты студенческой молодежи за данный период исследований менялись весьма незначительно.

Один из вопросов, использованных в исследованиях прошлых лет, традиционно был посвящен тому, что же влияет на формирование мировоззрения респондентов. Выяснилось, что более всего на формирование их мировоззрения влиял не Интернет (хотя 25 % опрошенных свободное время «просиживали» там), а семья и окружение, друзья (в этом были убеждены до 65 % опрошенных). Основным источником информации для студентов выступало телевидение: примерно 40 % свободного времени молодых людей отнимал телевизор. Книги в качестве фактора, влияющего на мировоззрение, находились в числе явных аутсайдеров. В разные годы об их влиянии на свое мировоззрение указывали 5–6 % опрошенных [7].

Нельзя сказать, что в 2022 г. картина кардинальным образом изменилась. Однако среди факторов, более всего влияющих на формирование своего мировоззрения, студенты выделяют: мировоззрение, традиции и образ жизни членов своей семьи (56,9 и 59,2 % опрошенных студентов I и III курсов соответственно) и чтение книг (44,6 % респондентов I и 43,5 % III курсов). Значимой ценностью оказался коэффициент интеллектуальности для 20,8 % опрошенных первокурсников и 29,9 % третьекурсников. В ка-

честве способов развития своих интеллектуальных способностей студенты называют интеллектуальные игры, решение кроссвордов и нестандартных задач, изучение иностранных языков и литературное творчество, но с большим отрывом у студентов и I, и III курса, причем всех факультетов, лидирует в качестве такого способа «размышление над сложными вопросами».

Наряду с традиционно выбираемыми ценностями стали высоко котироваться у студентов интеллектуальные способности (31,7 % респондентов I и 27,2 % III курса). Так, 60,4 % респондентов-первокурсников и 41,8 % респондентов-третьекурсников считают, что смысл современного высшего образования заключается в формировании компетенций высококлассного специалиста; 63,4 % опрошенных студентов I курса и 54,9 % III курса полагают, что цель подготовки современного специалиста – это именно формирование его высокой интеллектуальной культуры. Нельзя не отметить, что собственный интеллект и способности наши студенты считают тем, что более всего способствует жизненному успеху (76,7 % респондентов-первокурсников и 79,3 % респондентов-третьекурсников).

Заключение

Изучение интеллектуальной культуры как важнейшей части духовной культуры человечества и интеллектуальных ценностей, способствующих ее формированию, имеет давнюю традицию. Исключительную важность данной проблемы отмечали уже в глубокой древности. В истории философии рассмотрение проблемы разума составляет отдельную методологически значимую проблему. Решение данной проблемы во многом предопределило содержание и направленность цивилизационного развития.

В зависимости от того, как мыслители рассматривали механизм взаимоотношения рационального и чувственно-эмоционального аспектов культуры и человеческой деятельности, образовались две основные тенденции понимания этого взаимоотношения: рационалистическая и духовно-нравственная. Первая присуща западной традиции, вторая характерна для восточной и восточноевропейской.

Таким образом, исследование интеллектуальной культуры и интеллектуальных

ценностей является сложной и, несомненно, актуальной задачей современной социальной мысли. Представляется, что проблему интеллектуальности необходимо рассматривать в рамках конкретной мировоззренческой системы, определяющей в конечном счете содержание и направленность ценностных предпочтений элементов социума.

На примере результатов авторских социологических исследований продемонстрировано растущее понимание значимо-

сти интеллектуальности в процессе социализации, и в частности для обеспечения перспектив общественного и личностного развития.

Авторы считают важным продолжение широких комплексных исследований данной проблемы, принимая во внимание растущую роль интеллектуальности в динамике современной цивилизации и мировоззрении современных людей, особенно самой активной части общества – молодежи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гутенев, М. Ю. Философский аспект интеллектуальной культуры / М. Ю. Гутенев // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. «Соц.-гуманитар. науки». – 2011. – Вып. 16, № 9 (226). – С. 112–114.
2. Гоголь, Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями [Электронный ресурс] / Н. В. Гоголь. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/fiction/vybrannye-mesta-iz-perepiski-s-druzyami-14/>. – Дата доступа: 12.11.2023.
3. Шульга, Е. Н. Проблема научной рациональности в контексте европейского рационализма / Е. Н. Шульга // Философия, методология и история науки. – 2015. – Т. 1, № 1. – С. 38–55.
4. Мядель, А. П. Интеллектуальная культура: проблема определения / А. П. Мядель // Материалы докл. 54-й Междунар. науч.-техн. конф. преподавателей и студентов : в 2 т. / Витеб. гос. технол. ун-т. – Витебск, 2021. – Т. 1. – С. 7–9.
5. Егорова, Г. И. Технологии развития интеллектуальной культуры будущего специалиста : учеб. пособие / Г. И. Егорова. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2010. – 170 с.
6. Климович, А. В. Особенности социологических исследований мировоззренческих ценностных ориентаций студентов / А. В. Климович, П. П. Крусь // Традиции и перспективы развития белорусской социологии: к 30-летию Института социологии НАН Беларуси : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5–6 нояб. 2020 г. / НАН Беларуси, Ин-т социологии ; редкол.: Д. К. Безнюк (гл. ред.) [и др.]. – Минск : ДОНАРИТ, 2020. – С. 213–215.
7. Займист, Г. И. Читательская культура современной студенческой молодежи: проблемы формирования в процессе обучения / Г. И. Займист, А. В. Климович // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития : К 95-летию Центр. науч. б-ки им. Я. Коласа Нац. акад. наук Беларуси : материалы XII Белорус.-Рос. науч. семинара-конф., Москва, 26–27 марта 2020 г. ; редкол.: Л. А. Авгуль [и др.] ; сост.: Л. А. Авгуль, Н. В. Вдовина. – Минск ; М., 2020. – С. 211–217.

REFERENCES

1. Gutieniev, M. Yu. Filosofskij aspekt intelliectual'noj kul'tury / M. Yu. Gutieniev // Viestn. Yuzh.-Ural. gos. un-ta. Ser. «Soc.-gumanitar. nauki». – 2011. – Vyp. 16, № 9 (226). – S. 112–114.
2. Gogol', N. V. Vybrannyje miesta iz pieriepiski s druz'jami [Elektronnyj riesurs] / N. V. Gogol'. – Riezhim dostupa: <https://azbyka.ru/fiction/vybrannye-mesta-iz-perepiski-s-druzyami-14/>. – Data dostupa: 12.11.2023.
3. Shul'ga, Ye. N. Problema nauchnoj racional'nosti v kontiektstie jevropiejskogo racionalizma / Ye. N. Shul'ga // Filosofija, mietodologija i istorija nauki. – 2015. – T. 1, № 1. – S. 38–55.
4. Miadiel', A. P. Intielliectual'naja kul'tura: problema opriedielienija / A. P. Miadiel' // Materialy dokl. 54-j Miezhdunar. nauch.-tiekh. konf. priepodavatieliej i studentov : v 2 t. / Vitiebsk. gos. tiekhnol. u-t. – Vitiebsk, 2021. – T. 1. – S. 7–9.
5. Yegorova, G. I. Tiekhnologii razvitija intelliectual'noj kul'tury budushchiego spiecialista : uchieb. posobije / G. I. Yegorova. – Tiumien' : TiumGNGU, 2010. – 170 s.

6. Klimovich, A. V. Osobiennosti sociologichieskikh issliedovaniy mirovozzrienchieskikh cennostnykh orijentacij studentov / A. V. Klimovich, P. P. Krus' // Tradicii i pierspiektivy razvitija bielorussoj sociologii : k 30-lietiju Instituta sociologii NAN Bielarusi : materialy Miezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 5–6 nojab. 2020 g. / NAN Belarusi, In-t sociologii ; riedkol.: D. K. Bezniuk (gl. ried.) [i dr.]. – Minsk : DONARIT, 2020. – S. 213–215.

7. Zajmist, G. I. Chitatel'skaja kul'tura sovriemiennoj studienchieskoj molodiozhi: problemi formirovanija v processie obuchienija / G. I. Zajmist, A. V. Klimovich // Sovriemiennyje problemi knizhnoj kul'tury: osnovnyje tendencii i pierspiektivy razvitija : K 95-lietiju Centr. nauch. b-ki im. Ya. Kolasa Nac. akad. nauk Bielarusi : materialy XII Bielor.-Ros. nauch. sieminara-konf., Moskva, 26–27 marta 2020 g. / Miezhdunar. assoc. akad. nauk, Soviet po knigoizd. ; riedkol.: L. A. Avgul' [i dr.] ; sost.: L. A. Avgul', N. V. Vdovina. – Minsk ; M., 2020. – S. 211–217.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 28.10.2023

УДК 101.8

Елена Анатольевна Лагуновская*канд. филос. наук, доц., доц. каф. истории Беларуси и политологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Alena Lahunouskaya***Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of History of Belarus and Political Science
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: helenlaguna@yandex.ru***РЕЛИГИЯ И ЕЕ ЦЕННОСТИ В ЗАПАДНОЙ МЫСЛИ (1980–2023 гг.):
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ***

Проводится социально-философский анализ репрезентации религии и ее ценностей в западной мысли (1980–2023 гг.), рассматриваются научные подходы к исследованию данной темы. Особое внимание уделяется социально-философскому исследованию осмысления принципов, норм религиозного сознания, поведения и отношения как факторов мотивации и ориентации субъекта деятельности в западной мысли. Рассмотрены характеристики религии и ее ценностей, связанные с процессами социальной коммуникации в эпоху глобализма, предложенные западными исследователями.

Ключевые слова: религия, ценности, секуляризация, постсекуляризация, глобализм, социальная коммуникация.

***Religion and its Values in Western Thought (1980–2023):
Social and Philosophical Aspect of Research***

A socio-philosophical analysis of the representation of religion and its values in Western thought (1980 – 2023) is carried out, scientific approaches to the study of this topic are considered. Particular attention is paid to the socio-philosophical study of understanding the principles, norms of religious consciousness, behavior and attitude as factors of motivation and orientation of the subject of activity in Western thought. The characteristics of religion and its values associated with the processes of social communication in the era of globalism, proposed by Western researchers, are considered.

Key words: religion, values, secularization, post-secularization, globalism, social communication.

Введение

Современный мир можно рассматривать как систему, где особое место занимают различные мировоззренческие течения, среди которых религиозные идеи, ценности и представления. Необходимо признать, что на протяжении XX–XXI вв. не подтвердились популярные с середины XIX в. утверждения о неизбежном «вымирании религии» под воздействием достижений науки и техники. Нельзя также согласиться и с прогнозами конца XX в. о снижении роли религии в жизнедеятельности общества.

С 1980-х гг. активизируются научные дискуссии о месте и роли религии в современном обществе. При этом после распада СССР на его огромной территории произошел очевидный рост религиозности, нача-

лись процессы возрождения религий и десекуляризации, что так или иначе оказало влияние на все сферы жизнедеятельности мирового сообщества. 17 мая 2007 г. было восстановлено единство Русской Православной Церкви, утраченное в послереволюционное время (произошло объединение с созданным в эмиграции в 1920-е гг. Русским Всезарубежным Собором). Основные христианские конфессии прошли путь от противостояния с XI по XIX в. и через эти эпохи к их диалогу в XX–XXI вв. Научная проблема остается в том, что имеет место противоречие между процессами секуляризации, которые уже подверглись научному осмыслению, и процессами постсекуляризации, одновременно протекающими в современном социальном пространстве, что требует дополнительных исследований.

Актуальность данной темы связана как с динамикой роста религиозности в Республике Беларусь, так и с потребностями в углублении содержания белорусской соци-

**Исследование выполнено в рамках НИР «Ценности традиционных конфессий в сознании современной белорусской молодежи», № госрегистрации 20211331.*

ально-філасофскай мыслі с улічэннем прайзведзенняў заападных мыслітэлей. В 1970-е гг. утвэрждзення о секулярызацыі в нааунчых тудрах не падвергалісь сомненію. Одако уже в 1980-е гг. заападные уаеныя прызналі сааіальныя факты, атраааюаые вывад о неааратымості секулярызацыі.

Цель аааы – сааіальна-філасофскае осысленне ісследовааній, пояавіхся с 1980 г. і до нааастаааего вреаеня в заападной мыслі, выясненне новых аспектов в ізученні места і роля реліаіа і ее ценностей в оаществе, в конаретных оаластях аеловеческой аызнеаеателыности с улічэннем процесов трансформааіа сааіальна-поліааескаой, эаонааическаой і дуаовноной сфер в рассаатриваемый період.

Осноаная аааь

Аналіз репрезентааіа реліаіа і ее ценностей в заападной мыслі предполааает конплексаый аараааер ісследования, включаюаый в сеаь філасофские, сааіальныя, поліааескые, культауролоаическые, історическые і психолоаическые аспекты. Тааая постаовка прораемы треаует прывлечення широкого аруга раот заападных аавторов. В нааале 1980-х гг. в заападноевропейских странах і США блааодаря нааунчому вкладу, аоторый внеслі А. Шопенгауэр (1788–1860), К. Тіле (1830–1902), В. Віндельбаанд (1848–1915), Г. Зіммель (1858–1918), М. Вебер (1864–1920), П. Шантепі де ла Соссе (1848–1920), Э. Трельч (1865–1923), О. Шпенглер (1880–1936), А. Уайтхед (1861–1947), Г. ван дер Леув (1890–1950), П. Тейяр де Шарден (1881–1955), Й. Вах (1898–1955), А. Камю (1913–1960), К. Юнг (1875–1961), К. Льюіс (1898–1963), М. Бубер (1878–1965), П. Тіліх (1886–1965), К. Барт (1886–1968), К. Ясперс (1883–1969), К. Рейнгольд (1892–1971), Ж. Марітен (1882–1973), Г. Марсель (1889–1973), А. Тойнбі (1889–1975), М. Хайдеггер (1889–1976), Э. Жільсон (1884–1978), Э. Фромм (1900–1980) і другие, было сформіроваано нааунчае насленне в ісследовааніа прораемы реліаіа і ее ценностей, а тааае представлен опыт в осысленні данной теаы в католической і протестантской трааіаіа. В історическы ізменівхся формах саазнаанія заападного оащества данное нааунчае насленне полуаило преааственность в трансляаіа поднятых теа в осысленні реліаіа і ее

ценностей і развіаіе в ісследовааніа места і роля реліаіа в уловяах модернізааіа і глобалізааіа. Продолааали своы ісследоваанія уже прызнаанные к 1980 г. в нааунчом сааществе М. Эліаде (1907–1986), А. де Любаа (1896–1991), Н. Луман (1927–1998), Р. Н. Белла (1927–2013), Т. Лукман (1927–2016), П. Бергер (1929–2017) і др.

Особое место в ізученні данной прораемы зааіааают філасофские ісследоваанія А. де Любаа (1896–1991) – одного із сааых вліяательных теологов ХХ в. Оны были полаожены в разраотку осноаы постаовленій Второго Вааіканского Собора – програмной докуаентальной бааы Католической аерквы, являюаейся оріентіром в форміровааніа міровоззренческой осноаы для совреаенных католиков. Ваажную роль в развіаіа совреаенного сааіоауаанітарного заанія і оащественно-поліааеской праааіаы сыадали іаеа А. де Любаа о меажконфессіонаальном іскреннем діалоге, оауаествляюаемся как на меажліаностном, уровне, таа і на уровне народов і реліаіа, аао являлось оааеделенным новааторством в конце ХХ в.

Профессор сааіолоаіа і теолоаіа Бостонского універсітета (до 2009 г.) П. Бергер (1929–2017) в 1985 г. основал Інстааіаут культаур, реліаіа і міровых оаноаеній – міровой аенар ісследовааній реліаіа, аоторым руаоводіл. Главное внаааніе П. Бергер уаеалял ісследоваанію теа вліяанія реліаіа і ее ценностей на эаонааическые, поліааескые і сааіальныя процесы аызнеаеателыности оащества на міровом уровне, процесы секулярызааіа і десекулярызааіа, вліяаніе возроаеаенія реліаіаозной аызні на развіаіе аосударственності і граажданского оащества в заападных странах. По прораемам реліаіа в рассаатриваемый період Бергер представіл тааые раоты, как «Капіталістическый дуа: на пуаі к реліаіаозной эаіае саазнаанія боаатства» (1990); «Далекая слаа: поаіскы веры в эпоау правдопоаоаія» (1992); «Вопросы веры: скепааическое утвэржденне аристианства» (2003), «Мноаолакая глобалізааіа: культаурное разнооаразіе в совреаенном міре» (2003), «Реліаіаозная Ааерика, светская Европа?» (2008), «Діалоге меажу реліаіаозными трааіаіаіа в эпоау оаносительності» (2011), «Мноаество алтарей совреаенності. К парааіааге реліаіа в эпоау плура-

лизма» (2014) и др. Принципиальное значение имеет тот факт, что в произведении «Десекуляризация мира: возрождающаяся религия и мировая политика» (1999) Бергер, в прошлом сторонник тезиса о секуляризации, использует термин «десекуляризация», выносит его в название своей работы и доказывает, что утверждение о светскости современного мира не соответствует реальным социальным процессам.

Бергер изложил свое понимание религии в произведении «Священная завеса: элементы социологической теории религии», которое внесло наибольший вклад в развитие социологии религии после исследования М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». В данном произведении, затем переименованном Бергером в «Социальную реальность религии», он представил последовательное продолжение идей, изложенных ранее в «Социальном конструировании реальности». В части I, посвященной элементам религии как системы, исходя из положения о том, что каждый индивид в обществе одновременно и создает, и воспринимает сотворенную им социальную реальность, Бергер рассматривает влияние религии на данные процессы. Применяя сравнительно-исторический анализ к различным конфессиям с использованием методов феноменологии, Бергер выявил их конструируемую сущность, раскрыл место, функции и значение религии в современном западном обществе.

Исследуя процесс секуляризации в части II, посвященной историческим элементам религии, Бергер отмечает феномен плюрализма как главный социальный итог секуляризации, выступающий характеристикой общественного сознания. Движущие силы секуляризации Бергер связывает с внедрением принципов рационализации в индустриальных странах, в первую очередь в экономическую сферу, и во взаимосвязи с ней – в политическую, с постепенным возрастанием секуляризации остальных сфер жизнедеятельности общества. Бергер считает, что в индустриальном обществе постоянно увеличивается количество научно-технических работников, образование и организация труда которых предполагает большую степень рационализации не только в области деятельности, но и в области сознания. Поэтому, по мнению Бергера, любое

слияние государства и церкви ставит под угрозу рациональные принципы функционирования индустриального общества.

Таким образом, ученый делает вывод, что во второй половине XX в. религия как социокультурный феномен, воплощающий духовно-нравственный общечеловеческий опыт, передающийся из поколения в поколение, продолжает играть значимую роль в процессе формирования самосознания как личности, так и социальных групп – приверженцев религии и, прежде всего по отношению к самой себе, своей семье и конкретному сегменту социальной действительности. Итогом исследований Бергера является утверждение, что религия и ее ценности, продолжая оказывать влияние на формирование убеждений человека, занимает важное место во внутреннем мире личности как результат ее «выбора» или «предпочтения» [1].

По мнению Бергера, секуляризация как отделение церкви от государства («объективная секуляризация») влечет за собой «субъективную секуляризацию»: повседневная жизнедеятельность обывателя протекает без необходимости взаимодействия с церковью в культовых и некультовых формах, что способствует формированию светского мировоззрения. Бергер отмечает уменьшение влияния религии как на семейную, так и на частную жизнь. Соответственно, в сфере социального взаимодействия религиозные ценности играют еще меньшую роль. Поэтому Бергер делает вывод о том, что религия и ее ценности уже не могут выполнять задачу создания общего универсума, в котором вся социальная жизнь приобретает общезначимый высший смысл.

Бергер утверждает, что религия как результат личного выбора индивида перестает отождествляться с единственно возможной истиной и одним, единственно возможным жизненным путем. Вследствие личного выбора человеком религии и ее ценностей в условиях плюрализма ценностных ориентаций происходит снижение ее роли в жизни современного западного общества. Бергер выявляет противоречие между публичной риторикой, провозглашающей духовно-нравственные ценности религии как основу социума, и тем, что в секулярном обществе она является частным достоянием человека в зависимости от его

ления акцентируют внимание на отрицательных последствиях секуляризации, в первую очередь на нивелировании абсолютных, сакральных религиозных ценностей, что ведет к духовно-нравственной деградации, соответствует неустойчивости и дестабилизации общества.

Автор понятия «гражданская религия», специалист по сравнительной социологии религий из США Р. Н. Белла (1927–2013) утверждал, что сущность религии нельзя сводить к ее эмоционально-компенсаторной функции: «Она представляет собой символическую модель, формирующую человеческий опыт – как познавательный, так и эмоциональный» [2]. Белла исследовал формы религии в произведении «Религия в человеческой эволюции: от палеолита до осевого времени» (2011 г.) и отверг ее критику эволюционным направлением в науке. В понимании Белла, религия представляет собой системную совокупность различных репрезентаций человеческого опыта, включая символы, ритуалы и мифы. Белла показывает возникновение в Древнем Израиле, Индии и Китае тех конфессиональных традиций, вероучение которых до сих пор сохраняет свое актуальное значение в индивидуальной и социальной практике, а также обосновывает связь религии и биологии. В произведении дан анализ четырех великих культур осевого времени – древнего Израиля, Греции, Китая и Индии [3]. По мнению Белла, все представленные в современности конфессиональные формы и их ценности имеют общий генезис. На основании своих исследований Белла делает вывод о том, что между всеми традиционными религиями современного мира с момента их генезиса содержались параллели и пересечения: все они включают моральные универсалии – ценности как ориентиры, подходящие к типу мировоззрения каждого представителя любой из этих четырех культур.

Доктор философии, профессор социологии и антропологии Дж. М. Йингер (1916–2011) из семьи пасторов американской методистской церкви – автор функционального подхода к исследованию религии. Йингер определяет религию как систему верований и практик, с помощью которых определенная социальная группа решает экзистенциальные жизненные вопросы (он их называет «последними», «конечны-

ми»): смысл жизни, смерть, потеря, болезнь, страдание, вина. В понимании Йингера, представляется целесообразным рассматривать каждого человека как религиозного так же, как мы исходим из того, что он является носителем определенного языка [4]. Таким образом, сущность подхода Йингера можно соотносить с определением религии как социокультурного явления. В понимании Йингера, феномены социальной реальности можно рассматривать в качестве религиозных при условии выполнения ими такой религиозной функции как определение цели и смысла жизни в экзистенциальных ситуациях: в условиях приближения смерти, страданий, морального зла и социальной несправедливости. По мнению Йингера, в условиях социальных трансформаций могут возникнуть новые религиозные формы, поэтому исследование религии должно включать все вероучения и практики и их ценности, даже нетеистические, не содержащие понятие сверхъестественного. Например, вера в высшую ценность нации или принципы рыночной экономики в структуре мировоззрения современного человека выполняет, по сути, религиозную функцию.

Йингер как автор концепции постоянных и временных функций религиозных систем исследовал религию не в статике, а в динамике с учетом ее роли в социальных конфликтах и изменениях. В основе типологии религиозных организаций (универсальная церковь, ектлесия, деноминация, упрочившаяся секта, секта, культ), разработанной Йингером, лежат три параметра: инклюзивность, отчуждение от доминирующих в обществе ценностей, сложность организационной структуры и обособленность. Йингер уделял особое внимание маргинальным религиозным организациям как частям контркультуры. Например, контркультуры в форме многочисленных сект и ересей были представлены в раннем христианстве. Йингер занимался поиском ответов на вопросы о том, как разнообразные социальные и религиозные сообщества изменяют собственные ценности своего высшего уровня и их отношение, в т. ч. и оппозиционное, к государственным структурам власти и другим общественным, прежде всего ведущим организациям. Йингер в своем произведении «Контркультуры» исследовал причины возникновения оппозици-

онных религиозных сообществ как социокультурных явлений. Йингер пишет о том, что изначально каждый человек наделен своими физическими и психологическими особенностями и ориентациями. В его понимании формирование наклонностей происходит под влиянием системных условий, экономической, политической, социальной и культурной сфер жизнедеятельности общества: «Каждое общество получает контркультуры, которые оно заслуживает, ибо они не просто противоречат; они также выражают ситуацию, из которой они появляются; отталкиваясь от нее, осуждая ее противоречия, высмеивая ее слабости и опираясь на отброшенные и ушедшие в подполье традиции» [5]. Таким образом, Йингер делает вывод, что контркультуры выявляют, раскрывают и предвидят кардинальные социальные проблемы, требующие решения. Соответственно, тема исследования контркультур в современной науке является актуальной и отвечает вызовам времени.

Доктор социальных наук и социологии Н. Луман (1927–1998), разработавший собственную социологическую теорию с рассмотрением всех измерений современного ему общества, исследовал религию и ее ценности на основе феноменологии, общей теории систем, радикального конструктивизма и неodarвинизма. В 1980-е гг. было издано многотомное исследование Н. Лумана «Социальная структура и семантика: исследования социологии знания в современном обществе» (последний том вышел в 1995 г.), в 1984 г. – монография «Социальные системы: очерк общей теории», в 1991 – «Социология риска». Общей темой данных исследований Н. Лумана является последовательное развитие идеи о том, что организации перегружены рискованными решениями в бизнесе, политике, образовании, науке, юриспруденции и религии. Исследования отдельных функциональных систем представлены в его книгах «Экономика общества» (1988), «Наука общества» (1990), «Право общества» (1993), «Искусство общества» (1995), «Реальность массмедиа» (1996), «Религия общества» (2000). Согласно системному подходу Н. Лумана, не люди и их действия являются истинными компонентами социальной системы, а коммуникация, т. к. первичными являются не структурные элементы в их совокупности, а вы-

полняемая ими функция. В силу данного обстоятельства каждая структура заменима на другую, соответствующую выполнению определенной конкретной функции. При этом оптимизации и эффективности системы призвано способствовать ее упрощение путем отказа от нецелесообразных для ее функционирования компонентов, что предполагает отбор и его верификацию. Это обоснование и составляет функцию религии – определение ориентиров, регулятивов индивидуального и социального поведения благодаря наличию системы ценностей, принципов, норм и правил. Таким образом, обосновывается роль религии в качестве фактора, объединяющего своих приверженцев на основе общих для них религиозных ценностей, и способа идейного объединения общества, его консолидации [6]. Нельзя также не отметить выводы Лумана о том, что религия может быть заменена другими подсистемами в современном функционально дифференцированном обществе, а мораль находится в отношении случайного симбиоза с религией.

В 1990-е гг. завершилось формирование трансперсональной психологии религии, одним из наиболее известных представителей которой стал С. Гроф (род. в 1931 г.). С. Гроф пошел вслед за З. Фрейдом и исследовал еще более глубокие слои психики, в результате чего предложил идентификации религиозных переживаний. С. Гроф разработал модель, названную им картой человеческой психики, выделяющую в бессознательном три уровня и описывающую их: 1) личное бессознательное, представленное заблокированными индивидуальными переживаниями (данный материал является объектом классического психоанализа для последователей З. Фрейда); 2) перинатальное бессознательное, воплощенное в переживаниях эмбриона при «травме рождения» (термин введен австрийским психоаналитиком, уделявшим особое внимание применению психоаналитического метода при исследовании религии, О. Ранком (1884–1939) в монографии «Травма рождения и ее значение для психоанализа»); 3) трансперсональное бессознательное, представленное в опыте находящимся за границами земного бытия человека. К данной области трансперсонального бессознательного Гроф относит как коллективную память (архетипы

К. Г. Юнга), так и переживания по отождествлению человека с животными или субстанциями, считающимися неодушевленными (минералами, камнями, металлами). Гроф соотносит с последними двумя типами переживаний психологические истоки тотемизма и анимизма.

Большое внимание Гроф уделяет рассмотрению уровня перинатального бессознательного в связи с исследованием проблемы духовных жизненных мировоззренческих кризисов человека. В понимании Грофа такого рода личностные кризисы протекают по разработанной им модели «смерть – возрождение». По мнению Грофа, в результате потрясений, сопутствующих жизненным кризисам, вызванных эмоциональной и физической встречей со смертью, приобретает новый личностный опыт: духовные и религиозные чувства, состояния, интерпретации и осмысления интегрируются во внутренний мир человека. Гроф утверждает, что появление данных духовных и религиозных восприятий, ощущений, представлений и чувств в структуре индивидуального сознания не связано с изначальными компонентами мировоззренческой структуры личности и ее докризисным опытом (знаниями, идеями, принципами, убеждениями, идеалами, ценностями (в т. ч. и атеистическими)). Его исследования подтверждают, что каждый человек, соприкоснувшийся с выделенными им уровнями человеческой психики (жизненными кризисами), «начинает отчетливо видеть уместность духовных и религиозных сфер в универсальной схеме вещей. Даже... материалисты, позитивистски ориентированные ученые, скептики и циники, бескомпромиссные атеисты... неожиданно начинают интересоваться духовными поисками, после того как встанут лицом к лицу с этими переживаниями в себе» [7].

Заключение

Социально-философское осмысление исследований, появившихся с 1980 г. и до настоящего времени в западной мысли, посвященных изучению места и роли религии и ее ценностей в обществе, в конкретных областях человеческой жизнедеятельности, позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, в западном социально-гуманитарном знании происходит новый

поворот к изучению религии и ее ценностей на теоретическом и эмпирическом уровнях, изменяется характер западного философского дискурса, в науке формируются новые постсекулярные подходы, что требует дополнительных социально-философских исследований, вызывает необходимость применения категориально-понятийного аппарата социальной философии к новым областям осмысления религии. Новые тенденции в западной мысли направлены на исследование самых актуальных аспектов человеческого опыта в религиозной сфере и вызывают важные этические, социальные и философские вопросы, которые остаются открытыми для дальнейшего изучения и обсуждения. Западные исследования религии как формы мировоззрения, воздействующей на сознание, поведение и отношения людей в зависимости от исторического развития общества, отражают нарастающую в нем потребность в понимании мира и человека с позиции знания, разума.

Во-вторых, в связи с произошедшим новым поворотом научного сообщества к исследованию религии, ее ценностей и конфессиональных форм как на мировом уровне, так и в секулярных странах запада в философскую, социологическую и политическую западную мысль вошел концепт постсекуляризма. Новые условия жизнедеятельности общества актуализировали научный интерес к исследованию проблемы взаимодействия, взаимосвязи, сотрудничества и соотношения религии и политики, считавшейся ранее исчерпанной в связи с такими результатами процесса секуляризации, как отделение Церкви от государства, определенная изоляция религиозной жизни и постепенное уменьшение влияния религии и ее ценностей на общественное сознание в западных странах в новейшее время.

В-третьих, в рамках этого постсекулярного дискурсивного пространства теология (в ее православной, католической и протестантской традиции) может представить значимые наработки в осмыслении сознания, отношений, деятельности приверженцев религии, интерпретации конфессиональных ценностей применительно к новым, изменившимся условиям жизнедеятельности современного общества и вызовам времени. В свою очередь, теологи на современном этапе осваивают научный по-

нятийный аппарат как для теологической критики мыслителей (например, Н. Лумана), так и для споров с ними и выводят свои разработки на новый уровень – уровень междисциплинарного синтеза, диалога с наукой и т. п. Также необходимо обратить

внимание на то, что процессы секуляризации все больше дополняются процессами десекуляризации, а их последствия во многом не имеют предсказуемых прогнозов в условиях вызовов современности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер, П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / П. Бергер. – М. : НЛЮ, 2018. – 216 с.
2. Белла, Р. За пределами веры [Электронный ресурс] / Р. Белла // Религия и общество : хрестоматия по социологии религии / сост.: В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. – Режим доступа: https://www.studmed.ru/garadzha-v-i-rutkevich-e-d-sost-religiya-i-obschestvo-hrestomatiya-po-sociologii-religii_8d88741ff4b.html. – Дата доступа: 16.10.2023.
3. Белла, Р. Религия в человеческой эволюции: от палеолита до осевого времени / Р. Белла. – М. : ББИ, 2019. – 241 с.
4. Йингер, Дж. М. Социология религии как наука: функциональный подход [Электронный ресурс] / Дж. М. Йингер // Религия и общество / сост.: В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. – Режим доступа: https://www.studmed.ru/garadzha-v-i-rutkevich-e-d-sost-religiya-i-obschestvo-hrestomatiya-po-sociologii-religii_8d88741ff4b.html. – Дата доступа: 16.10.2023.
5. Yinger, J. M. Along Many Trails – To a Single Destination. 1996 [Electronic resource] / J. M. Yinger. – Mode of access: <http://www.oberlin.edu/library/friends/talks/1996.yinger.html>. – Date of access: 26.10.2023.
6. Luhmann, N. Die Religion der Gesellschaft / N. Luhmann. – Frankfurt : Suhrkamp, 2002. – 364 s.
7. Гроф, С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии [Электронный ресурс] / С. Гроф // State University of New York Press. – 1985. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=102850&>. – Дата доступа: 21.10.2023.

REFERENCES

1. Biergier, P. Sviashchiennaja zaviesia. Eliemienty sociologichieskoj teorii rieligii / P. Biergier. – М. : NLO, 2018. – 216 s.
2. Bella, R. Za priedelami viery [Eliiektronnyj riesurs] / R. Bella // Rieligija i obshchiestvo : khriestomatija po sociologii rieligii / sost.: V. I. Garadzha, Ye. D. Rutkievich. – Riezhim dostupa: https://www.studmed.ru/garadzha-v-i-rutkevich-e-d-sost-religiya-i-obschestvo-hrestomatiya-po-sociologii-religii_8d88741ff4b.html. – Data dostupa: 16.10.2023.
3. Bella, R. Rieligija v chieloviechieskoj evoliucii: ot palieolita do osievogo vriemieni / R. Bella. – М. : BBI, 2019. – 241 s.
4. Jjingier, Dzh. M. Sociologija rieligii kak nauka: funkcional'nyj podkhod [Eliiektronnyj riesurs] / Dzh. M. Jjingier // Rieligija i obshchiestvo / sost.: V. I. Garadzha, E. D. Rutkievich. – Riezhim dostupa: https://www.studmed.ru/garadzha-v-i-rutkevich-e-d-sost-religiya-i-obschestvo-hrestomatiya-po-sociologii-religii_8d88741ff4b.html. – Data dostupa: 16.10.2023.
5. Yinger, J. M. Along Many Trails – To a Single Destination. 1996 [Electronic resource] / J. M. Yinger. – Mode of access: <http://www.oberlin.edu/library/friends/talks/1996.yinger.html>. – Date of access: 26.10.2023.
6. Luhmann, N. Die Religion der Gesellschaft / N. Luhmann. – Frankfurt : Suhrkamp, 2002. – 364 s.
7. Grof, S. Za priedelami mozga: rozhdienije, smiert' i transcendenciija v psikhotierapii [Eliiektronnyj riesurs] / S. Grof // State University of New York Press. – 1985. – Riezhim dostupa: <https://www.litmir.me/br/?b=102850&>. – Data dostupa: 01.10.2023.

УДК 796.01:316.61

Уладзімер Паўлавіч Люкевіч

канд. філас. навук, дац., дац. каф. спартыўных дысцыплін і методык іх выкладання
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

Uladzimir Lukievic

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sports Disciplines and Methods of Their Teaching
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: lucul@brsu.brest.by

СПОРТ ЯК СРОДАК НАТУРАЛІЗАЦЫІ І САЦЫЯКУЛЬТУРНАЙ АДАПТАЦЫІ

Сучасны свет у сацыяльных навуках апісваецца з перспектывы яго глабалізацыі альбо рэгіяналізацыі. Асновай кожнага з'яўляецца перакананне ў такіх каштоўнасцях, як дэмакратызацыя, лібералізацыя і гуманізацыя грамадскага жыцця. Сёння гэтыя тэндэнцыі дапаўняюцца паняццем міграцыі, якая з дапамогай развіцця і распаўсюджвання сродкаў камунікацыі прывяла да таго, што кожны год мільёны людзей не толькі перамяшчаюцца ў межах сваёй краіны ці суседніх дзяржаў, але і актыўна пераезджаюць на іншыя кантыненты. На першы план выходзіць матывацыя, якая вынікае з натуральнага жадання пошуку ўмоў лепшага жыцця. Мігранты адаптуюцца ў краінах свайго новага побыту самымі рознымі спосабамі: з аднаго боку, прымаюць любую прапанову працы, з другога – знаходзяць канфліктныя віды дзейнасці на мяжы права і нават пераступаюць усталяваныя законы. Сярод форм адаптацыі вызначаюцца тыя, якія маюць высокі прэстыж і атрымліваюць сацыяльнае прызнанне. Адным з найбольш удалых прыкладаў сацыяльнай адаптацыі з'яўляецца спорт.

Ключавыя словы: спорт, натуралізацыя, сацыякультурная адаптацыя, міграцыя, глабалізацыя.

Sport as a Means of Naturalization and Sociocultural Adaptation

Modern society in the social sciences is described from the perspective of its globalization or regionalization. The basis of each of the points of vision is the belief in such characteristics as democratization, liberalization and humanization of public life. Today these trends are complemented by the concept of migration, which, with the help of the development and spread of communication, means has led to the fact that every year millions of people move not only within the borders of their own country or neighboring states, but move to other continents. This phenomenon occurs due to a number of reasons. At the same time, motivation comes to the fore, which is inspired by the natural desire to search for a better life conditions. Migrants adapt to their new place of residence in a variety of ways. On the one hand, they accept every offer for work, on the other hand, they do criminal activities on the verge of law and even violate the established laws. Among the various forms of sociocultural adaptation those that have high prestige and receive public recognition will still stand out. Sports are one of the most successful examples in this case.

Key words: sport, naturalization, sociocultural adaptation, migration, globalization.

Уводзіны

Прафесіяналізацыя спорту, развіццё інфраструктуры, далучэнне бізнесу ў яго фінансаванне ствараюць прастору для станоўчай адаптацыі мігрантаў. Падобныя прыклады можна ўбачыць падчас шматлікіх міжнародных спартыўных спаборніцтваў, у тым ліку такіх, як Алімпійскія гульні, першынствы свету і Еўропы па футболе, матчах Champions League, – тых відовішчаў, якія збіраюць шматмільённыя аўдыторыі. Калі задацца пытаннем аналізу жыццёвых лёсаў некаторых спартсменаў, то практычна ў складзе кожнай каманды ці нацыянальнай зборнай можна выявіць так званых натуралізаваных атлетаў. Адным з найбольш выразных паказчыкаў такога становішча з'яў-

ляецца прыклад зборнай Францыі – чэмпіёна свету па футболе 1998 г. У якасці прыкладу можна спаслацца на стартавыя пратаколы ўдзельнікаў XXXII летніх Гульняў 2020 г. (з-за пандэміі COVID-19 прайшлі годам пазней) і XXIV зімовых Гульняў 2022 г., што адбыліся ў японскім Токіа і кітайскім Пекіне адпаведна, дзе з лёгкасцю можна адшукаць прозвішчы шматлікіх натуралізаваных атлетаў.

Пытанне натуралізацыі ў спорце з'яўляецца адным з найбольш актуальных. Яно выклікае мноства спрэчак на самых розных узроўнях і засноўваецца на тым, што спартсмены, якія нарадзіліся на тэрыторыі пэўнай краіны і ад нараджэння мелі яе грамадзянства, затым у сувязі з шэрагам разнастай-

ных акалічнасцяў змянілі яго і сталі выступаць за нацыянальныя каманды іншых краін. У абсалютнай большасці прафесійнай дзейнасці такое становішча не выклікае асаблівай зацікаўленасці і застаецца па-за ўвагай шырокіх колаў публічнасці. Спорт, аднак, выглядае выключэннем.

Калі ў фінальным матчы чэмпіянату свету па футболе 1998 г. у Парыжы сустрэліся зборныя Францыі і Бразіліі, то, акрамя спартыўнай зацікаўленасці, увага балельшчыкаў была скіравана на састаў гаспадароў, у якім былі прадстаўлены ігракі, што мелі паходжанне з розных краін і вылучаліся колерам скуры, канфігурацыяй носа, формай валасоў і г. д. Здавалася, што не ўсе яны нават добра гаварылі па-французску і не ведалі належным чынам мову, але старанна спявалі дзяржаўны гімн і трымалі руку каля сэрца з гербам краіны, за якую выступалі.

Мэта артыкула заключаецца ў асэнсаванні паняцця «натуралізацыя» ў яго спартыўным увасабленні з улікам адукацыйных, маральных, міграцыйных, культурных, палітычных, філасофскіх, эканамічных і іншых фактараў. Працэсы змены прыярытэтаў сацыяльнага жыцця ў XXI ст. настолькі паскорыліся, што папярэднія канцэптуальныя стэрэатыпы раз-пораз падвяргаюцца крытычнаму аналізу. Філасофская рэфлексія ў цяперашні час выклікае хутчэй рэакцыю на падзеі і з цяжкасцю спрабуе вызначыцца з прагнастычнымі характарыстыкамі.

Метады даследавання

Спецыфіка работы і яе напісанне патрабавалі ад аўтара звярнуцца да такіх метадаў даследавання, як назіранне з улікам асаблівасцяў суб'ектыўнай перцепцыі, апісанне на аснове факталагічных матэрыялаў, параўнанне матывацыйных памкненняў суб'ектаў спартыўнай дзейнасці, аналіз і адпаведная інтэрпрэтацыя навуковых, публіцыстычных і дакументальных крыніц, вывучэнне і крытычнае асэнсаванне адкрытай у доступе інтэрнэт-інфармацыі. Экстрапаляцыя выяўленых сацыяльных тэндэнцый у пэўнай меры дае магчымасць зафіксаваць механізм гэтага феномена ў іншых сферах чалавечага жыцця.

Вынікі і абмеркаванне

Праблема натуралізацыі атлетаў становіцца ўсё больш актуальнай у сучасным спорце. У той жа час яна неадрыўна звязана з атрыманнем адпаведнага грамадзянства, якое вызначаецца як прававая сувязь асобы з пэўнай дзяржавай. Згодна з Гаагскай канвенцыяй ад 12 красавіка 1930 г. толькі дзяржава можа надаваць грамадзянства. Кожная дзяржава можа самастойна ўстанаўліваць правілы надання грамадзянства і такім чынам вызначаць, хто з'яўляецца яе грамадзянінам. У арт. I Канвенцыі падкрэсліваецца, што кожная дзяржава самастойна вызначае ў адпаведнасці са сваім законам тых, хто можа быць яе грамадзянінам [1]. Гэта прызнаюць усе іншыя краіны ў выпадку адпаведнасці такога палажэння міжнародным пагадненням, звычаям і прынцыпам права, якія датычацца гэтай праблемы. Аднак асоба, што мае грамадзянства дзвюх і больш дзяржаў, можа разглядацца кожнай з іх у якасці свайго грамадзяніна.

Часцей за ўсё грамадзянства набываецца па нараджэнні ці па прыналежнасці да бацькоў, або яно можа быць атрымана шляхам натуралізацыі. Гэта ўключае ў сябе падачу адпаведнага запыту, і далей, як правіла, неабходна выканаць адпаведныя патрабаванні па месцы жыхарства: доказ добрых паводзін, стану здароўя, легальных сродкаў забеспячэння, наяўнасці нерухомасці, дастатковага ведання мовы і культуры краіны. Усе яны часам змякчаюцца, калі гэта адпавядае інтарэсам дзяржавы, што асабліва тычыцца спартсменаў. Дзяржаўныя органы вельмі часта ідуць насустрач просьбам спартыўных інстытутаў і адмяняюць некаторыя юрыдычныя нормы ў пытаннях атрымання грамадзянства тым атлетам, якія, на думку функцыянераў, здольны ўзмацніць нацыянальныя каманды [2].

У спорце нацыянальнасць спартсмена мае значэнне па некалькіх прычынах. Па-першае, гэта крытэрыў для прадстаўлення ў зборную краіны. Па-другое, ёсць магчымасць абысці квоты, якія абмяжоўваюць колькасць легіянераў, каб збалансаваць спаборніцтвы і стымуляваць навучанне маладых атлетаў. У кожным выпадку вызначанай мэтай з'яўляецца абарона ўласных інтарэсаў як на міжнародным, так і на нацыянальным узроўні.

У сістэме рыначнай эканомікі ўплыў нацыянальнасці на спорт таксама адчувальны. Працэсы дэмакратызацыі, лібералізацыі, гуманізацыі, міграцыі, фемінізацыі ў глабалізаваным свеце не толькі стварылі адпаведныя ўмовы для фарміравання трансферных адносін з высокай мабільнасцю, але і прывялі да пэўных патрабаванняў у пытаннях натуралізацыі. Сітуацыя складваецца такім чынам, што, з аднаго боку, самі спартсмены шукаюць патэнцыяльна лепшыя варыянты для сваёй кар’еры, якая абмежавана ўзроставымі і іншымі крытэрыямі, з другога боку, нацыянальныя федэрацыі і спартыўныя клубы спрабуюць знайсці магчымасці для паляпшэння спартыўных вынікаў. У такім выпадку крытэрыі нацыянальнасці можа ў вышэйшай ступені паўплываць на лёс атлета. У шэрагу выпадкаў менавіта нацыянальнасць з’яўляецца вырашальным фактарам, калі дэтэлізуюцца змест кантракта, сумы ганарараў і г. д. Іншымі словамі, нацыянальнасць становіцца фінансавым актывам. Дыскусіі выклікаюць такія выпадкі, калі спартсмены набываюць новае грамадзянства без якіх-небудзь папярэдніх і бясспрэчных сувязяў са сваёй новай дзяржавай. Такая натуралізацыя ў грамадскай думцы ўспрымаецца даволі неадназначна, маральны складнік пры такім падыходзе да натуралізацыі інтэрпрэтуецца прадстаўнікамі тытульнай нацыі як пагроза. Узнікае дысананс пры выпрацоўцы стратэгіі дзеяння пры складанні правілаў натуралізацыі і набыцця грамадзянства з боку нацыянальных федэрацый для клубаў і спартсменаў [2].

У дадзеным матэрыяле ўвага акцэнтуюцца на трох важнейшых суб’ектах спартыўнай дзейнасці: атлетах, федэрацыях (міжнародных і нацыянальных) і клубах. Зразумела, што спартсмены выконваюць галоўную ролю: яны імкнуцца да паспяховай рэалізацыі сваёй кар’еры, якая ў любы момант можа быць прыпынена ў выніку пагаршэння стану здароўя, з-за дасягнення пэўнага ўзросту, у выніку канкурэнцыі і інш. Што да міжнародных федэрацый, то ў пытанні натуралізацыі яны праводзяць такую палітыку, каб сфармуляваць агульныя правілы і захаваць станоўчы імідж сваёй дысцыпліны. У той жа час нацыянальныя федэрацыі праводзяць спаборніцтвы на тэрыторыі сваіх краін, забяспечваюць роўныя правы для ўдзельнікаў і таму павінны ўліч-

ваць пэўныя абмежаванні для замежнікаў. Для прадстаўніцтва на міжнародным узроўні нацыянальныя федэрацыі час ад часу знаходзяць варыянты для натуралізацыі спартсменаў, каб палепшыць вынікі ў спаборніцтвах. Нарэшце, стратэгія клубаў заснавана на тым, што яны актыўна дзейнічаюць на трансферным рынку, таму што іх прыбыткі пераважна залежаць ад спартыўных вынікаў, на якія рэагуюць балельшчыкі. Квоты на замежных ігракоў прымушаюць кіраўніцтва клубаў шукаць шляхі ўзмацнення складу пры дапамозе натуралізацыі ўжо кваліфікаваных спартсменаў. Яшчэ адзін накірунак іх дзейнасці звязаны з тым, што спартыўныя клубы набіраюць маладых таленавітых ігракоў з розных краін, каб яны займаліся ў трэніровачных цэнтрах і потым маглі лічыцца выхаванцамі, падрыхтаванымі на мясцовым узроўні.

Доўгі час палітычны аспект спорту пераважаў над іншымі, але працэсы глабалізацыі сучаснага грамадства не абмінуў і спорт: сусветны рынак працы адкрыў свае межы для прадстаўнікоў розных краін з усіх кантынентаў. Тым не менш сістэма спорту застаецца даволі кансерватыўнай у пытаннях змены грамадзянства і выступлення спартсменаў на міжнародных спаборніцтвах пасля натуралізацыі. Наданне спартсменам грамадзянства павінна ўлічваць гарантаванае справядлівае да іх стаўленне. Акрамя таго, неабходна ўлічваць сапраўдныя сувязі паміж спартсменам і той краінай, якую ён прадстаўляе. Нарэшце, трэба імкнуцца прадухіліць «уцечку мускулаў», якая праяўляецца ў пераездзе таленавітых спартсменаў у эканамічна развітыя краіны.

Дыскусіі па пытаннях натуралізацыі спартсменаў ідуць на розных узроўнях. Актыўна распрацоўваюцца механізмы, якія б дазволілі сфармуляваць адзіныя нормы і падыходы да гэтага працэсу. Напрыклад, гэта сістэма кампенсацыі: калі спартсмен да 18 гадоў выступае за нацыянальную каманду краіны, у якой не трэніраваўся не менш за тры гады, то федэрацыя, якая яго прымае, павінна аплачваць зборы і трэніроўкі на карысць яго былой федэрацыі. Такі парадокс кампенсацыі ўведзены, напрыклад, Міжнароднай федэрацыяй футболу (ФІФА) у 2001 г. Ёсць спадзяванне, што такая палітыка прынясе фінансавыя рэсурсы федэрацыям краін з менш развітай эканамічнай

структурай. Неабходна нагадаць, што калі старэйшы за 18 гадоў спартсмен згуляў хоць адну гульню за нацыянальную зборную, то ён не зможа ў далейшым выступаць за нацыянальную каманду іншай краіны.

Працэс натуралізацыі спартсменаў адбываецца згодна з заканадаўствам адпаведнай краіны на аснове міжнароднага права, але нацыянальныя спартыўныя федэрацыі вызначаюць таксама шэраг спецыфічных патрабаванняў. Напрыклад, нідэрландскі навуковец Джэйсберт Унк (Gijsbert Oonk) звяртае ўвагу на тры спосабы набыцця грамадзянства. Першы – гэта прызнанне таго, што сучасныя глабальныя формы набыцця грамадзянства пры нараджэнні непазбежна ствараюць падвойныя варыянты грамадзянства. Гэта значыць, што краіны і нацыянальныя спартыўныя федэрацыі павінны прызнаць, што «падвойныя грамадзяне» могуць пажадаць змяніць спартыўнае грамадзянства. Другі спосаб: жыхары былых калоній могуць набываць грамадзянства, калі сцвярджаюць, што каланіяльныя сувязі з’яўляюцца часткай іх нацыянальнай ідэнтычнасці. Трэці спосаб датычыцца пераважна такіх краін, як ЗША і Канада, якія гістарычна прыцягвалі мігрантаў: яны выкарыстоўваюць практыку заахвочвання – спецыяльныя стыпендыі і гранты, каб запрашаць спартсменаў, якія ў перспектыве будуць іх прадстаўляць на міжнароднай арэне. Таксама можна прывесці прыклад такіх краін, як Катар і Бахрэйн, дзе большасць жыхароў з’яўляюцца мігрантамі. Тут выкарыстанне спартсменаў-мігрантаў адпавядае агульнай міграцыйнай стратэгіі: так робіцца з мэтай прадстаўніцтва краін на міжнародных спартыўных арэнах [3, с. 198]. Падвойнае грамадзянства, працягвае Дж. Унк, зліваецца пры нараджэнні ў двух выпадках: па-першае, у гандарна нейтральнай сістэме *jus sanguinis* (лац. *права крыві* – «грамадзянства дзіцяці залежыць ад грамадзянства яго бацькоў незалежна ад таго, на тэрыторыі якой дзяржава яно нарадзілася і на тэрыторыі якой дзяржавы жывуць самі бацькі»), дзеці «змешанага» паходжання аўтаматычна набываюць грамадзянства абодвух бацькоў; па-другое, у выніку спалучэння *jus soli* (лац. *права зямлі* – «грамадзянства абумоўлена месцам нараджэння і не звязана з грамадзянствам бацькоў») і *jus sanguinis*. Падвойнае грамадзянства можна было б пазбег-

нуць толькі ў выпадку, калі ўсе дзяржавы прынялі б альбо чысты *jus soli*, альбо *jus sanguinis* ад аднаго з бацькоў. Тым не менш гандарная дыскрымінацыя ў грамадзянстве была забаронена нормаў міжнароднага і ўнутранага права, і краіны, якія прымяняюць *jus soli* на сваёй тэрыторыі, у асноўным надаюць грамадзянства *jus krvavinis* (права крыві) дзецям, народжаным іх грамадзянамі за мяжой. На аснове гэтага няма такога ўсеагульнага правіла, якое можна было б прыняць ва ўсіх краінах адразу, каб пазбегнуць некалькіх формаў грамадзянства. Іншымі словамі, дзяржавы заўсёды могуць даваць два або больш спартыўных грамадзянстваў. Нідэрландскі футбаліст Джонатан дэ Гузман (Jonathan de Guzman), напрыклад, мог гуляць за Ямайку (паходжанне па матчынай лініі), Філіпіны (паходжанне па бацькоўскай лініі), Канаду (дзе ён нарадзіўся) і Нідэрланды (дзе ён пачаў сваю кар’еру і меў права гуляць пасля натуралізацыі). Яго брат Джуліян дэ Гузман (Julian de Guzman) прадстаўляе Канаду. Такім чынам, як надзвычай таленавіты паўабаронца, Джонатан здолеў дамовіцца з галандскай і канадскай нацыянальнымі футбольнымі федэрацыямі. Яго грамадзянскі капітал (форма культурнага капіталу) быў такім, што ён мог прэтэндаваць на тое, каб выступаць за чатыры розныя краіны на міжнародным узроўні. Па той жа прычыне чатыры нацыянальныя футбольныя федэрацыі маглі змагацца за яго талент. У выніку Джонатан дэ Гузман вырашыў выступаць за зборную Нідэрландаў хутчэй за ўсё таму, што шанцы выйграць медаль чэмпіянату свету там былі найбольш высокімі [3, с. 200].

Размеркаванне па краінах футбалістаў-мігрантаў тлумачыцца шэрагам сацыяльна-палітычных і эканамічных фактараў. Доктар Рафаэль Палі (Raffaele Poli) са швейцарскага ўніверсітэта ў Неўшатэлі (University of Neuchâtel), які таксама ўзначальвае Футбольную лабараторыю Міжнароднага цэнтра па аналізе трансфернага рынку і выступленняў ігракоў, заўважае, што працягвае функцыянаваць сістэма традыцыйных міграцыйных каналаў, якая ўплывае на натуралізацыю і статус грамадзянства ў футболе. Гэта залежыць ад такіх крытэрыяў, як геаграфічная блізкасць (Германія – Усходняя Еўропа, Англія – Скандынавія, Ірландыя і іншыя часткі Вялікабрытаніі) або гістарыч-

ныя сувязі (Іспанія – Лацінская Амерыка, Італія – Лацінская Амерыка, Францыя – афрыканскія калоніі, Англія – ЗША і Аўстраля) [4, с. 499]. Зразумела, што ў сучасным глабалізаваным грамадстве могуць утварацца таксама і іншыя каналы легальных і нелегальных міграцыйных перамяшчэнняў.

У якасці яскравага прыкладу звернем увагу на склад зборнай Францыі па футболе 1998 г.: з дваццаці футбалістаў карэннымі французамі былі толькі сем (Фаб’ен Бартэз, Ларан Блан, Франк Лебёф, Дзідз’е Дэшамп, Эмануэль Пеці, Стэфан Гювар і Крыстоф Дзюгары). Што да іншых ігракоў, то яны трапілі ў Францыю рознымі шляхамі. Так, Марсэль Дэсаі нарадзіўся ў сталіцы Ганы Акры. Ва ўзросце чатырох гадоў яго ўсынавіў французскі дыпламат, выхаванне і адукацыю Дэсаі атрымаў у Францыі. Яго партнёры па абароне таксама мелі рознае паходжанне: Ліліян Цюрам паходзіў з Гвадэлупы, Біксэн Лізаразю – з краіны Баскаў, Вінсэнт Кандэла – з Іспаніі. З Гвадэлупай таксама звязаны Бернар Дзіяме і Ц’еры Анры (мама паходзіць з Марцінікі), з Арменіяй – Алан Багасян, з Аргенцінай – Давід Трэзегэ, з Сенегалам – Патрык Віера (мама паходзіць з Кабо-Вердэ), з Партугаліяй і Іспаніяй – Рабер Пірэс, з Новай Калядоніяй – Крысціян Карамбё. Асобна трэба сказаць пра Юрыя Джаркаефа. Ён нарадзіўся ў Ліёне. Яго бацька, футбаліст Жан Джаркаеф, сын калмыка і полькі, пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі эмігрыраваў з Расіі ў Францыю. Маці Юрыя армянка – Мары Аганян. Будучы ігрок зборнай Францыі выходзіўся ў армянскай дыяспары, якая аказала на яго такія моцны ўплыў, што нават з жонкай-іспанкай ён вянчаўся ў армянскай царкве. Ён ганаровы грамадзянін Арменіі. У ліпені 2010 г. у інтэрв’ю часопісу France Football Юрый Джаркаеф паведаміў, што не выключае магчымасці аднойчы ўзначаліць зборную Арменіі па футболе. Вядома, што калі ён прыязджае ў новую для сябе краіну, то заўсёды спрабуе ўстанавіць кантакты з армянамі, якія там жывуць [5].

Яшчэ адзін знакаміты футбаліст з каманды чэмпіёнаў свету 1998 г. Зінэдзін Зідан нарадзіўся ў Марсэлі. Ён быў пятым дзіцём у сям’і алжырскіх эмігрантаў Смаіла і Малікі Зіданаў, якія пакінулі свой родны рэгіён Кабыліе на поўначы краіны ў 1953 г. Напачатку Зідан вучыўся гуляць у футбол

на вуліцах Ла Кастэлан у прадмесці Марсэля, дзе меўся высокі ўзровень беспрацоўя і такі ж высокі ўзровень злачыннасці.

Як можна заўважыць, прыклад футбольнай зборнай Францыі 1998 г. ілюструе пэўныя міграцыйныя тэндэнцыі XXI ст. Перш за ўсё гэта міграцыйны рух, які звязаны з эканамічнымі прычынамі пошукаў лепшага жыцця. Назвы такіх экзатычных краін, як Гвадэлупа, Кабо-Вердэ, Марцініка ці Новая Каледонія, яскрава пра гэта сведчаць. Другая тэндэнцыя – гэта адносіны «метраполія – калонія» (гаворка ідзе пра былыя французскія калоніі, адкуль значна лягчэй трапіць у Еўропу). Трэцяя акалічнасць звязана з геаграфіяй – памежнымі тэрыторыямі краін-суседак, напрыклад Партугалія – Іспанія – Францыя.

Заходнееўрапейскія краіны, якія складаюць аснову Еўрапейскага саюза, як вядома, вызначаюцца высокім узроўнем і стандартамі жыцця, заснаванымі на дасягненнях сучаснага глабалізаванага спажывецкага і інфармацыйнага грамадства. Прэстыжныя рабочыя месцы займаюць карэнныя жыхары, а непрэстыжныя дастаюцца эмігрантам з бяднейшых краін. Немалую частку сацыяльнай дзейнасці ў найбольш развітых краінах займае правядзенне вольнага часу, дзе значнае месца адводзіцца спорту. Але само карэннае насельніцтва з’яўляецца хутчэй спажывцом спартыўнага прадукту, выступае ў якасці гледача сучаснага спартыўнага аб’екта, мае магчымасць плаціць адпаведныя грашовыя сумы за білеты і разнастайныя гаджэты. Сытаму заходняму еўрапейцу няма патрэбы рызыкаваць сваім здароўем у жыццёва небяспечным прафесійным спорце. Для гэтага ёсць іншыя. Хто яны? Гэта тыя, хто ў пошуках лепшага жыцця згаджаецца на прапанову, здавалася б, лёгкага заробку. Спорт выступае ледзь не адзіным спосабам хуткага сацыяльнага росту і прызнання. Мігранты прыязджаюць працаваць туды, дзе карэннае насельніцтва не выказвае асаблівай зацікаўленасці. Перасяленцы ў першым пакаленні пагаджаюцца амаль на ўсе віды працы, каб атрымаць сродкі для жыцця, але іх дзеці ўжо пачынаюць арыентавацца і спадзявацца на якасна больш высокі статус. Праўда, навучанне ва ўніверсітэтах застаецца ў пераважнай большасці недасягальным, а вольны спорт знаходзіцца ў межах дасягальнасці. У гэтым выпадку ёсць

шанс трапіць у групы падрыхтоўкі футбольных клубаў, атрымаць базавыя навыкі гульні, спартыўную форму і дадатковае харчаванне, нават нейкае фінансаванне, а галоўнае, заняць свой вольны час і тым самым шмат у чым пазбегнуць удзелу ў крымінальных групавых, якія часта вельмі распаўсюджаны ў эмігранцкіх колах. З іншага боку, бацькі мясцовых дзяцей нярэдка выказваюць сваё незадавальненне тым, што побач з імі трэніруюцца дзеці мігрантаў. Напрыклад, Златан Ібрагімавіч успамінае пра гэта ў сваёй аўтабіяграфічнай кнізе: «Мы жылі ў Розенгардзе, у прадмесці Мальмё, дзе было поўна самалійцаў, туркаў, югаславаў, палякаў і іншых эмігрантаў плюс некалькі шведаў» [6, с. 32]. «Калі быў дзіцём, брат падарыў мне веласіпед... але аднойчы яго ўкралі... Пасля гэтага здарэння сам стаў красці веласіпеды. Адчыняў замкі. Быў у гэтай справе сапраўдным майстрам. Раз, раз, раз – і ўжо быў маім. Выкрадальнік веласіпедаў – гэта было маёй першай самасвядомасцю» [6, с. 31].

Заклучэнне

Праблема натуралізацыі ў сучасным спорце з'яўляецца актуальнай перш за ўсё з-за таго, што сам спорт як сацыякультурны феномен шырока распаўсюджаны па ўсім свеце, ім цікавяцца сотні мільёнаў людзей, а лепшыя спартсмены ўспрымаюцца ў грамадстве як прыклады асабістага і сацыяльнага поспеху. Навіна аб трансферах і велічыні ганарараў спартыўных зорак становіцца тэмай для дыскусій у сродках масавай інфармацыі і на бытавым узроўні.

Існуе шэраг абавязковых правіл адносна механізма натуралізацыі спартсменаў і атрымання імі грамадзянства іншай краіны. Часам да гэтых правілаў прад'яўляюцца асаблівыя патрабаванні, напрыклад, распрацоўкі, прапанаваныя ФІФА, якая з'яўляецца галоўным органам кіравання самага папулярнага на свеце віду спорту. Галоўны прынцып, пазначаны ў Статуце ФІФА, дазваляе футбалісту прадстаўляць толькі адну краіну. Кожны, хто мае грамадзянства той ці іншай краіны (незалежна ад месца жыхарства), мае права гуляць у яе нацыянальнай зборнай, за выключэннем абставін, прапісаных у арт. 9 Статута: ігрок, які выступаў за адну краіну ў афіцыйных міжнародных спаборніцтвах любой катэгорыі або віду

футбола (цалкам або часткова), не мае права выступаць за іншую краіну [7, с. 73].

Тым не менш крытэрыі нацыянальнасці можа дазваляць футбалістам прадстаўляць больш чым адну краіну, але ў гэтым выпадку трэба, каб выконваліся наступныя ўмовы: 1) неабходна нарадзіцца на тэрыторыі адпаведнай краіны; 2) біялагічныя бацька альбо маці павінны былі нарадзіцца на тэрыторыі адпаведнай краіны; 3) бабуля альбо дзядуля павінны былі нарадзіцца на тэрыторыі адпаведнай краіны; 4) неабходна пражыць на тэрыторыі адпаведнай краіны не менш чым пяць гадоў [7, с. 74].

Атрыманне новага грамадзянства дазваляе футбалістам выступаць за нацыянальную зборную толькі тады, калі спартсмен адпавядае тром першым пералічаным вышэй крытэрыям і пражыў на тэрыторыі адпаведнай краіны не менш чым пяць гадоў пасля дасягнення васемнаццаці гадоў [7, с. 75]. Акрамя таго, у некаторых выпадках існуе магчымасць змены спартыўнага грамадзянства ў выніку ўзгаднення трансфераў паміж зборнымі [8].

У выпадку натуралізацыі футбаліст, які атрымаў новае грамадзянства без сувязі з гэтай краінай, не будзе мець права выступаць за яе нацыянальную каманду. Тут узнікае даволі спрэчная сітуацыя, якую ФІФА спрабуе вырашыць шляхам увядзення шэрага абмежаванняў, звязаных з пытаннямі месца нараджэння і часам пражывання самога футбаліста, нараджэння яго біялагічных бацькоў, а таксама бабуляў і дзядуляў. На думку функцыянераў ФІФА, такі падыход дазваляе гарантаваць, што на момант натуралізацыі ігрок будзе мець дакладныя сувязі з адпаведнай краінай.

Натуралізацыя спартсменаў з наступным наданнем ім грамадзянства той ці іншай краіны не з'яўляецца гарантыяй іх сацыякультурнай адаптацыі. У якасці прыкладаў можна прывесці спробы з далучэннем да выступленняў за нацыянальную зборную Беларусі па хакеі канадскіх ігракоў Кэвіна Лаланда, Шарля Лінгле, Джэфа Плата, якія пасля заканчэння гульні за Беларусь пакінулі тэрыторыю краіны. Тое ж самае можна сказаць і пра нігерыйскага футбаліста Эмануэля Алісэдэбе, які ў свой час прадстаўляў зборную Польшчы, а па заканчэнні кар'еры вярнуўся на радзіму. Прыклады можна пра-

цягваць і далей, аднак гісторыя гандбаліста беларускага паходжання Сяргея Рутэнкі выглядае феноменальна: акрамя беларускага грамадзянства па нараджэнні, у 2003 г. ён атрымаў славенскае, а ў 2008 г. – іспанскае грамадзянства.

Такім чынам, неабходна падкрэсліць, што, з аднаго боку, тэндэнцыі дэмакратыза-

цыі, лібералізацыі, гуманізацыі, міграцыі, фемінізацыі і інш. у сучасным глабалізаваным свеце паскараюць працэсы натуралізацыі і сацыякультурнай адаптацыі. З другога боку, натуралізацыя ў спорце не з’яўляецца гарантыяй сацыякультурнай адаптацыі і змена грамадзянства на сённяшні дзень яе не патрабуе.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Конвенция, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве [Электронный ресурс] : [заключена в г. Гааге 12.04.1930 г.]. – Режим доступа: <http://zaki.ru/pagesnew.php?id=1498>. – Дата доступа: 26.09.2023.
2. Sport and national eligibility criteria in the era of globalization [Electronic resource]. – Mode of access: <https://sports-chair.essec.edu/resources/research-reports/sport-and-national-eligibility-criteria-in-the-era-of-globalization>. – Date of access: 21.09.2023.
3. Oonk, G. Sport and nationality: towards thick and thin forms of citizenship / G. Oonk // National identities. – 2022. – Nr 3, vol. 24. – P. 197–215.
4. Poli, R. Understanding globalization through football: The new international division of labour, migratory channels and transnational trade circuits / R. Poli // International Review for the Sociology of Sport. – 2010. – Vol. 45 (4). – P. 491–506.
5. Youri Djorkaeff [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.peoples.ru/sport/hockey/youri_djorkaeff/. – Date of access: 27.09.2023.
6. Ibrahimović, Z. Moja historia / Z. Ibrahimović, D. Lagercrantz, Ibra Ja. – Kraków : SINE QUANON, 2012. – 389 s.
7. FIFA Statutes (in force as from May 2022) / Fédération Internationale de Football Association. – Zurich : Fédération Internationale de Football Association, 2022. – 96 p.
8. Prawne aspekty zmiany barw narodowych [Zasób elektroniczny]. – Tryb dostępu: <https://prawosportowe.pl/a/prawne-aspekty-zmiany-barw-narodowych>. – Data dostępu: 21.09.2023.

REFERENCES

1. Konvencija, riegulirujushchaja niekatoryje voprosy, sviazannyje s kollizijej zakonov o grazhdanstvie [Elektronnyj riesurs] : [zakliuchiena v g. Gaagie 12.04.1930]. – Riezhim dostupa: <http://zaki.ru/pagesnew.php?id=1498>. – Data dostupa: 26.09.2023.
2. Sport and national eligibility criteria in the era of globalization [Electronic resource]. – Mode of access: <https://sports-chair.essec.edu/resources/research-reports/sport-and-national-eligibility-criteria-in-the-era-of-globalization>. – Date of access: 21.09.2023.
3. Oonk, G. Sport and nationality: towards thick and thin forms of citizenship / G. Oonk // National identities. – 2022. – Nr 3, vol. 24. – P. 197–215.
4. Poli, R. Understanding globalization through football: The new international division of labour, migratory channels and transnational trade circuits / R. Poli // International Review for the Sociology of Sport. – 2010. – Vol. 45 (4). – P. 491–506.
5. Youri Djorkaeff [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.peoples.ru/sport/hockey/youri_djorkaeff/. – Date of access: 27.09.2023.
6. Ibrahimović, Z. Moja historia / Z. Ibrahimović, D. Lagercrantz, Ibra Ja. – Kraków : SINE QUANON, 2012. – 389 s.
7. FIFA Statutes (in force as from May 2022) / Fédération Internationale de Football Association. – Zurich : Fédération Internationale de Football Association, 2022. – 96 p.
8. Prawne aspekty zmiany barw narodowych [Zasób elektroniczny]. – Tryb dostępu: <https://prawosportowe.pl/a/prawne-aspekty-zmiany-barw-narodowych>. – Data dostępu: 21.09.2023.

УДК 13

Ольга Васильевна Финслер*канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии и экономики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Olga Finsler***Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Economics
of Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: olfi@bk.ru***ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ЖИВОПИСИ И ФОТОГРАФИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Изучение специфики конструирования и восприятия художественного образа в фотографии и живописи позволило глубже осознать корреляцию смыслов в содержании этих видов изобразительно-го искусства. В результате проведенного анализа были выявлены нравственно-этические проблемы в культуре через обобщение и конкретизацию образной системы фотографии и живописи, изучена темпоральность образов в них через игру присутствия/отсутствия, а также получено практическое подтверждение взаимного заимствования средств художественной выразительности, способствующего значительному обогащению их художественного языка.

Ключевые слова: *художественный образ, искусство, восприятие, анализ, сравнение, философия искусства, фотография, живопись, этика.*

***Features of Construction and Perception of Artistic Image
in Painting and Photography: Comparative Analysis***

Studying the specifics of constructing and perceiving an artistic image in photography and painting made it possible to better understand the correlation of meanings in the content of these fine arts. As a result of the analysis, moral and ethical problems in culture were identified through generalization and concretization of the figurative system of the declared types of art, the temporality of images in photography and painting was studied through the game of presence/absence, and practical confirmation was obtained of the mutual borrowing of means of artistic expression, which contributes to significant enriching their artistic language.

Key words: *artistic image, art, perception, analysis, comparison, philosophy of art, photography, painting, ethics.*

Введение

Как известно, художественный образ в изобразительном искусстве воссоздает при помощи зрительного контакта внешние формы предметов, события, которые либо присутствуют в реальности, либо являются вымышленными их творцом. Они создаются с помощью специальных выразительных средств, техник, инструментов и приемов. Исследуя художественный образ, И. П. Никитина отмечает, что главная его особенность в том, что, интерпретируя действительность, он на самом деле является вымышленным, ненастоящим [1, с. 360–362]. Даже наиболее точная картина, изображающая реальность, не может воплотить в себе все то, что есть на самом деле. По сути, художественный образ – это некое изображение, через которое художник показывает определенный сюжет, настроение,

транслирует и кодирует общечеловеческие или субъективные смыслы.

Зрительный образ воплощается художником в пространственных искусствах «здесь и сейчас». Художник ограничен пределами одного момента и одного события. Этому способствует плоскость картины, листа, не имеющая возможность создать последовательность движения объектов. Тем не менее временная составляющая художественного образа в изобразительных искусствах зависит от символики и проявляется в субъективности восприятия зрителем сюжета, что накладывает отпечаток на восприятие самого образа. Главная задача художественного образа в целом в искусстве – выражение идей, переживаний автора, его отношения к миру. И делает это не только сам художник, когда создает творческое произведение, но и воспринимающий зри-

тель, выражающий свое эмоциональное отношение к произведению.

Целью данного исследования является рассмотрение особенностей конструирования и восприятия художественного образа в живописи и фотографии через сравнительный анализ. В качестве основных проблем анализа выступают нравственно-этические и темпоральные вопросы. Особого внимания заслуживает также проблема заимствования средств художественной выразительности, влияющих на обогащение образной системы этих видов искусств.

Интерес к визуальности

Искусство как универсальный «текст», кодирующий информацию, ценностные составляющие внутреннего мира его авторов, представляет собой один из важнейших информационных потоков знания. Этот поток способен быстро и точно посредством визуальной эмоциональной составляющей (художественный образ) влиять на сознание человека и даже управлять им. Мы можем «прочитать» содержание, владея изначально языком эмоций, но владение языком символов и особых средств художественной выразительности позволяет нам считывать глубинные послания через тот или иной вид искусства. Хотелось бы затронуть именно визуальные искусства, поскольку потребность в визуальной информации особенно остро возникла у человека в эпоху XIX в. и сегодня достигла своего апогея. «Смотрение» в это время становится особенно популярным. Мир словно раздвигает свои визуально информационные границы: возрождаются Олимпийские игры, появляется интерес к экзотическим культурам и путешествиям, музеям, появление фотографии и кинематографа усиливает визуальную тягу к информации, зашифрованной в деталях изображения. Изобретение лампочки, рентгена, инфракрасных лучей словно продлевает человеку возможность дольше и глубже вглядываться в очертания мироздания, внимательнее и пристальнее соприкасаться с материальностью бытия. Именно в это время обнаруживается противостояние классической живописи и новомодной фотографии, изображения начинают спорить за информационное наполнение и визуальное исполнение. Если первая предлагает длительные раздумья и

погружение в историческую тематику прошлого, то вторая отличается «демократизацией зрительного опыта», выхваченным моментом, жизнью, которая часто недоступна осознанию человека, и именно этой легкостью преподнесения информации она становится любимицей публики. А что происходит с текстами искусства? Они либо усложняются (абстракционизм), либо упрощаются (поп-арт).

Обратимся к статье В. Н. Фурса, который рассматривает идеи Ж. Бодрийера о симулякрах в контексте виртуального измерения социальной реальности. «Бодрийер выстраивает следующую последовательность фаз развития образа: 1) он является отражением некоей фундаментальной реальности; 2) он маскирует и искажает фундаментальную реальность; 3) он маскирует отсутствие фундаментальной реальности; 4) он вообще не имеет отношения к какой бы то ни было реальности: является своим собственным симулякром. Решающий поворот знаменуется переходом от знаков, которые что-то скрывают, к знакам, которые скрывают, что ничего и нет: если первые еще отсылают к теории истины, то вторые, собственно, и возвещают эру симулякров и симуляции. Замена реальности образами реального означает, что реальное все равно существует и воспроизводится. Симуляция – это порождение образа посредством *моделей* реального «без происхождения и реальности. Следовательно, реальное как синтез или комбинирование – это уже гиперреальное» [2]. Оно обязано этим уже не конкретным событиям, явлениям или предметам мира и художественному замыслу творца и его эстетическому восприятию, а своей *искусственностью*. Возможно ли ее подвергнуть оценке? Очень трудно. С точки зрения нравственного императива безоценочность опасна непониманием истинной природы ценностей, которые базируются на общечеловеческих потребностях в душевном тепле, сострадании, прощении, понимании...

Бодрийер считает, что большинство современных искусств – это синтетические образы, т. е. изображения, на которых буквально невозможно увидеть что-либо. Все они лишены теней, следов, последствий. Искусственные образы порождают искусственные ценности, которые, как яркие вспы-

шки лицедейства, загораются на небосклоне человеческого эгоизма и гаснут, не оставляя следа в сердцах своих потомков и последователей. Все, что очаровывает в картине, выполненной в одном цвете, – это восхитительное отсутствие всякой формы. Это стирание всякого эстетического синтаксиса, происходящее под видом искусства [3]. Эта кажущаяся свобода способна навредить отсутствием авторской позиции, которая неизменно включает опору на ценности и традиции. Выйти в беспредельное – это попытка оторваться от коллективного опыта и реальности, это заманчивый опыт, но гарантирует ли он душевное равновесие?

Мы постепенно теряем способность синтезировать, мыслить и создавать новые формы реальности на основе имеющихся. Это происходит и в современном изобразительном искусстве. Живопись или фотография становится упрощенной эстетической формой ирреального обмена. Хотя искусство никогда не было механическим отражением положительных или отрицательных явлений мира, но возвращение его на почву реальности с возможностью переживания в рамках собственной субъективности и общечеловеческого опыта всегда давало творцу опору, как декартовское «Я мыслю, следовательно, я существую». Разве сегодня искусственный интеллект, используемый в сфере изобразительного искусства, не подтверждает опасения философа? Мы видим прекрасную симуляцию реальности образа, идеальную в своей правильности, но именно несовершенство образа говорит о его подлинном рождении в сознании художника как глубочайшей работы всех его ценностных, чувственных и рациональных составляющих жизненного опыта.

Образ сегодня становится особой реальностью, он не способен ее преобразить, увидеть в воображении или выстрадать. Сегодня повсюду все упрощено, и вещи, полностью предоставленные самим себе в их визуальности и виртуальности, в их безжалостном искажении (в цифровых эквивалентах), вписываются только в миллиарды экранов, в которых реальность, вместе с самими образами, исчезает. А все потому, что сам человек утрачивает связь с собой, своим внутренним миром. Ответ на вопросы «Кто я? Какой я?» повисают в воздухе, и неспособность саморефлексии порождает

искусственность множасьщих образов, которые не дают ценностной опоры.

Но в целом история визуальности – это история экспансии и желание обладать тем, что ты видишь [4]. Начиная с первобытного искусства, изображение первых очертаний животных на стенах древних пещер, говорит о желании человека обладать видимым осязаемым миром, желанием подчинить его своей воле. Изображение как знак или метка осознания человеком своего присутствия в мире, своей власти над миром. По сути, мир культуры всегда был зависим от художественных образов и символов. Обладание предполагает надевание масок, мы сталкиваемся с интерпретацией, заблуждением, новыми открытиями, бесконечным прочтением. Поэтому визуальные тексты искусства обладают невероятным воздействием на сознание человека, т. к. за короткий период восприятия изображения (в отличие от временных или пространственно-временных искусств) талантливый автор может вместить много посланий. Это может быть как примитивная манипуляция, так и глубоко переживаемое чувство или идея, которые на подсознательном уровне останутся со зрителем на долгое время и в какой-то момент откроются в его сознании вспышкой понимания. Что самое важное в восприятии художественного текста и не только? Это возможность пробудить в адресате его личностную позицию, его ценности, создать отклик и движение мысли...

Как выход из сложившейся ситуации современные визуальные искусства наряду с классическими проектами, сегодня предлагают новые способы преподнесения важной серьезной информации. Несмотря на динамику развития визуальной культуры, зачастую в искусственном шаблонном направлении мы наблюдаем положительные результаты:

1) невероятный синтез искусств (звук, слово, движение, цвет объединяются в одном представлении, максимально воздействуя на зрителя);

2) современные музейные экспозиции, опираясь на технические достижения, создают эффект объемного восприятия или нахождения «внутри картины», «внутри ситуации», тем самым ускоряя процесс понимания изображения без длительных разговоров;

3) временной фактор восприятия художественного текста сокращается, т. к. он подается короткими посылами (презентации, видеоролики и т. д.);

4) вводится ощущение понимания «обладания пространством» через смотрение («Я вижу это, значит, я обладаю этим, понимаю его»). Поэтому современные инсталляции направлены на то, чтобы привлечь внимание зрителя к своей собственной жизни, показать ее ценности, а не говорить об историческом прошлом;

5) привлечь внимание можно не только «криком, цветом и выпуклостью из пространства», а в первую очередь тишиной или пустотой. Отсутствие показывает значимость, и желание дорисовать, додумать становится ярче. Таким образом, можно вовлечь зрителя в диалог (пустое пространство картины, медитации через звук и т. д.).

Сравнительный анализ образной системы живописи и фотографии

С конца XIX в. эклектика в художественной стилистике различных видов искусств является закономерным явлением. Визуальный образ заполняет все пространство культуры и в современной культуре. Синтез искусств, интерес к развитию смежных сфер научного познания сегодня выходят на первый план. Поэтому представляется актуальным с научно-практической точки зрения сопоставить образные системы фотографии и живописи. В живописи и фотографии инструментарий и технические приемы отличаются, но средства художественной выразительности (композиция, свет, цвет) имеют много общего.

Рассмотрим специфику восприятия и конструирования художественного образа в живописи и фотографии.

1. В живописи художественный образ носит обобщенный характер (собирательный, выдуманный), в фотографии – конкретный. За счет этого отличия степень воздействия на зрителя будет разной. Изображение на холсте воспринимается не до конца правдивым. Ведь художник может домыслить, вообразить, приукрасить и, соответственно, его образ будет собирать в себе общие черты или ценности, позволяя более широко и отстраненно воспринимать его. Через обобщенный образ художник ярче доносит свою ценностную позицию.

Ведь он автор своих образов, а значит, его нравственная эстетическая позиция здесь важна.

В фотографии мы видим конкретные детали, реально существующих людей и, соответственно, из-за демократичности и документальности художественного образа в фотографии воспринимаем ее как факт и слепок реальности. А значит, ценностную позицию автора можем не замечать, либо автор может прятаться от высказывания за конкретными образами на своих снимках, тем самым снимая с себя ответственность. В качестве примера можно сравнить работы двух известных художников: Тициана «Венера Урбинская» и Мане «Олимпия». Мы видим явное визуальное совпадение образов героинь и даже некоторую иронию в подражании французского импрессиониста мэтру венецианского ренессанса. Почему работа Мане долгое время не воспринималась его современниками? Почему казалась вызывающей? Все дело в том, что Мане использовал фотографические приемы в написании своей картины: сокращение дистанции между зрителем и образом, прямолинейный взгляд героини на зрителя, детализацию фактуры тела и современные детали интерьера. Казалось бы, несколько элементов – и образ из обобщенного превращается в конкретный. Сегодня фотографы (например, Эни Лейбовиц) используют прием обобщения для того, чтобы заложить в образ общие черты или универсальные идеи, которые проявляются через конкретный образ общечеловеческими смыслами и выглядят более живописно.

Художник обладает мощным воздействием на зрителя через архетип или художественный образ, а значит, вопросы этики для художника должны стоять превыше собственных комплексов и необузданных страхов. В современном искусстве есть авторы, которые несут много негативной информации, влияющей на незрелого в психическом и этическом плане зрителя опасным образом. Это относится к различным жанрам современной фотографии или кино, где открыто, без оценки автора транслируются провокационные сюжеты. Безоценочность и мнимая «свобода мнений» делают современное искусство безнравственным и бездушным. И в то же время есть в истории искусства творцы, которые используют

свой творческий дар для роста, очищения своей души и экзистенциального изменения. Через такое искусство вместе с автором, его незабываемой позицией и авторитетным мнением происходит и духовной рост зрителя как личности.

Положительное воздействие выводит зрителя на более высокий уровень духовного проживания своей жизни, что напоминает нам идею «энтелехии» в искусстве (по Аристотелю). Происходит очищение души посредством эмоционального погружения в художественное произведение, и за счет глубинных высоких смыслов, заложенных автором, зритель приобщается к высшим ценностям. Извращенное удовольствие действует частично на зрителя, лишая его внутренних этических опор и вводя в мировоззренческий хаос. Прежде чем претендовать на высокие смыслы, искусство должно быть безопасно для души и психики зрителя.

2. В живописи художественный образ чаще эстетизирован, этически сбалансирован, в фотографии за счет работы с реальным пространством эстетические аспекты могут стираться (лайфстайл, репортаж, документальная фотография).

В фотографии в отличие от живописи побеждает реальность. От нее можно убеждать, если в кадре не будет человека и документальных эпизодов, но герой и определенные предметы в кадре – это показатель конкретного времени. И нужно ли убеждать от реальности? Обнаженная фигура мифологической богини на картине – это художественный образ, он кажется выдумкой, хотя моделями для художников часто выступают реальные люди. Художественный образ героя в фотографии – это всегда реальный человек, а значит, и эстетическая требовательность по отношению к фотографии будет более высокой. Поэтому в фотографии есть мощные средства по преобразованию реальности в художественное пространство, усиливая которое можно добиться высокого профессионального уровня. Свет, создающий художественные акценты в пространстве снимка, – основа фотографии. Поэтому, управляя светом по своему желанию, фотохудожник способен усилить смыслы. Размытие фона и некоторых деталей реальности отсылает нас к живописной манере. Поиск смелых ракурсов дает зрителю возможность заглянуть за пре-

делы реальности, наделив ее чертами вымысла и фантазии, придать доминантное положение или спрятать в повседневном хаосе линий. Цвет и формы могут звучать остро и пронзительно в зависимости от вложенного смысла. Фотография умеет многое, и в отличие от живописи она более смело говорит на языке современного человека. Поэтому в ней меньше постановочной живописности и больше жизненной динамики, которую фотограф упорядочивает «здесь и сейчас», являясь сотворцом реальности, а не ее наблюдателем. Но чем более сложны символы и выверенные позы, ракурсы, световые и цветовые акценты, управляющие зрительским вниманием, тем более обобщенными и нереалистичными кажутся работы фотографов, т. е. близкими к живописному образу.

3. В живописи художественный образ более дистанцирован от зрителя (рама картины, большие пространства, окружающие героя, смысловое расположение предметов), а в фотографии направлен на непосредственный контакт за счет конкретной реальности и ее деталей. Отсюда переживание времени в живописи и фотографии будет отличаться.

Почему образы старых фотографий обладают странной притягательностью? Интерес к ним кроется в присутствии предмета в конкретном образе, который противоречит тому, что вещь или предмет отсутствует в настоящей реальности здесь и сейчас. Поэтому образ в фотографии одновременно присутствует и отсутствует. А это совсем не характерно для живописи. Если мы вспомним работу Серова «Девочка с персиками», то образ будет не фактически точным, «как на фотографии», а собирательным и максимально отражающим личностную ценностную позицию художника. Через образ в фотографии зритель может чувствовать скоротечность времени. Но почему игра бытия и небытия при рассмотрении старого снимка не вызывает у нас чувства утраты? Ведь то, что мы созерцаем, конечно, и тот факт, что этого образа уже нет, и подтверждает его конечность. Созерцая фото прошлого, мы воспринимаем не прошлое, а по сути, сопоставляя свое присутствие в этом мире с тем, чего уже нет, воспринимаем саму временность бытия. И даже если перед нами изображено счаст-

ливое событие, оно пронизано сожалением. Воспринимающий субъект сталкивается с другим на фото, который существует в прошлом, но его уже нет в настоящем. А значит, мы, оказываясь на границе существования и несуществования, открываем собственную конечность, что позволяет глубже воспринимать и проживать жизнь. Таким образом, опыт временности, захватывающий нас через игру присутствия/отсутствия, позволяет нам лучше понимать другого, избавляясь от эгоцентризма. Располагаясь по ту сторону повседневности, несмотря на взаимодействие с ней, фотография позволяет глубоко чувствовать и познавать эту реальность.

В живописи границы присутствия/отсутствия стираются и выглядят более размытыми, поскольку художественный образ в картине носит собирательный характер, несмотря на его историческую достоверность. Все дело в технологии: фотография создается светом в результате технических манипуляций, живопись фактически творится рукой художника. Хотя мы понимаем, что умение снимать на камеру и владение техническими навыками не создаст художественный образ. Тем не менее способ создания изображения играет большую роль в восприятии этого образа. Например, на фотографии мы можем видеть счастливых, улыбающихся людей, а на самом деле они могут грустить или злиться, но запечатленный момент конкретных людей не дает зрителю права додумывать нечто иное помимо того, что он видит на снимке. Факт! В живописи мы так остро не ощущаем конечность вещей, предметов или людей. Соответственно, временная протяженность и острота сглаживаются. Ведь художник может изобразить все, что пожелает, даже то, чего нет в реальности, но есть в его воображении. Между прообразом и образом на картине всегда стоит художник, человек. Старая картина не становится со временем ценнее, а вот фотография становится. И это связано с переживанием времени через предметы, людей, которые оказались на фотографии. Ведь их уже нет. И мы снова осознаем свою конечность. Живопись словно уводит зрителя в мир иллюзорный, фотография сталкивает нас с реальностью [5].

А как же быть с идеей «исчезновения реальности» под воздействием множасьихся образов, к которым и причастна фотография? Не стоит забывать, в каких условиях и ради чего была создана фотография Ньепсом и Дагером. Фотография сегодня из всех изобразительных искусств может, наоборот, открывать реальность, а не уводить от нее. Она может быть прекрасным посредником между миром, художником и зрителем. В эстетическом ключе фотография способна вызывать глубокие чувства у зрителя при условии внутреннего багажа и настройки на восприятие. Именно старость предметов на фотографиях или самих фотографий дает нам чувство полноты жизни и одновременно ее скоротечности. Использование искусственных образов без признаков времени в фотографии (фэшн) уводит нас от самопознания в мир иллюзорной красоты и реальности. В какой-то мере таким было искусство Античной Греции, когда отказывалось изображать детей и стариков, когда в качестве образов выступали молодые красивые атлеты. В старых снимках, бытовых, повседневных ценно само время, движение чувств, мыслей, конечность всего изображенного.

Заключение

Зачем мы проводим сравнительный анализ, если художественные образы живописи и фотографии настолько различны? Какой опыт могут извлечь из этого практикующие художники и фотографы? Изучение живописи расширяет банк художественных образов творческого человека, что питает его воображение и дает возможности творческого синтеза.

Проведенный сравнительный анализ специфики конструирования и восприятия образной системы фотографии и живописи позволил:

1. Выявить нравственно-этические темы или проблемы через обобщение и конкретизацию образной системы данных видов искусства. Эстетика классических форм и способ гармоничного преподнесения информации позволит фотографам следить за этико-эстетическим моментом своих кадров (перебор жизни тоже удручает зрителя).

2. Изучить темпоральные особенности художественных образов в фотографии и живописи через игру присутствия/отсутствия.

Как известно, переживание времени в изобразительных искусствах в разные исторические периоды отражало ценностные константы эпох. Фотография (художественная или документальная в зависимости от жанра) выводит тему времени в плоскость более глубокого осознания темы «бытие – небытие».

3. Получить наглядное представление о влиянии на зрительское восприятие используемых или заимствованных средств художественной выразительности фотографией у живописи и наоборот. Возможность наблюдения (изучения) художественного образа живописи в некоторой дистанции дает возможность прекрасного анализа раз-

нообразного рода композиционных приемов изобразительных искусств, которые позволяют фотографу «играть», «выстраивать» художественное пространство фотографии, пользуясь более разнообразными приемами, обогащая фотографический язык. Этот обмен позволяет наглядно увидеть и понять смысл корреляции фотографии и живописи в современном пространстве культуры, а также получить ответ, почему одни фотографы используют в качестве основы образной системы своей фотографии классическое искусство, а другие вопреки живописной классике идут в повседневный репортаж, провозглашая «неидеальный» момент реальности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никитина, И. П. *Философия искусства* / И. П. Никитина. – М. : Омега-Л, 2010. – 559 с.
2. Фурс, В. Н. *Радикальная социальная философия Ж. Бодрийяра* [Электронный ресурс] / В. Н. Фурс. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/radikalnaya-sotsialnaya-teoriya-zhana-bodriyyara/viewer>. – Дата доступа: 01.11.2023.
3. Бодрийяр, Ж. *Эстетика утраты иллюзий* [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр. – Режим доступа: <https://coollib.com/b/86954-zhan-bodriyyar-estetika-utratyi-illyuziy/read>. – Дата доступа: 31.10.2023.
4. Казинс, М. *Человек смотрящий* [Электронный ресурс] / М. Казинс. – Режим доступа: <https://coollib.net/b/532028-mark-kazins-chelovek-smotryaschiy>. – Дата доступа: 31.10.2023.
5. Лишаев, С. А. *Старая фотография (вещь, образ, расположение)* / С. А. Лишаев // *Mixtura verborum, 2007: сила простых вещей* : сб. ст. / под общ. ред. С. А. Лишаева. – Самара : Самар. гуманитар. акад., 2007. – С. 40–62.

REFERENCES

1. Nikitina, I. P. *Filosofija iskusstva* / I. P. Nikitina. – M. : Omiega-L, 2010. – 559 s.
2. Furs, V. N. *Radikal'naja social'naja filosofija Zh. Bodrijara* [Elektronnyj riesurs] / V. N. Furs. – Riezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/radikalnaya-sotsialnaya-teoriya-zhana-bodriyyara/viewer>. – Data dostupa: 01.11.2023.
3. Bodrijar, Zh. *Estetika utraty illiuzij* [Elektronnyj riesurs] / Zh. Bodrijar. – Riezhim dostupa: https://booksafe.net/read/bodriyyar_zhan-estetika_utraty_illyuziy-150953.html#p1. – Data dostupa: 31.10.2023.
4. Kazins, M. *Chieloviek smotriashchij* [Elektronnyj riesurs] / M. Kazins. – Riezhim dostupa: <https://coollib.net/b/532028-mark-kazins-chelovek-smotryaschiy>. – Data dostupa: 31.10.2023.
5. Lishajev, S. A. *Staraja fotografija (vieshch', obraz, raspolozhenije)* / S. A. Lishajev // *Mixtura verborum, 2007: sila prostykh vieshchiej* : sb. st. / pod obshch. ried. S. A. Lishajeva. – Samara : Samar. gumanitar. akad., 2007. – S. 40–62.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 02.11.2023

ПАЛІТАЛОГІЯ

УДК 323.2(476)

Ольга Ивановна Ермак
канд. полит. наук, доц. каф. «Социальное управление»
Белорусского национального технического университета

Olga Ermak

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of «Social Management»
of Belarusian National Technical University*

e-mail: ol-rivsh@tut.by

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА БЕЛАРУСИ

Автор попытался проследить эволюцию гражданского общества в Республике Беларусь и показать особенности его формирования. Каждое государство имеет свой онтологический фундамент, закладываемый собственной историей. Особенности исторического пути сформировали цивилизационную ментальную идентичность белорусов, в которой преобладают корпоративность, терпеливость, спокойствие, гостеприимство. В дихотомической паре «коллективизм – индивидуализм» всегда доминировал коллективизм, позволявший переживать критические периоды истории и мирно сосуществовать с соседями. Поскольку менталитет относится к наиболее устойчивым категориям, то в соответствии с т. н. законом ментальной идентичности (содержание реформ должно соответствовать менталитету этноса) формирование гражданского общества в Беларуси идет собственным путем, наиболее характерным для восточнославянского коллективистского по своей природе менталитета, и напоминает свой собственный исторический прототип.

Ключевые слова: гражданское общество, менталитет, генетическая память, исторический путь.

Socio-Political Experience of Civil Society in Belarus

The author attempted to trace the evolution of civil society in the Republic of Belarus and highlight the specific features of its formation. Each state has its own ontological foundation, shaped by its own history. The peculiarities of the historical path have formed the civilizational mental identity of Belarusians, in which corporate spirit, patience, calmness, and hospitality prevail. In the dichotomy of «collectivism – individualism», collectivism has always dominated, allowing for the endurance of critical periods in history and peaceful coexistence with neighbors. Since mentality belongs to the most stable categories, in accordance with the so-called law of mental identity (the content of reforms must correspond to the mentality of the ethnic group), the formation of civil society in Belarus follows its own path, most characteristic of the East Slavic mentality, collectivist in nature, and resembles its own historical prototype.

Key words: civil society, mentality, genetic memory, historical path.

Введение

Рождение гражданского общества стало возможно только в индустриальную эпоху. В Российской империи и, соответственно, на территории Беларуси, которая входила в ее состав, этот процесс начался в XVIII в. Уже изначально он осуществлялся путем, отличным от западноевропейского, т. к. каждое государство проходит свой исторический путь и имеет собственный онтологический фундамент, на котором и закладываются ментальные характеристики народа. Этнонациональный менталитет белорусов формировался под влиянием генетической памяти, в которой прочно закрепилась реминисценция экстремальных условий жизни.

Основная часть

Географически выгодное расположение (в «сердце» Европы) имело положительное значение в мирное время. Через территорию Беларуси проходил знаменитый торговый путь «из варяг в греки», равно как и сейчас проходят торговые пути из Азии в Европу. Вместе с этим геополитические конфликты между соседними государствами всегда несли угрозу населению буферных земель, обеспечивавших размежевание более крупных и сильных враждующих государств-соседей. Таким образом, историческая судьба и социокультурная среда прочно закрепили в аксиологическом фундаменте белорусов такие важные для выживания черты, как терпеливость, спо-

койствие, гостеприимство, толерантность, коллективизм. Эти, безусловно, положительные качества позволили пережить трудные периоды жизни. В дихотомической паре «коллективизм – индивидуализм» для белорусов всегда превалировал коллективизм, жизненность которого predetermined генетической памятью. «Талака», «сябрына», «бонда» сформировались под влиянием сложных условий жизни и прочно закрепились в этнонациональном менталитете. Причем свойство переносить тяготы жизни объединяясь, сообща в критические периоды жизни у белорусов только усиливается. Этим фактом обусловлена неудача «шоковой терапии» в начале 1990-х гг., когда вместо атомизации в обществе снова сработали коллективистские тенденции, повлекшие неудачу реформ и необходимость поиска своего пути выхода из кризиса. Белорусским вариантом реформирования экономики стал курс на эволюционное развитие. С 1995 по 2005 г. «велось восстановление страны. Десять лет, в течение которых другие страны шли вперед – развивали новые производства, изобретали новые технологии, строили объекты социальной сферы – мы восстанавливали то, что было разрушено» [1]. Традиционная и, безусловно, положительная черта – терпеливость, способна трансформироваться в комплекс беспомощности, а коллективизм – в коллективную безответственность. Уравнительство (не путать с равенством), заключающееся в желании сравнивать себя с другими, живущими так же, является своего рода оправданием социальной слабости, стремлением перенести ответственность за собственную жизнь на государство либо на надличностные инстанции: судьба, Бог. Отсюда завышенные ожидания от государства, государственно-патерналистский комплекс. Белорусам не свойственно стремление к радикальным формам преобразования общества, а интересы народа всегда были важнее демократических прав и личных свобод, что разительно отличается от западных соседей, стремящихся к миссионерству. Для наших соотечественников всегда было значительно важнее благоденствие малой родины и счастье близких, нежели стремление осчастливить весь мир, распространяя свои ценности на другие страны и регионы. Отсюда иная модель взаимоотношений власти

и общества, на формирование которой оказала влияние жизнь в окружении более сильных соседей и отсутствие собственной государственности. В Беларуси почти не было конфликтов на религиозной и межнациональной почве, а разные народы (поляки, русские, литовцы, украинцы, евреи, татары) мирно сосуществовали со времен ВКЛ и оказывали взаимное влияние друг на друга.

Зарождение гражданского общества в Беларуси началось в условиях юридической зависимости крестьян от владельца земли, т. е. в условиях сохранявшегося крепостного права. В силу этого ростки гражданского общества появлялись в городах, преимущественно в дворянской среде.

Конец XIX в. стал временем интенсивного развития социальной помощи. Представители дворянства устраивали балы, спектакли, денежные сборы от которых шли на нужды приютов, богаделен, домов призрения. Представители Православной и Римско-католической церкви открывали приюты для престарелых, нищих, инвалидов и неизлечимо больных. «Приказы общественного призрения», под патронажем которых находились больницы, дома для умалишенных, дома призрения, создавались по инициативе государства. Ведомство учреждений императрицы Марии, Императорское Человеколюбивое общество и Российское Общество Красного Креста, внимание которых было направлено на помощь детям и незрячим, имели полугосударственный статус. Часть приютов, ночлежек, дешевых и бесплатных столовых были частными. Они открывались и содержались евреями, но их деятельность контролировалась МВД. Следовательно, вся общественная активность развивалась либо государством, либо с его разрешения, либо под его пристальным контролем.

Только после отмены крепостного права, когда все граждане получили равные юридические права, а следовательно, и равные возможности участия в общественной жизни, стало возможно формирование гражданского общества. Общественная самодетельность привела к созданию многочисленных общественных объединений в различных профессиональных сферах: общества сельских хозяев, общества врачей, спортивные, культурно-просветительские.

Значительную роль сыграли общественные организации в становлении белорусской этнологии, краеведения, фольклористики, театрального, музыкального, изобразительного искусства. Однако, как и раньше, основная общественная активность была характерна для сферы благотворительности; общественные объединения входили в сферу влияния государства, а власти на местах имели право регистрации «общеполезных» обществ.

После Манифеста 17 октября 1905 г. на территории Беларуси началось создание общественных объединений, в т. ч. и национальной направленности. Стали создаваться политические партии: к октябрю 1917 г. их было 22, в том числе 9 национальных.

Первое десятилетие после Октябрьской революции общественная активность была высокой. Советы, творческие союзы, общества взаимопомощи, молодежные организации сохраняли демократические традиции. Понимая роль и значение молодежи как будущего страны, 29 октября 1918 г. был создан коммунистический союз молодежи (ноябрь–декабрь – КСМБ, с 1924 г. – ЛКСМБ). Для привлечения в ряды организации проводилась большая агитационная работа: митинги, концерты, спектакли революционного содержания, распространение агитационной литературы и прочее. В самой организации первое десятилетие сохранялись горизонтальные связи. Принятие новых членов сопровождалось активным обсуждением кандидатов. Были нередкими случаи исключения из рядов КСМБ с формулировкой «политически не развит», «работой комсомола не интересуется, дисциплине не подчиняется», «тип неблагоденный, по своим политическим воззрениям сомнительный» [2].

В годы политических репрессий многие общественные объединения прекратили свое существование. Процесс создания однопартийной системы завершился к 1925 г. Комсомольская организация постепенно, как и другие, продолжавшие существование, была поставлена под жесткий партийный контроль. Горизонтальные связи были разрушены.

На территории Западной Беларуси, до 1939 г. находившейся под властью Польши, политические партии продолжали деятельность. В 1922 г. они создали единый бело-

русский блок, что позволило им образовать парламентскую фракцию в польском сейме. В 1923 г. была образована Коммунистическая партия Западной Беларуси (КПЗБ), просуществовавшая до августа 1938 г.

Общественная активность снова повысилась в период «хрущевской оттепели». Было создано несколько десятков новых общественных объединений. Тем не менее их создание вовсе не влекло за собой снижения партийно-государственного контроля. К началу 1980-х гг. каждый советский гражданин состоял хотя бы в одном общественном объединении, что вовсе не являлось результатом общественной самоорганизации, а членство в них носило формальный характер. Все существующие общественные объединения были экономически зависимы от государства.

Распад СССР в 1991 г. дал белорусам шанс на построение собственной государственности. Был принят ряд нормативно-правовых актов, открывших дорогу гражданскому обществу. После распада однопартийной системы был воспроизведен весь идеологический спектр партийных образований. Появилась оппозиция, отсутствовавшая до 1988 г. С 1994 по 1999 г. в Беларуси было зарегистрировано 43 политические партии, 45 профсоюзов, 1 173 иных общественных объединений. Законодательные изменения, регулирующие порядок создания и деятельности политических партий, привели к уменьшению количества до 15 (в 2023 г. зарегистрирована «Белая Русь», ставшая 16-й политической партией).

В 2006 г. в Республике Беларусь был принят Закон «О республиканских государственно-общественных объединениях», в качестве целей их создания определивший «государственно значимые задачи» [3]. Создано семь таких объединений при общем количестве всех общественных объединений на 1 января 2021 г. более трех тысяч.

В феврале 2022 г. на республиканском референдуме были приняты изменения в Основной Закон государства, повлекшие необходимость корректировок иных нормативно-правовых актов. В частности, в феврале 2023 г. был принят Закон «Об основах гражданского общества» [4], в соответствии с которым в Беларуси ушли от разнообразия существующих вариантов формулировок понятия. Настоящий Закон

дает следующее определение: «Гражданское общество – граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, выражающие свою гражданскую позицию посредством участия в общественных отношениях и институтах, не запрещенных законодательством» [4], а в числе «основных задач взаимодействия государственных органов и гражданского общества» Закон определяет «организацию конструктивного взаимодействия государственных органов и гражданского общества, направленную на укрепление доверия к институтам государственной власти», «обеспечение гражданского (народного) единства» и «укрепление единой общности “белорусский народ”» [4, ст. 4]. Внесены изменения в Закон Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам деятельности политических партий и других общественных объединений» [5]. В нем определены наряду со специфическими для каждой политической партии и «универсальные основные цели и задачи деятельности». Изменения коснулись и условий создания, и деятельности политических партий. В частности, «увеличился минимальный порог численности учредителей (членов) с 1 до 5 тыс. человек, установлено обязательное наличие организационных структур во всех областях и Минске, а также не менее чем в одной трети районов каждой из областей и не менее чем в одной трети районов Минска» [5]. Все политические партии в течение шести месяцев должны были пройти перерегистрацию. В настоящее время в Беларуси 4 политические партии: КПБ, ЛДПБ, «Белая Русь», РПТС. Что касается общественных объединений, то теперь «республиканские объединения должны иметь организационные структуры во всех областях Беларуси и Минске, международные – не только за рубежом, но и в нашей стране». [5]. Как следствие, вступившие в силу изменения законодательства привели к существенным изменениям в количестве и структуре организаций белорусского граж-

данского общества, напомнив свой исторический прототип.

Заключение

Гражданское общество формируется постепенно, «снизу», в течение длительного периода. Для его построения, развития институтов и структур предстоит накопить собственный социальный и политический опыт, который смог бы отложиться в ментальных характеристиках, сохраненных генетической памятью народа. В белорусском же варианте гражданского общества в силу системной трансформации общества, начавшейся «сверху», крушение прежних ориентиров из-за недостатка исторического времени не привело к созданию новых. Сохраняющаяся система ментальности постепенно реанимировала то, что свойственно этнонациональному менталитету, и в белорусском варианте гражданского общества проявилась традиционно повышенная роль государства во взаимоотношениях с гражданским обществом. Ценности индивидуализма стали доминирующими для относительно небольшой части социума, готовой атомизироваться от государства, выйти за рамки восточнославянского коллективизма.

Согласно т. н. закону ментальной идентичности, как показывает практика, содержание реформ должно соответствовать менталитету этноса, иначе они обречены на неудачу. Поскольку менталитет относится к категориям консервативным, устойчивым, чтобы произошли заметные изменения, должно пройти не одно десятилетие. Должен быть накоплен соответствующий опыт. Учитывая, что Республика Беларусь обрела независимость только в 1991 г., трансформация ментальных характеристик только началась. Гражданское общество формируется на накопленном столетиями аксиологическом фундаменте и напоминает свой исторический прототип, для которого характерна доминирующая, контролирующая и направляющая роль государства, а общественная активность наиболее распространена в сферах, не связанных с политикой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукашенко, А. Г. Беларусь выбрала путь эволюционного развития, а не шоковой терапии [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко. – Режим доступа: <https://www.belta.by/-president/>

view/lukashenko-belarus-vybrala-put-evoljutsionnogo-razvitija-a-ne-shokovoj-terapii-198490-2016. – Дата доступа: 22.08.2023.

2. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 63. Оп. 2. Ед. хр. № 10.

3. О республиканских государственно-общественных объединениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 05 окт. 1994 г., № 3266-ХІІ : в ред. от 14.06.2006 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Об основах гражданского общества [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 февр. 2023 г., № 250-З : принят Палатой представителей 25 янв. 2023 г. : одобр. Советом Респ. 30 янв. 2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

5. Об изменении законов по вопросам деятельности политических партий и других общественных объединений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 февр. 2023 г., № 251 : Принят Палатой представителей 25 янв. 2023 г. : одобр. Советом Респ. 30 янв. 2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

REFERENCES

1. Lukashenko, A. G. Bielarus' vybrala put' evoliucionnogo razvitija, a nie shokovoj tierapii [Eliektprnnyj riesurs] / A. G. Lukashenko. – Riezhim dostupa: <https://www.belta.by/president/-view/lukashenko-belarus-vybrala-put-evoljutsionnogo-razvitija-a-ne-shokovoj-terapii-198490-2016>. – Data dostupa: 22.08.2023.

2. Nacional'nyj arkhiv Riespubliki Bielarus'. – F. 63. Op. – 2. Jed. khr. № 10.

3. O riespublikanskikh gosudarstviенno-obshchiestviennykh objedinenijakh [Eliektprnnyj riesurs] : Zakon Riesp. Bielarus', 5 okt. 1994 g., № 3266-ХІІ : v ried. ot 14.06.2006 g. // Konsul'tant-Plus. Bielarus' / ООО «JurSpiektr», Nac. Centr pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2023.

4. Ob osnovakh grazhdanskogo obshchiestva [Eliektprnnyj riesurs] : Zakon Riesp. Bielarus', 14 fievr. 2023 g., № 250-Z : priniat Palatoj priedstavitieliej 25 janv. 2023 g. : odobr. Sovietom Riesp. 30 janv. 2023 g. // ETALON. Zakonodatiel'stvo Riespubliki Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2023.

5. Ob izmienenii zakonov po voprosam diejatiel'nosti politichieskikh partij i drugikh obshchiestviennykh objedinenii [Eliektprnnyj riesurs] : Zakon Riesp. Bielarus', 14 fievr. 2023 g., № 251 : Priniat Palatoy priedstavitieliej 25 janv. 2023 g.: odob. Sovietom Riesp. 30 janv. 2023 g. // ETALON. Zakonodatiel'stvo Riespubliki Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2023.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 23.10.2023

УДК 323.113+327.82

Людмила Владимировна Слуцкаяканд. ист. наук, доц., доц. каф. политологии
Белорусского государственного университета**Liudmila Slutskaia**Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Political Science of Belarusian State University
e-mail: slutskaialv@bsu.by**ДИАСПОРА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ:
ПОЛИТИКА ДИАСПОРЫ, ДИПЛОМАТИЯ ДИАСПОРЫ, ДИАСПОРАЛЬНЫЙ ЛОББИЗМ***

Раскрывается роль диаспоры как значимого инструмента влияния в современных международных и политических процессах. На примере анализа феноменов «политика диаспоры», «дипломатия диаспоры», «диаспоральный лоббизм» подчеркивается отсутствие точных трактовок данных понятий, несмотря на активизацию деятельности диаспор. Указанные термины используются для описания ситуаций, когда диаспоры выступают в качестве одного из инструментов публичной дипломатии (в формате политики «мягкой силы») либо когда сами диаспоры используют различные ресурсы влияния, чтобы оказать давление на принятие решений.

Ключевые слова: диаспора, сообщества, соотечественники, диаспоральная политика, дипломатия, диаспоральная дипломатия, лоббизм, группы влияния.

***Diaspora in the Modern Political Process:
Diaspora Politics, Diaspora Diplomacy, Diasporic Lobbying***

The article is devoted to the theoretical aspects of the concepts of «diaspora politics», «diaspora diplomacy», «diasporic lobbying». The lack of precise interpretations of these concepts is noted, despite the increased activity of diasporas. These terms are used to describe situations where diasporas act as one of the instruments of public diplomacy (in the format of «soft power») or when diasporas themselves use various resources of influence to put pressure on decision-making.

Key words: diaspora, communities, compatriots, diaspora politics, diplomacy, diaspora diplomacy, lobbying, pressure groups.

Введение

Во внешней политике и дипломатии государств неуклонно усиливается потенциал новых акторов – НПО, МНПО, ТНК, частных военных компаний, религиозных и национальных движений, бизнес-структур, диаспор и других негосударственных субъектов политики. Существенно возросла роль диаспор, они стали важными игроками международного уровня. Глобализация, миграционные процессы, появление новых технологий, таких как социальные сети и мессенджеры, открыли новые возможности для влияния диаспор на состояние и развитие межгосударственных отношений, на внешнеполитическую составляющую госу-

дарства. «Современная диаспора – это совершенно новый, независимый, институционально оформленный и конкурентный игрок на международной арене», – отмечает российский исследователь М. А. Борисова [1, с. 265].

Исследования диаспор, их роли во внешней политике и дипломатии приобретают все большее значение как в академических кругах, так и среди политиков. Все чаще поднимаются вопросы: в какой степени значимы политические и другие связи, преодолевающие национально-государственные границы (политический транснационализм)? Как государства управляют отношениями с членами своего этнонационального сообщества за рубежом, как строится взаимодействие с диаспорой страны ее происхождения? В какой степени действия диаспор увеличивают вероятность конфликтов в странах их происхождения? Какова роль диаспор в урегулировании конфликтов и постконфликтном развитии?

*Статья подготовлена в рамках НИР 02.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности», № госрегистрации 20211919 (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.).

Указанные факторы актуализируют анализ сущности политики и дипломатии диаспор, их лоббистского потенциала во внешней политике государств и международных отношениях.

Цель статьи – раскрыть сущность феноменов политики диаспоры, дипломатии диаспоры, диаспорального лоббизма и показать их роль в международных и внутриполитических процессах.

Диаспоры в современном научном дискурсе

Ученые определяют диаспоры по-разному, подчеркивая те или иные черты этого феномена: историю и происхождение, различные формы взаимодействия с государством исхода и степень влияния в государстве пребывания. Основное различие между определениями заключается в том, является ли членство в диаспоре фиксированным и поддающимся количественному измерению, или это динамический процесс поддержания принадлежности и реконструкции идентичности, сознания и дискурсов (Ф. Б. Адамсон и М. Деметриу, 2007 г.; Р. Брубейкер, 2005 г.; С. Паясян, 2010 г.; S. Dufoix, 2003 г.; Р. Цагарусиану, 2004 г.).

Сложность определений диаспор в последние десятилетия только усиливается. Наблюдается тенденция выхода за рамки классических концепций диаспоры. Классические определения (Козн, 2008 г., Сафран, 1991 г.) предусматривали «идеальный тип» диаспоры с такими характеристиками, как отчуждение от принимающего общества и желание вернуться на родину. В рамках классических концепций термин «диаспора» обычно относится к лицам, которые проживают в одной стране, но сохраняют идентификацию со страной своего происхождения или своих предков. Объединяющие идентичности часто воспринимались как этнонациональные (например, армянская, еврейская, турецкая, китайская диаспоры).

Однако термин «диаспора» можно применять и к более широким категориям в континентальном или региональном масштабе (например, к африканской диаспоре) [2], или с точки зрения религиозной идентичности (мусульманская диаспора). Эти идентичности могут быть взаимосвязаны (например, религия и этническая принадлеж-

ность) [3]. Не стоит полагать, что лишь мигранты или лица мигрантского происхождения являются частью диаспоры: «В современных условиях глобализирующегося мира диаспорами являются те, кто считает себя таковыми» [Цит. по: 4, с. 3464].

Диаспора все чаще рассматривается в контексте политики: как политический ресурс (Е. С. Карсанова, Р. К. Гуршумов), как субъект политических коммуникаций (М. А. Мыльников), как фактор влияния на функционирование политических систем (Н. А. Антанович), как инструмент внешней политики государств (Л. А. Кртян), как субъект этнополитических отношений и новая модель этнополитической общности (А. С. Ким, М. П. Ковалев, О. Е. Герасимова), как «мягкая сила» (И. Д. Лошкарёв, Е. Г. Энтина, А. С. Смирнова). Современные исследователи подчеркивают такую черту диаспор, как транснациональность (Г. Шеффер, В. В. Кочетков, В. Ю. Калинин, А. Н. Петрови др.).

Дипломатия диаспоры как область исследования

Трансформация роли диаспоры в мировой политике в XXI в. демонстрирует появление таких терминов, как «диаспоральная политика» или «политика диаспоры» (англ. *diasporic politics*), «диаспоральная дипломатия» (англ. *diaspora diplomacy*), «диаспоральный лоббизм» (англ. *diasporic lobbying or diaspora lobbying*). Эти термины пока не получили однозначной научной трактовки, но активно используются «по умолчанию» для описания ситуаций, когда диаспоры выступают в качестве одного из инструментов публичной дипломатии (в формате политики «мягкой силы») либо используют различные ресурсы влияния, чтобы оказать давление на принятие решений. Следует отметить, что в ряде франкоязычных стран больше распространено и используется понятие *communauté* (фр.) – «сообщество, общность, община», а диаспора (*diaspora*). При этом в научных публикациях на французском языке термин «диаспора» используют преимущественно исследователи из других, не франкоязычных стран.

Политика диаспоры рассматривается как политическое поведение транснациональных диаспор в отношении со своей родиной и принимающим государством, а так-

же их роль в предотвращении или нагнетании конфликтов, связанных со страной их происхождения и этнической принадлежностью. Растущая роль диаспор в дипломатии нашла отражение в развивающейся подопласти *диаспоральной дипломатии*. Российский политолог А. И. Сухарев трактует диаспоральную дипломатию как одно из направлений сетевой дипломатии в сфере гуманитарного измерения внешней политики, ориентированную на использование ресурсов зарубежных соотечественников в интересах страны исхода [5].

Дипломатия диаспоры, хотя и не получила точного определения, находится в процессе институционализации. Развернутую трактовку термину «диаспоральная дипломатия» попытался дать венесуэльский исследователь А. Торреальба, который рассмотрел его в трех аспектах: «как раздел политической социологии; как обозначение совокупности внешних политик и как дипломатическую стратегию» [6, с. 156]. Он предложил определить диаспоральную дипломатию как коллективную деятельность, основанную на поддержке и активности большого числа эмигрантов, оказывающих влияние на культуру, экономику и политику принимающей страны «посредством взаимовыгодных отношений, сближающих культуры сторон», в некоторых случаях «способных воздействовать на существующие международные отношения не только между своей исторической родиной и страной своего пребывания», но также оказывать влияние на отношения с другими странами [6, с. 156].

Успешная институционализация и интеграция диаспоры в принимающем государстве создают возможности диаспорального представительства при взаимодействии с властными структурами страны пребывания, способствуют ее экономическому и политическому влиянию, позволяя ей «выстраивать взаимовыгодные отношения и вести переговоры по различным вопросам с политическими лидерами страны своего проживания» [6, с. 156].

Институт публичной дипломатии (МНГО, созданная в Англии и Уэльсе и зарегистрированная в 2021 г.) выделяет следующие особенности дипломатии диаспоры: реализуется негосударственными субъектами и служит социальным интересам,

проявляется через три типа взаимодействия: посредничество, представительство и пропаганду. «Дискурс глобального управления во многом посвящен включению диаспор в международные отношения в качестве активных дипломатических субъектов» [7]. Исследователи Института подчеркивают, что диаспоры, постепенно увеличиваясь в размерах и силе, стали влиятельными игроками на внутреннем и международном фронтах, «способными играть как роль миротворца, так и нарушителя мира» [7].

Государства, используя диаспоры, «стремятся реализовать коммуникацию транснационального масштаба и создать объективные возможности для реализации властных отношений путем создания институтов диаспоры» [8]. Новозеландский профессор А. Гамлен рассматривает деятельность государств происхождения во взаимодействии с диаспорой как политику:

1) направленную на дискурсивное создание государственно ориентированного «транснационального сообщества»;

2) формирующую комплекс соответствующих государственных институтов для взаимодействия и распространения «прав на диаспору», чтобы побудить представителей диаспоры к обязательствам защиты государства своего происхождения.

Заинтересованность государств в приобщении диаспор к внутривнутриполитическим и внешнеполитическим процессам подтверждается практическими действиями правительств. Так, в Лиссабоне 7–8 сентября 2017 г. при Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) создана Сеть по политике в отношении диаспоры. Указанная Сеть была основана как платформа для установления и развития политического диалога, сотрудничества между членами парламентов, ассоциациями диаспор и государственными учреждениями из стран происхождения мигрантов и стран, принимающих мигрантов, участвует в разработке законодательства по реализации политики в отношении диаспоры и механизмов институциональной координации, оказывает консульские услуги, реализует дипломатию диаспоры и социальной защиты, а также способствует укреплению доверия, уверенности и патриотизма [9].

Приведем примеры того, как различные страны формировали административ-

ный и дипломатический потенциал для систематического установления каналов связи с диаспорами. Одними из первых целенаправленную работу с диаспорами начали проводить такие страны, как Израиль, Россия, КНР, Греция, Турция. Так, Министерство алии и абсорбции Израиля (до 2013 г. называлось Министерством абсорбции) было образовано еще в середине XX в. Оно отвечает за предоставление государственной помощи репатриантам и поддерживает их на всех этапах от первоначальных организационных моментов до полной интеграции во все сферы израильского общества [10].

Основным объединением греческой диаспоры является Союз греков зарубежья, образованный в 1995 г. указом Президента Греческой Республики.

Работа российского правительства с соотечественниками, проживающими за рубежом, уходит своими корнями в 1920-е гг., когда в 1925 г. было основано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, наследником которого в настоящее время является Россотрудничество, созданное указом Президента Российской Федерации в 2008 г. как Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. Сегодня организация представлена в 80 странах мира 87 заграничными представительствами. С 2021 г. они получили неформальное название «Русский дом» [11]. Помимо Россотрудничества интересы и права российских граждан за рубежом представляют Фонд защиты и поддержки прав соотечественников, проживающих за рубежом, Всемирный конгресс соотечественников, Всемирный координационный совет российских соотечественников. Последнее десятилетие отмечено усовершенствованием правовой защиты законных интересов прав и свобод граждан РФ, проживающих за рубежом. Это нашло отражение в обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г., в которой всесторонняя эффективная защита прав, свобод и законных интересов российских граждан и организаций за рубежом, развитие связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, и оказание им всесторонней поддержки в осуществлении их прав, обеспечении защиты их

интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности определены в качестве национальных интересов, стратегических целей и основных задач внешней политики [12].

С началом нового тысячелетия многие страны осознали необходимость целенаправленной работы с соотечественниками, проживающими за рубежом, и формирования при правительствах и внешнеполитических ведомствах организаций, отвечающих за работу с диаспорами для оказания им всесторонней поддержки, углубления контактов и расширения взаимодействия. Так, в Индии в 2004 г. создано Министерство по делам индийцев за рубежом, в этом же году в Мали – Министерство по делам малийцев за рубежом и африканской интеграции [13]. В 2019 г. при Министерстве иностранных дел Республики Мадагаскар создано Управление диаспорой, задачи которого «закключаются в укреплении связей между диаспорой и Мадагаскаром, разработке в сотрудничестве с заинтересованными ведомствами и организациями национальной политики по привлечению диаспоры», а также «содействие участию малагасийской диаспоры в социально-экономическом развитии Мадагаскара посредством перевода средств, передачи ноу-хау и знаний, развития инвестиций диаспоры, туризма и укрепления национальной солидарности» [14].

Большое внимание работе с соотечественниками, особенно из стран СНГ, уделяет правительство Республики Корея, где «диаспоральная политика находится в ведении министерства иностранных дел. Политика в отношении зарубежных корейцев является частью внешнеполитического курса страны. Институты, взаимодействующие с диаспорой, представлены Комитетом по диаспоральной политике, Фондом зарубежных корейцев, а также консульским отделом по делам зарубежных соотечественников в структуре министерства иностранных дел» [15]. В мае 2022 г. президент Южной Кореи Юн Сок Ёль заявил, что в стране будет создано управление по делам зарубежных соотечественников, политика которого будет направлена на укрепление прав и соблюдение интересов соотечественников за рубежом, развитие связей с зарубежными со-

отечественниками по разным направлениям, в т. ч. в подготовке кадров будущего [16].

Способность родного государства к реализации политики взаимодействия с диаспорой зависит в первую очередь от «воображаемого (или дискурсивного) сплочения транснационального сообщества, основанного на общей, государственно-центричной идентичности». Своего рода «символическое государственное строительство» устанавливает отношения коммуникации посредством системы символов и знаков, обновляющих осуществление власти [8].

Итак, институционализация «диаспоральной дипломатии» является показателем того, что диаспоры стали влиятельным субъектом во внешней политике. Значимость диаспоральной дипломатии отражена в словах генерального консула Марокко в Париже Мустафы Эль Буаззауи: «В многогранной дипломатии диаспора всегда была элементом национальной дипломатии, а следовательно, дополнительной ценностью параллельной дипломатии, которая доказала свою эффективность и свое влияние на дискуссионных площадках по множеству вопросов» [17].

Посредничество диаспоральных структур гарантирует более широкий доступ к международным организациям: «Значение многих негосударственных субъектов преимущественно определяется наличием у них ресурсов социально-политической и гуманитарной природы. Их можно использовать с наименьшими издержками, а разнообразие такого рода ресурсов снижает конкуренцию транснациональных политических структур за обладание или доступ к ним [18].

Сегодня диаспоры – это во многом результат трудовой миграции, которая трансформировалась от сезонной к длительной миграции благодаря постоянной работе в стране пребывания. Возможность постоянного трудоустройства привела к воссоединению семей мигрантов и расширению диаспоральных сообществ. Эти процессы в последние годы только усиливаются. По данным Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, в 2020 г. 281 млн человек, или 3,5 % населения мира, проживали за пределами страны своего происхождения. К диаспорам относятся мигранты или потомки мигрантов. «Политика

взаимодействия с диаспорой состоит из ряда государственных мер, направленных на привлечение, поддержание или развитие отношений с диаспорой, проживающей за рубежом. Эта политика включает обеспечение прав и защиты членов диаспоры, укрепление национальной идентичности, содействие крепким отношениям и содействие вкладу диаспоры в социальное и экономическое развитие страны (т. е. денежные переводы)» [19].

Сообщества диаспоры, способствующие развитию коммерческих связей, деловых отношений, передаче знаний, могут быть социальным, культурным и экономическим мостом между странами. Диаспоры, сохраняющие свою национальную идентичность, импульсы к самоорганизации, связи с исторической родиной, являются проводниками информации о стране своего происхождения и способны влиять на имидж страны происхождения. Однако возможны амбивалентные действия: как в интересах повышения авторитета страны исхода на международной арене, так и формирования негативного образа. А. Торреальба подчеркивает, что диаспора может оказывать давление на правительство страны пребывания в вопросе формирования политики по отношению к своей родной стране; может влиять на страну происхождения, оказывая ей поддержку или же демонстрируя отторжение; финансировать и поощрять деятельность той или иной партии, социального движения или общественной организации в стране пребывания; спонсировать терроризм и содействовать продолжению конфликтной обстановки на своей родине [6, с. 158]. В этих условиях государствам необходимо учитывать роль и влияние диаспор, а следовательно, взаимодействовать с заинтересованными сторонами: диаспорами и их ассоциациями, властями принимающих стран и стран происхождения, а также с НПО.

Исследователи выделяют три основные модели работы с зарубежными диаспорами: репатриационная (переселение на историческую родину), патерналистская (защита прав соотечественников и оказание им материальной поддержки), прагматическая (модель, опирающаяся на использование политического, экономического, лоббистского потенциалов диаспоры) [20, с. 122].

Что касается трактовки понятия «*диаспоральный лоббизм*», следует отметить отсутствие прямого определения данного термина в словарях и исследованиях. Синонимично используются такие понятия, как «*группы влияния*», «*группы давления*», «*инфлюэнсеры*». Исходя из систематизации действий, диаспоральный лоббизм можно определить как:

1) организованные действия представителей диаспор по оказанию влияния на изменение определенных видов политики;

2) действия, направленные на изменение отношения либо к представителям диаспор в принимающей стране, либо привлечение внимания к процессам, происходящим в родной стране происхождения диаспоры;

3) процесс убеждения влиятельных лиц либо воздействие на отдельные политические институты, государства, международное сообщество с целью постановки проблемы диаспор на повестку дня политики для решения проблемы в интересах самой диаспоры либо страны происхождения. При этом диаспоры могут действовать как в поддержку официальных властей страны происхождения, так и, напротив, стремиться к разжиганию конфликтов. Члены диаспоры и мигранты могут оказывать воздействие на внутренние процессы своей родной страны, например, осуществляя денежные переводы, которые «могут служить эффективным инструментом для роста экономики страны происхождения мигрантов» [22, с. 51]. При этом политика санкций и ограничений, налагаемых западными государствами на страны, проводящие альтернативную западной внутреннюю и внешнюю политику, снижают потенциал влияния диаспор на внутривнутриполитические процессы страны исхода, стимулируя конфликтность между диаспорами и правительствами стран исхода.

Диаспоры являются вовлеченными участниками межэтнических противостояний, в которых берут на себя функцию либо артикуляции этнических претензий, либо нейтрализации потенциального или актуального конфликта. Медиаторский потенциал диаспоры хотя и находится «в прямой зависимости от характера межрегиональных и международных отношений, но может и должен быть использован органами государственной власти и общественными

институтами как инструмент обеспечения национальной безопасности» [23, с. 66]. Правительство Мадагаскара, например, прямо указывает, что его диаспора может сыграть важную роль «в построении национального единства и социально-экономическом восстановлении страны» благодаря «социальным инвестициям, передаче навыков и денежными переводами» [23].

Итак, государства могут использовать политику взаимодействия с диаспорой для политических и экономических маневров как за счет привлечения влиятельных экспатриантов для усиления воздействия на глобальную арену, так и путем установления контроля над транснациональными представительствами диаспоры. Например, Турция попыталась привлечь диаспору, чтобы расширить свою политическую повестку и усилить влияние на ЕС. Марокканская диаспора представляет собой лоббистскую силу и дополнительную ценность параллельной дипломатии, которая доказала свою эффективность и влияние в защите интересов Марокко [17].

Таким образом, действия диаспор проявляются в эффектах влияния сформированной диаспорами транснациональной повестки на государства происхождения самих диаспор.

Заключение

Подводя итог, отметим, что понятия «*политика диаспоры*», «*дипломатия диаспоры*», «*диаспоральный лоббизм*» используются для описания ситуаций, когда диаспоры выступают в качестве одного из инструментов публичной дипломатии (в формате политики «*мягкой силы*»), либо сами диаспоры используют различные ресурсы влияния, чтобы оказать давление на принятие решений. Хотя научное определение диаспоры может варьироваться, есть три основные ее особенности. Диаспору можно рассматривать как результат длительной миграции, в ходе которой мигранты, прибывающие в принимающую страну, в значительной степени сохраняют свою этнокультурную идентичность и формируют идеализированный образ своей родины. Это в основном связано с формированием диаспоральных организаций внутри принимающей страны, которые способствуют как сохранению коллективной идентичности, так и ук-

реплению механизмов политической мобилизации. Последнее включает в себя потенциал влияния на политических игроков как внутри страны происхождения, так и в принимающей стране.

В XXI в. наблюдается активизация политического измерения деятельности государств в отношении «своих» диаспор. Выделяют три основные модели работы с зарубежными диаспорами: репатриационную, патерналистскую и прагматическую. Страны происхождения используют стратегии внешней политики, которые можно обобщить термином «дипломатия диаспоры». Эти стратегии могут различаться как по своему проявлению, так и по степени легитимности. Основная цель таких стратегий – вызвать лояльность к родной стране и нарастить политическое международное влияние путем пропаганды определенных на-

циональных и религиозных нарративов, а также посредством таких практик, как организация культурных праздников, проведение выборов за рубежом и др. Эта концепция, основанная на формировании лояльности, в результате приводит к экспорту схемы «друг – враг» из политического дискурса родной страны, требует усилий по защите лояльных членов диаспоры от влияния политических диссидентов. Следует подчеркнуть проблематичный аспект: диаспоры в зависимости от внутренней сплоченности и того, каких политических взглядов придерживаются их лидеры, могут выступать как за стабилизацию и развитие, так и за дестабилизацию в стране своего происхождения. Соответственно, можно сделать вывод, что диаспоры могут претендовать на собственную дипломатию или, скорее, диаспоральный лоббизм.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова, М. А. Диаспоризация мира как инструмент внешнеполитического влияния государств / М. А. Борисова // *Bulletin of the tajik national university Series of economic and social sciences*. – 2023. – № 2. – P. 262–271.
2. Gauvin, A. La diaspora africaine est un acteur essentiel du développement économique et social de l'Afrique [Electronic resource] / A. Gauvin // *Le Monde*. – 2022. – 3 sept. – Mode of access: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/09/03/la-diaspora-africaine-est-un-acteur-essentiel-dudeveloppement-economique-et-social-de-l-afrique_6140086_3232.html. – Date of access: 25.09.2023.
3. Mandaville, P. G. Transnational Muslim politics: Reimagining the umma / P. G. Mandaville. – New York : Routledge, 2001. – 234 p.
4. Герасимова, О. Е. Транснациональные диаспоры как новая модель этнополитической общности / О. Е. Герасимова // *Вопр. политологии*. – 2021. – Вып. 12 (76), т. 11. – С. 3461–3467.
5. Сухарев, А. И. Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04 / А. И. Сухарев. – М., 2011. – 51 с.
6. Торреальба, А. А. Три основных подхода диаспоральной дипломатии во внешней политике / А. А. Торреальба // *Актуал. проблемы экономики и права*. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 154–169.
7. Diaspora Diplomacy / Institute of Public Diplomacy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.publicdiplomacy.online/diaspora-diplomacy>. – Date of access: 25.09.2023.
8. Gamlen, A. Diaspora Engagement Policies: What Are They, and What Kinds of States Use Them? [Electronic resource] / A. Gamlen // *Working Paper*. – University of Oxford, 2006. – № 32. – Mode of access: https://www.compas.ox.ac.uk/2006/wp-2006-032-gamlen_diaspora_engagement_policies/. – Date of access: 25.09.2023.
9. Réseau parlementaire sur les politiques des diasporas [Electronic recourse]. – Mode of access: <https://pace.coe.int/fr/pages/network-diaspora>. – Date of access: 25.09.2023.
10. Министерство алии и абсорбции [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.gov.il/ru/departments/about/about_maya. – Date of access: 25.09.2023.
11. О Россотрудничестве [Электронный ресурс] // Официальный сайт Россотрудничества. – Режим доступа: <https://rs.gov.ru/about-foiv/>. – Дата доступа: 25.09.2023.

12. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Президентом Рос. Федерации В. В. Путиным, 31 марта 2023 г., № 229. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>. – Дата доступа: 25.09.2023.
13. «Diaspora Diplomacy» as a foreign policy strategy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://ifair.eu/2018/11/01/diaspora-diplomacy-as-a-foreign-policy-strategy/>. – Date of access: 25.09.2023.
14. Direction de la diaspora [Electronic resource] // Ministère des affaires étrangères de Madagascar. – Mode of access: <https://www.diplomatie.gov.mg/index.php/politique-etrangere/-diaspora-malagasy>. – Date of access: 25.09.2023.
15. Малгаждарова, А. М. Институты диаспоральной политики: на примере Южной Кореи / А. М. Малгаждарова // Вестн. КазНПУ им. Абая. Сер. Ист. и соц.-полит. науки. – 2022. – № 1 (72). – С. 89–99.
16. В РК появится управление по делам зарубежных соотечественников [Electronic resource]. – Mode of access: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=70098. – Date of access: 25.09.2023.
17. Sahara marocain : La diaspora marocaine, une force de lobbying et une valeur ajoutée de la diplomatie parallèle (Consul du Maroc à Paris) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.maroc.ma/fr/actualites/sahara-marocain-la-diaspora-marocaine-une-force-de-lobbying-et-une-valeur-ajoutee-de-la>. – Date of access: 25.09.2023.
18. Лошкарёв, И. Д. «Мягкая сила» диаспоры. Опыт американцев польского и ирландского происхождения / И. Д. Лошкарёв // Междунар. процессы. – 2018. – Т. 16, № 2. – С. 141–155. DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.8
19. Diaspora engagement policies [Electronic recourse] // Migration Research Hub. 2022. – Mode of access: <https://migrationresearch.com/taxonomies/topics-migration-governance-migration-policy-and-law-diaspora-engagement-policies>. – Date of access: 25.09.2023.
20. Кртян, Л. А. Диаспора как инструмент внешней политики государств / Л. А. Кртян // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 11. – С. 203–208.
21. Лубский, А. В. Социальный институт диаспоры в контексте обеспечения национальной безопасности России / А. В. Лубский, А. В. Бедрик, А. В. Сериков // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 21, № 5. – С. 63–73.
22. Варганян, А. А. Укрепление связей с диаспорой и привлечение бывших соотечественников как ключевые инструменты государственного регулирования международной трудовой миграции / А. А. Варганян // Миграция и соц.-экон. развитие. – 2017. – Т. 2, № 1. – С. 49–59.
23. Résumé – Politique nationale d’engagement de la diaspora malagasy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.diplomatie.gov.mg/index.php/politique-etrangere/diaspora-malagasy/19-resume-politique-nationale-d-engagement-de-la-diaspora-malagasy>. – Date of access: 25.09.2023.

REFERENCES

1. Borisova, M. V. Diasporizacija mira kak instrument vneshniepolitichieskogo vlijaniya gosudarstv / M. V. Borisova // Bulletin of the tajik national university Series of economic and social sciences. – 2023. – № 2. – P. 262–271.
2. Gauvin, A. La diaspora africaine est un acteur essentiel du développement économique et social de l’Afrique [Electronic resource] / A. Gauvin // Le Monde. – 2022. – 3 sept. – Mode of access: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/09/03/la-diaspora-africaine-est-un-acteur-essentiel-du-developpement-economique-et-social-de-l-afrique_6140086_3232.html. – Date of access: 25.09.2023.
3. Mandaville, P. G. Transnational Muslim politics: Reimagining the umma / P. G. Mandaville. – New York : Routledge, 2001. – 234 p.
4. Gierasimova, O. Ye. Transnacional’nyje diaspory kak novaja model’ etnopolitichieskoj obshchnosti / O. Ye. Gierasimova // Vopr. politologii. – 2021. – Vyp. 12 (76), t. 11. – S. 3461–3467.
5. Sukhariev, A. I. Politichieskoje stanovlienije subjektov sietievjkh gumanitarnykh vzaimodiejstvij v miezhdunarodnykh otnoshenijakh global’nogo mira : avtorief. dis. ... d-ra polit. nauk : 23.00.04 / A. I. Sukhariev. – M., 2011. – 51 s.
6. Torreal’ba, A. A. Tri osnovnykh podkhoda diasporal’noj diplomatii vo vneshniej politiki / A. A. Torreal’ba // Aktual. problemy ekonomiki i prava. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 154–169.

7. Diaspora Diplomacy / Institute of Public Diplomacy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.publicdiplomacy.online/diaspora-diplomacy>. – Date of access: 25.09.2023.
8. Gamlen, A. Diaspora Engagement Policies: What Are They, and What Kinds of States Use Them? [Electronic resource] / A. Gamlen // Working Paper. – University of Oxford, 2006. – № 32. – Mode of access: https://www.compas.ox.ac.uk/2006/wp-2006-032-gamlen_diaspora_engagement_policies/. – Date of access: 25.09.2023.
9. Réseau parlementaire sur les politiques des diasporas [Electronic recourse]. – Ministerstvo alii i absorbcii [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.gov.il/ru/departments/about/about_maya. – Date of access: 25.09.2023.
10. Ministierstvo alii i absorbcii [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.gov.il/ru/departments/about/about_maya. – Date of access: 25.09.2023.
11. O Rossotrudnichiestvie [Elektronnyj riesurs] // Oficial'nyj sajt Rossotrudnichiestva. – Riezhim dostupa: <https://rs.gov.ru/about-foiv/>. – Data dostupa: 25.09.2023.
12. Koncepcija vnieshnjej politiki Rossijskoj Fiedieracii [Elektronnyj riesurs] : utv. Priezidentom Ros. Fiedieracii V. V. Putinym, 31 marta 2023 g., № 229. – Riezhim dostupa: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>. – Data dostupa: 25.09.2023.
13. «Diaspora Diplomacy» as a foreign policy strategy. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://ifair.eu/2018/11/01/diaspora-diplomacy-as-a-foreign-policy-strategy/>. – Date of access: 25.09.2023.
14. Direction de la diaspora [Electronic resource] // Ministère des affaires étrangères de Madagascar. – Mode of access: <https://www.diplomatie.gov.mg/index.php/politique-etrangere/-diaspora-malagasy>. – Date of access: 25.09.2023.
15. Malgazhdarova, A. M. Instituty diasporal'noj politiki: na primierie Juzhnoj Koriei / A. M. Malgazhdarova // Viestn. KazNPU im. Abaya. Sier. Ist. i soc.-polit. nauki. – 2022. – № 1 (72). – S. 89–99.
16. V RK pojavitsia upravlienije po dielam zarubieznykh sootiechiestviennikov [Electronic resource]. – Mode of access: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=70098. – Date of access: 25.09.2023.
17. Sahara marocain : La diaspora marocaine, une force de lobbying et une valeur ajoutée de la diplomatie parallèle (Consul du Maroc à Paris) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.maroc.ma/fr/actualites/sahara-marocain-la-diaspora-marocaine-une-force-de-lobbying-et-une-valeur-ajoutee-de-la>. – Date of access: 25.09.2023.
18. Loshkariov, I. D. «Miagkaja sila» diaspori. Opyt amierikancev pol'skogo i irlandskogo proiskhozhdenija / I. D. Loshkariov // Miezhdunar. processy. – 2018. – T. 16, № 2. – S. 141–155. DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.8
19. Diaspora engagement policies [Electronic recourse] // Migration Research Hab. 2022. – Mode of access: <https://migrationresearch.com/taxonomies/topics-migration-governance-migration-policy-and-law-diaspora-engagement-policies>. – Date of access: 25.09.2023.
20. Krtian, L. A. Diaspora kak instrument vnieshnjej politiki gosudarstv / L. A. Krtian // Sistiema cennostiej sovriem. o-va. – 2010. – № 11. – S. 203–208.
21. Lubskij, A. V. Social'nyj institut diaspori v kontiektie obiespiechienija nacional'noj bieзопасnosti Rossii / A. V. Lubskij, A. V. Biedrik, A. V. Sierikov // Gumanitarij Juga Rossii. – 2016. – T. 21, № 5. – S. 63–73.
22. Vartanian, A. A. Ukrieplienije sviaziej s diasporoj i privliechienije byvshikh sootiechiestviennikov kak kliuchievye instrumenty gosudarstviennogo riegulirovanija miezhdunarodnoj trudovoj migracii / A. A. Vartanian // Migracija i soc.-ekon. razvitije. – 2017. – T. 2, № 1. – S. 49–59.
23. Résumé – Politique nationale d'engagement de la diaspora malagasy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.diplomatie.gov.mg/index.php/politique-etrangere/diaspora-malagasy/19-resume-politique-nationale-d-engagement-de-la-diaspora-malagasy>. – Date of access: 25.09.2023.

УДК 324 (100)

Евгений Сергеевич Викторovich*аспирант 2-го года обучения каф. философии и методологии университетского образования
Республиканского института высшей школы***Yauhen Viktorovich***2-nd Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Methodology of University Education
of Republican Institute of Higher Education**e-mail: sovetsnik@brest-region.gov.by*

СУЩНОСТЬ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОПЕДЕВТИКО-ПРЕВЕНТИВНОГО МИКРОСЕКМЕНТИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ РЫНКОВ КАК ИНСТРУМЕНТА ПРЕВЕНТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫМИ РИСКАМИ

Акцентируется внимание на условиях обеспечения политической безопасности и электорального суверенитета Республики Беларусь, целесообразности системно-прогностического государственно-политического управления политическими и электоральными процессами, сущности и типах сегментирования политического рынка, актуальности концепции превентивного управления электоральными рисками на основе комплементарности скрининга, аналитики и сегментирования региональных электоральных рынков, специфике и технологии пропедевтико-превентивного и формирующего микросегментирования региональных электоральных рынков как условия профилактики и нейтрализации электоральных рисков как инструментов управления электоральными рисками.

Ключевые слова: *пропедевтико-превентивное и формирующее микросегментирование региональных электоральных рынков, управление электоральными рисками, государственно-политическое управление.*

Specifics and Technology of Propaedeutical-Preventive Micro-Segmentation of Regional Electoral Markets as a Tool for Preventive Management of Electoral Risks

The article focuses on the conditions of ensuring political security and electoral sovereignty of the Republic of Belarus, the expediency of system-predictive state-political management of political and electoral processes, the nature and types of segmentation of the political market, the relevance of the concept of preventive electoral risk management based on complementarity of screening, analytics and segmentation of regional electoral markets, the specifics and technologies of propaedeutical-preventive and formative micro-segmentation of regional electoral markets as conditions for the prevention and neutralization of electoral risks, as tools for managing electoral risks.

Key words: *propaedeutical-preventive and formative micro-segmentation of regional electoral markets, electoral risk management, state-political management.*

Введение

Сегодня глобализованный мир находится в «точке бифуркации», в ситуации «поворота в истории» (Р. Ван ден Аккер) [1] и характеризуется энтропией, неустойчивостью, неопределенностью, *цивилизационным конфликтом, геополитической напряженностью, радикальной трансформацией миропорядка и формированием многополярного мира.* Агрессивная внешняя политика США, Великобритании, Евросоюза, основанная на идеологии глобализма, неолиберализма, неокOLONиализма, неонацизма, ко-

торая контролирует транснациональные корпорации, медиахолдинги, международные финансовые институты и гуманитарные фонды, финансирующие «цветные» революции и «гибридные» войны, *кибердeйтoкратия* (С. В. Володенков) [2], монополизирующая интернет-пространство, и другое актуализирует перед Республикой Беларусь задачи, связанные с укреплением суверенитета, нейтрализацией рисков, вызовов, угроз (их источников, эндогенных и экзогенных факторов) национальной безопасности, защитой *национальных интересов.* Одними из основных *национальных интересов* в политической сфере являются *обеспечение политической безопасности и электорального суверенитета.* В этой связи *сверхактуальна централизация управления*

Научный руководитель – Юрий Павлович Бондарь, кандидат политических наук, доцент, ректор Республиканского института высшей школы

политическими процессами, национальным политическим рынком, политической системой в целом, особенно с учетом *транспарентности политического интернет-пространства, интенсификации сетевых коммуникаций, регионализации и медиатизации политики.*

Для эффективного (наукоемкого, системного) управления региональными политическими процессами необходимо разработать концепцию и инструментарий, способные обеспечить политическую безопасность и электоральный суверенитет. К основным инструментам управления электоральными рисками, с нашей точки зрения, относятся политическая аналитика, прогнозирование рисков, скрининг политического (электорального) рынка, стратегирование, включающее целеполагание, сегментирование, экспертизу, инвестирование.

Цель статьи – конкретизация сущности и технологии пропедевтического и превентивного микросегментирования региональных электоральных рынков как инструмента идентификации, профилактики и нейтрализации электоральных рисков.

Основная часть

Для разработки концепции пропедевтико-превентивного микросегментирования региональных электоральных рынков применялись методы теоретического анализа философских, специально-научных и методологических источников, а также контент-анализ политико-правовых актов Республики Беларусь (Конституция Республики Беларусь, проект новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, Избирательный кодекс Республики Беларусь, Кодекс об образовании Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-З «О Всебелорусском народном собрании», Закон Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 250-З «Об основах гражданского общества», Закон Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 251-З «Об изменении законов по вопросам деятельности политических партий и других общественных объединений», Закон Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. №104-З «Об изменении законов по вопросам противодействия экстремизму», Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах мас-

совой информации», Государственная программа «Образование и молодежная политика на 2021–2025 годы»), *метод моделирования национального политического рынка, факторный анализ* развития политического рынка Республики Беларусь, методы *политической аналитики и политического прогнозирования* (определение стратегии развития политического рынка, региональных политических субрынков Республики Беларусь с учетом существенных трансформаций геополитического и макроэкономического контекста).

С позиции синергетического подхода и концепции государственно-политического управления ***политический рынок Республики Беларусь – это закрыто-открытая сложная саморазвивающаяся система, системообразующую функцию в которой выполняет государство как политический субъект, формирующий аксиологическое и конституционно-правовое поле, определяющий тип управления и архитектуру рынка, модель взаимодействия политических акторов, стратегию развития*** как национального политического рынка и его сегментов (политические партии, союзы, электорат, медиа и др.), так и региональных политических субрынков. Как сложная саморазвивающаяся система, политический рынок Республики Беларусь характеризуется гетерогенностью, непрерывными флуктуациями, способностью к изменению типа саморегуляции и структурным трансформациям, нелинейностью развития. Он находится в *«точке бифуркации»*. В нем доминирует *тип государственно-политического управления*, выражающийся в централизации, монополизации, детранспарентности, т. е. рынок становится более *«закрытым»* в связи с экзогенными рисками, вызовами, угрозами национальной безопасности. Политический рынок характеризуется как *олигополия* с невысокой степенью субъектности политических партий, концептуально-политическим однообразием и низким уровнем политической конкуренции. ***Тенденциями*** развития политического рынка Республики Беларусь являются:

1) *суверенизация* (соответствие национальным интересам и обеспечение национальной безопасности);

2) *регионализация* (развитие региональных политических субрынков);

3) *медиа́тиза́ция* (медиа становятся политическими субъектами, существенно влияющими на политические (электоральные) процессы);

4) *цифровиза́ция* (политические (электоральные) кампании все более сопряжены с интернет-пространством, сетевыми коммуникациями, ориентированы на интернет-сообщества).

Согласно *концепциям политического маркетинга*, разработанным российскими политологами Е. Г. Морозовой, М. Л. Гунаре, Н. Ю. Алтуховой, Г. О. Квасовой, И. Л. Недяк, Д. В. Щегловой и др.) [4–9], в группу политмаркетинговых технологий входит *сегментирование (сегментация) политического рынка* с целью дифференциации политического рынка на сегменты, субрынки, «инвестирование» в которые политически целесообразно, рентабельно, принесет «политические дивиденды» [4].

С нашей точки зрения, *сегментирование политического рынка* – это, во-первых, условие обеспечения политической безопасности и электорального суверенитета Республики Беларусь; во-вторых, технология управления политическими (электоральными) рисками, вызовами, угрозами; в-третьих, технология маркетинг-менеджмента, заключающаяся в типологизации политического рынка на взаимодействующие субрынки, микросегментировании политических субрынков (политические партии, электорат, медиа и др.), включая региональное измерение, с целью управления его функционированием и развитием; в-четвертых, технология формирования новых сегментов политического (электорального) рынка, основанных на национальных интересах, т. е. это технология формирования новой политической реальности, в т. ч. виртуальной. Сегментирование политического рынка включает в себя сегментирование электорального рынка. В этом контексте приоритетными *объектами и типами политического сегментирования* являются сегментирование:

1) национального политического пространства на политические регионы, национального политического рынка – на региональные политические субрынки;

2) электорального рынка, включая региональное измерение (микросегментирование интернет-сообщества, сетевых сооб-

ществ, определение потенциальных и реальных групп электорального риска, формирование новых электоральных сегментов, основанных на ценностных приоритетах Республики Беларусь);

3) рынка «политические партии» (включая региональное измерение), иерархизация партий по степени политического влияния;

4) рынка «общественные объединения, движения» (включая региональное измерение), иерархизация общественных объединений по степени влияния на социально-политические процессы;

5) рынка «медиа» (включая региональное измерение и интернет-медиа), иерархизация медиа по степени политического влияния;

б) идентификация и иерархизация по степени опасности внешних политических акторов, внешних политических акторов вне суверенитета (включая транснациональные киберимперии) как источников рисков, вызовов, угроз, политической безопасности и электоральному суверенитету Республики Беларусь.

Приоритетными типами сегментирования субрынка «электорат» (национальное и региональное измерения) в контексте государственного управления электоральными рисками являются *пропедевтическое, превентивное и формирующее микросегментирование, которые находятся в отношении функциональной комплементарности*. Интеграция данных типов сегментирования является одним из условий обеспечения политической безопасности и электорального суверенитета Республики Беларусь. Это корреспондируется с позицией И. Л. Недяк, которая отмечает, что одной из оптимальных политмаркетинговых стратегий в контексте современных политических кампаний являются *микросегментирование, тотальное сегментирование и дифференцированный охват электорального рынка*: «Наличие на рынке множества микросегментов избирателей означает, что оптимальной для партии станет стратегия дифференцированного маркетинга: охватить много микросегментов/ниш избирателей, разрабатывая для каждого из них отдельное предложение» [8].

Идея интеграции пропедевтического, превентивного и формирующего микросегментирования разработана в контексте *кон-*

цепции государственного управления политической системой, политическими процессами, политическим рынком, электроральным субрынком, включая стратегирование избирательных кампаний, концепции воздействующего маркетинга (перестроение существующих либо формирование новых электроральных сегментов соответственно ценностным приоритетам Республики Беларусь на основе применения технологий «умной» и «мягкой» силы), концепций маркетинга взаимоотношений и социального маркетинга [8; 9], специфика которых в следующем:

1. Субъект-субъектное взаимодействие производителя и потребителей политического предложения (услуги).

2. Политическое предложение как услуга создается в открытом процессе взаимодействия производителя (партии и др.) и потребителя (граждан, избирателей), в ходе которого потребитель влияет на качество или содержание услуги, т. е. является «со-создателем» услуги, субъектом отношений обмена (а не только объектом-реципиентом, что характерно для маркетинга транзакций).

3. Ценностное измерение политических взаимодействий, групповой смыслопоиск и обмен ценностями (смыслами) между производителем и потребителями политического предложения (услуги) в процессе диалога или полилога; формирование у электроральных групп новых ценностей (смыслов) посредством применения лично и субъектно ориентированных педагогических методов, форм, технологий (в отличие от стратегии формирования политического спроса на основе искусственного создания политических фантомов, симулякров, виртуальной политической реальности, воздействия на сознание (подсознание) и поведение электората посредством манипулятивных технологий, агрессивной политической рекламы, пропаганды, агитации).

4. Консолидированная ответственность производителя и потребителей (избирателей) политического предложения (услуги).

Акцентируем внимание на специфике и технологии пропедевтического, превентивного и формирующего микросегментирования региональных электроральных субрынков. Наша концептуальная позиция следующая.

Пропедевтическое микросегментирование – это типологизация потенциальных электроральных групп (например, групп учащейся и студенческой молодежи «16+», «17+»), формирование их социально-политических профилей на основе социально-психологической диагностики. Данные потенциальные электроральные группы как представители «цифрового поколения», несмотря на относительную малочисленность, являются объектами информационно-манипулятивных технологий, потенциальными источниками социально-политического напряжения, потенциальными группами электрорального риска (согласно концепции «сложного мышления» Э. Морена «малые причины могут повлечь за собой очень большие следствия» [10, с. 4]). Одна из целей экстремистских структур – целенаправленная индоктринация сознания учащейся и студенческой молодежи посредством информационно-манипулятивных технологий, тиражирования фейков, создания информационных симулякров, негативных имидж-проектов государства, государственной и политической элиты, вовлечение в деструктивную антигосударственную деятельность.

Вызывают обеспокоенность данные социологических исследований ценностных ориентаций студенческой молодежи Республики Беларусь, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в октябре – ноябре 2022 г. В частности, такая ценность, как «любовь к Родине» является приоритетной только для 15,6 % студенческой молодежи, а «достаток и деньги» – для 57,8 % студенчества [11]. У студенческой молодежи Республики Беларусь явно доминирует прагматическая мотивация. Глава Администрации Президента Республики Беларусь И. П. Сергеев отмечает: «На мировоззрение молодежи сегодня серьезное влияние оказывают интернет-технологии, социальные сети, Telegram-каналы. Распространяемая ими информация нередко носит деструктивный характер, она прививает молодежи чуждые нам ценности, порождая негативное отношение к обществу и государству, провоцируя конфликтное, а иногда даже преступное поведение. И от того, какими ценностями сегодня руководствуется наш студент, какие цели ставит перед собой, к каким идеалам стремится, зависит в

т. ч. и наше с вами будущее, будущее нашей страны» [11].

На основе социологических данных можно утверждать, что Государственная программа «Образование и молодежная политика на 2021–2025 гг.», Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг., Стратегия развития государственной молодежной политики до 2030 г., Программа патриотического воспитания населения на 2022–2025 гг. требуют корректировки содержания и технологий взаимодействия с заявленными целевыми группами.

На примере г. Бреста проиллюстрируем применение технологии пропедевтиче-

ского микросегментирования регионально-го электорального субрынка, в котором функционируют два университета: Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина и Брестский государственный технический университет (по состоянию на 01.09.2023 на дневном отделении обучаются 5 794 студента, из них 4 429 – совершеннолетние). Также в городе функционируют 13 учреждений среднего специального образования (колледжи), в которых обучаются 6 719 учащихся, из них 1 952 – совершеннолетние. За основу количества электората в г. Бресте мы возьмем условную величину в 230 тыс. человек.

Таблица 1 – Пропедевтическое сегментирование: потенциальные электоральные группы (университеты и колледжи г. Бреста)

Условное количество электората в г. Бресте – 230 тыс. человек							
БрГУ им. А. С. Пушкина		БрГТУ		Колледжи г. Бреста (всего колледжей – 13)		Итого	
Количество студентов дневного отделения				Количество учащихся дневного отделения			
всего	из них «до 18»	всего	из них «до 18»	всего	из них «до 18»	итого	из них «до 18»
2 555	579	3 239	786	6 719	4 767	12 513	6 132

Таким образом, *потенциальная электоральная группа* (студенты университетов и учащиеся колледжей до 18 лет) *составляет 6 132 человека, или 2,65 % от количества электората*. Кроме того, в городе функционирует *41 учреждение общего среднего образования* (в т. ч. 6 гимназий, один лицей, 34 школы), в которых обучаются *5 278 учащихся 10–11 классов* (10 класс – 2 747 учащихся, 11 класс – 2 531). Всего в университетах, колледжах и старших классах учреждений общего среднего образования г. Бреста учится 17 791 обучающийся, из которых на 01.09.2023 *до 18 лет – 11 404*, имеют 18 лет – 6 387 человек.

В г. Бресте потенциальная электоральная группа на 01.09.2023 (студенты университетов до 18 лет, учащиеся колледжей до 18 лет, учащиеся 10 и 11 классов гимназий, лицеев, школ до 18 лет) *составляет 11 404 человека, или примерно 5 % от общего количества электората*.

Качественная электоральная стратегия предполагает детальное микросегментирование потенциальных электоральных групп с целью формирования у них национального самосознания, конструктивной гражданской позиции, патриотических чувств и др. (таблица 2), что коррелирует с п. 32 ст. 33 Избирательного кодекса Республики Беларусь.

Таблица 2 – Микросегментирование потенциальных электоральных групп студенческой молодежи (I курс)

Университеты г. Бреста					
БрГУ им. А. С. Пушкина		БрГТУ		Всего	
Количество студентов (дневное отделение, на 01.09.2023)					
всего	из них «до 18»	всего	из них «до 18»	всего	из них «до 18»
674	578	893	786	1 567	1 364

Типологизация потенциальных электоральных групп выполняет как про-

педевтическую, так и превентивную функции. Кроме того, на основе ретроспектив-

ной аналитики и ретроспективного сегментирования электорального рынка в контексте предыдущей избирательной кампании мы можем определить реальные группы электорального/социально-политического напряжения, которые в контексте будущей избирательной кампании можно рассматривать как *группы электорального риска*. Например, на основе ретроспективной аналитики и микросегментирования мы можем определить внутри регионального сегмента «Промышленные предприятия г. Бреста» «*точки*» с высоким протестным потенциалом. Кроме того, скрининг, диагностика, аналитика актуального регионального электорального рынка позволят выявить и новые точки электорального напряжения. Результаты ретроспективной аналитики (сегментирования) и аналитики (сегментирования актуального электорального рынка) не-

обходимо систематизировать с целью разработки эффективной *электоральной стратегии* в контексте будущей избирательной кампании, интегрирующей систему профилактико-превентивных мер. В этой связи *сегментирование субрынка «электорат» должно включать и превентивное сегментирование*.

Превентивное микросегментирование – это типологизация как на основе ретроспективной аналитики, так и скрининга и аналитики актуального электорального рынка электоральных микросегментов (социальных и профессиональных групп внутри сегментов) с высоким протестным потенциалом с целью прогнозирования, профилактики и нейтрализации электоральных рисков в контексте будущей избирательной кампании.

Таблица 3 – Группы электорального риска: учащаяся и студенческая молодежь

Условное количество электората в г. Бресте – 230 тыс. человек							
БрГУ им. А. С. Пушкина		БрГТУ		Колледжи г. Бреста		Итого	
Количество студентов дневного отделения				Количество учащихся дневного отделения			
всего	из них «18+»	всего	из них «18+»	всего	из них «18+»	итого	из них «18+»
2 555	1 976	3 239	2 453	6 719	1 952	12 513	6 381

С целью управления и нейтрализации электоральных рисков на основе как ретроспективной аналитики предыдущих электоральных кампаний, так и скрининга актуального регионального электорального рынка на *электоральной карте региона*

важно зафиксировать и систематизировать все «*точки*», микросегменты с высоким протестным потенциалом. Необходимо сконструировать соответствующую *матрицу региональных микросегментов электорального риска* (таблица 4).

Таблица 4 – Матрица региональных микросегментов электорального риска

Брест, условное количество электората – 230 тыс. человек					
Предприятия и организации г. Бреста – микросегменты электорального риска					
Университеты, колледжи	Предприятия ИТ-сектора	Учреждения здравоохранения	Предприятия энергетического комплекса	...	Всего
Количество электората с высоким протестным потенциалом					
Всего: _____ : % от условного количества электората					

Кроме того, превентивное сегментирование субрынка «электорат» может осуществляться и с целью определения электоральных групп с особыми политическими и индивидуальными информационными запросами [9]. Безусловно, надо учитывать, что политический выбор некоторой части электората, в т. ч. и представителей электоральных групп риска, обусловлен ситуа-

ционными иррациональными мотивами (отрицательные эмоции, фобии, аффективные состояния как реакция на искусственно сформированные политтехнологами апокалипсические сценарии, политические симулякры, информационные фейки).

Некоторые исследователи полагают, что одна из функций политического маркетинга заключается в сегментировании элек-

торального рынка и *адаптации политического предложения под политические предпочтения той или иной электоральной группы*. Например, М. Л. Гунаре отмечает: «Ключевыми вопросами маркетинговой организации избирательных кампаний является адаптация программы и личности кандидата к потребностям рынка, т. е. избирателей, точнее определенного сегмента этого рынка» [5, с. 70].

Наша позиция диаметрально противоположная. Основываясь на методологии метафорического моделирования политических институтов и процессов (Д. В. Нежданов) [12], сообразно идее создания политических «голубых океанов» (по аналогии с экономической «стратегией голубого океана», разработанной В. Чан Кимом), с учетом геополитического и внутривнутриполитического контекста Республики Беларусь, в рамках концепции государственного управления политической системой, политическими процессами, политическим рынком, считаем, что *сегментирование электорального субрынка предполагает не столько искусственное формирование политического спроса на тот или иной политический товар (услугу) на основе манипулятивных технологий, формальную дифференциацию электората на группы и определение их социально-политических предпочтений, адаптацию, «подстройку» политического продукта (национальной идеи, политической концепции, программы, проекта и др.) под политический спрос, сколько переформатирование существующих и/или формирование новых электоральных ниш (микросегментов), основанных на национальных интересах, ценностных приоритетах Республики Беларусь, т. е. формирующее сегментирование*, объектами которого являются как потенциальные электоральные группы, так и реальные группы электорального риска, характеризующиеся высоким протестным потенциалом.

Многообразие электоральных групп обуславливает вариативность электоральных стратегий. Каждая из потенциальных и реальных групп электорального риска требует применение уникальной электоральной стратегии. Это касается проблематики, контента, стиля и формы взаимодействия (диалог, полилог, проектная команда), каналов обратной связи (сетевая

и другая коммуникация), вариативных политехнологий: технологий *Hi-Hume* (социогуманитарных технологий воздействия на сознание, подсознание, отношения и поведение человека) [13], «маркетинговых технологий убеждающего воздействия (стимулирующей рекламы, актуализации имиджа лидера)» [4, с. 31], вариативных *лично-относительно и субъектно ориентированных педагогических технологий* (интерактивных, когнитивных, исследовательских, творческо-проектных, аналитико-рефлексивных и др.), направленных на формирование у электоральных групп, прежде всего у *групп электорального риска*, национального самосознания, патриотических чувств, исторической памяти, элементов политической культуры, ответственной и конструктивной гражданской позиции, развитие «сложного» (глобального, многомерного, системного, критического, аналитического, нелинейного) мышления, *способности видеть реальность во всей ее многообразии и сложности*. Очень важно в условиях кибервойн и «фейковых атак» формирование у потенциальных электоральных групп аналитического и критического мышления, понимания реального геополитического контекста, факторов глобальной энтропии, глобального цивилизационного конфликта, рисков, вызовов, угроз национальному суверенитету, национальной безопасности Республики Беларусь.

Заключение

Таким образом, особое внимание в преддверии новой избирательной кампании мы должны уделять потенциальным и реальным группам электорального риска и выстраивать с ними конструктивное субъект-субъектное взаимодействие, смыслотворчества, групповой мыследеятельности, диалога, полилога, сотворчества, сопроектирования, содеятельности, сорефлексии. Считаем, что агитационно-пропагандистский монолог и формальный мероприятийный подход являются малоэффективными инструментами формирования у данных групп электората национального самосознания и конструктивной гражданской позиции. Более продуктивная маркетинговая стратегия заключается в применении интерактивных и проектных методов, форм и технологий [8; 9], которые ориентированы на диффе-

ренцированные электоральные сегменты и основаны на субъект-субъектном взаимодействии, двусторонней коммуникации, диалоге/полилоге, обмене ценностями и смыслами.

Пропедевтико-превентивное сегментирование региональных электоральных рынков, определение потенциальных электоральных групп, определение групп электорального риска, групп потенциального социально-политического напряже-

ния, формирование новых электоральных сегментов, ориентированных на национальные интересы, национальные ценности, диалог и конструктивную гражданскую позицию, являются инструментом обеспечения не только региональной, но и национальной политической безопасности и электорального суверенитета Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аккер, Р. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. Аккер ; под ред. Р. Аккера, Э. Гиббонс, Т. Вермюлена. – М. : РИПОЛ Классик, 2017. – 273 с.
2. Володенков, С. В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / С. В. Володенков ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2015. – 48 с.
3. Проект Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>.
4. Морозова, Е. Г. Политический маркетинг. Концепции развития, модели функционирования. Компаративистский анализ : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Е. Г. Морозова. – М., 2000. – 403 л.
5. Гунаре, М. Л. Политический маркетинг в избирательной кампании : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / М. Л. Гунаре. – М., 2001. – 153 л.
6. Алтухова, Н. Ю. Политический маркетинг в современной России : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Н. Ю. Алтухова ; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2006. – 179 л.
7. Квасова, Г. О. Политический рынок: институциональный анализ : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Г. О. Квасова ; Юж. федер. ун-т. – Ростов н/Д, 2007. – 153 л.
8. Недяк, И. Л. Маркетинговый подход к исследованию политических процессов : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / И. Л. Недяк ; Ин-т социологии РАН. – М., 2011. – 46 с.
9. Щеглова, Д. В. Методика исследования политического рынка в ракурсе модернизированных процессов / Д. В. Щеглова // Вестн. ВГУ. Сер.: История, политология, социология. – 2012. – № 1. – С. 195–198.
10. Морен, Э. Метод. Природа Природы / Э. Морен ; пер. с фр. Е. Н. Князевой. – М. : Проресс-Традиция, 2005. – 464 с.
11. Сергеенко обеспокоен мировоззренческими приоритетами студенчества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/sergeenko-obespoioen-mirovozzrencheskimi-prioritetami-studenchestva.html>.
12. Нежданов, Д. В. Развитие концепта «политический рынок»: от научной метафоры к системе категорий политической науки / Д. В. Нежданов, О. Ф. Русакова // ПОЛИТЭКС. – 2011. – Т. 7, № 2. – С. 243–261.
13. Лысак, И. В. Hi-Nume технологии и последствия их применения / И. В. Лысак // Современ. исслед. соц. проблем. – 2010. – № 4 (04). – С. 259–263.

REFERENCES

1. Akkier, R. Mietamodernizm. Istorichnost', Affiekt i Glubina poslie postmodernizma / R. Akkier ; pod ried. R. Akkiera, E. Gibbons, T. Vermiuiliena. – M. : RIPOL Klassik, 2017. – 273 s.
2. Volodienkov, S. V. Tiekhnologii internet-kommunikacii v sistiemie sovriemiennogo politichieskogo upravlienija : avtorief. dis. ... d-ra polit nauk : 23.00.02 / S. V. Volodienkov ; Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. – M., 2015. – 48 s.

3. Projekt Koncepicii nacional'noj biezopasnosti Rjespubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs] // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Rjespubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/-document/?guid=3871&p0=P223s0001>.
4. Morozova, Ye. G. Politichieskij markieting. Koncepicii razvitija, modeli funkcionirovanija. Komparativistskij analiz : dis. ... d-ra polit. nauk : 23.00.02 / Ye. G. Morozova. – M., 2000. – 403 l.
5. Gunare, M. L. Politichieskij markieting v ibiratiel'noj kampanii : dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.02 / M. L. Gunare. – M., 2001. – 153 l.
6. Altukhova, N. Yu. Politichieskij markieting v sovriemiennoj Rossii : dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.02 / N. Yu. Altukhova ; Stavrop. gos. un-t. – Stavropol', 2006. – 179 l.
7. Kvasova, G. O. Politichieskij rynek: institucional'nyja analiz : dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.02 / G. O. Kvasova ; Juzh. fiedier. un-t. – Rostov n/D, 2007. – 153 l.
8. Nediak, I. L. Markietingovyj podkhod k issliedovaniju politichieskikh processov : avtorief. dis. ... d-ra polit. nauk : 23.00.02 / I. L. Nediak ; In-t sociologii RAN. – M., 2011. – 46 s.
9. Shchieglova, D. V. Mietodika issliedovanija politichieskogo ryinka v rakursie modernizirovannykh processov / D. V. Shchieglova // Viestn. VGU. Sier.: Istorija, politologija, sociologija. – 2012. – № 1. – S. 195–198.
10. Moren, E. Mietod. Priroda Prirody / E. Moren ; pier. s fr. Ye. N. Kniazievoj. – M. : Progress-Tradicija, 2005. – 464 s.
11. Siergiejenko obiespokojen mirovozzrienchieskimi prioritietami studienchestva [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.sb.by/articles/sergeenko-obespokoen-mirovozzrenchieskimi-prioritetami-studenchestva.html>.
12. Niezhdanov, D. V. Razvitije koncepta «politichieskij rynek»: ot nauchnoj mietafory k sistiemie kategorij politichieskoj nauki / D. V. Niezhdanov, O. F. Rusakova // POLITEKS. – 2011. – T. 7, № 2. – S. 243–261.
13. Lysak, I. V. Hi-Hume tiekhnologii i posliedstvija ikh primienienija / I. V. Lysak // Sovriem. isslied. soc. problem. – 2010. – № 4 (04). – S. 259–263.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 10.10.2023

УДК 323.21

Владислав Андреевич Козловский*аспирант 3-го года обучения каф. политологии Белорусского государственного университета***Uladzislau Kazlouski***3-d Year Postgraduate Student of the Department of Political Science of Belarusian State University**e-mail: ul.kazlouski@gmail.com*

КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В СССР

Рассмотрены основные этапы формирования и реализации процессов компьютеризации системы государственного управления и народного хозяйства в СССР. Описаны бюрократические сложности, сопровождавшие процессы компьютеризации госуправления в СССР, а также дано авторское определение понятия «компьютеризация». Показано отличие компьютеризации от процессов цифровизации.

Ключевые слова: *электронно-вычислительная техника, компьютеризация, государственное управление, народное хозяйство, Госплан, цифровизация, плановая система, СССР.*

Computerization of Public Administration and National Economy Systems in the USSR

The article discusses the main stages of the compilation and implementation of the processes of computerization of the system of public administration and national economy in the USSR. The bureaucratic difficulties that accompanied the processes of computerization of public administration in the USSR are described, as well as the author's definition of the concept of computerization and its isolation from the processes of digitalization is given.

Key words: *electronic computing equipment, computerization, public administration, national economy, Gosplan, digitalization, planning system, USSR.*

Введение

В XXI в. цифровизация стала неотъемлемой частью процессов человеческой жизнедеятельности. Различные аспекты цифровой трансформации затрагивают все большее число общественных отношений и институтов. Политическая наука исследует эту проблему как самостоятельно, так и в междисциплинарном ключе. Отношения, складывающиеся вокруг вопросов распределения и реализации власти, рассматриваются через призму цифровизации.

Цифровизация системы государственного управления зачастую воспринимается как ключевая характеристика XXI в. Однако вопросы оптимизации и совершенствования деятельности системы государственного управления вошли в актуальную повестку после изобретения электронных вычислительных машин (ЭВМ) во второй половине 40-х гг. XX в. Тогда ученые в разных странах мира стали обращаться к проблематике использования электронно-технических средств и технологий в экономике для ре-

шения социальных вопросов и в государственном управлении.

Опыт СССР по внедрению электронно-вычислительной техники в системы государственного управления недостаточно изучен для осмысления становления и развития современных процессов цифровизации системы государственного управления. Одним из первых советских ученых-исследователей, обративших внимание на необходимость ускорения и трансформации системы управления народным хозяйством в СССР, был известный философ и социолог, академик АН СССР Дж. М. Гвишиани. В числе советских ученых, также занимавшихся исследованиями в области трансформации системы государственного управления и народного хозяйства с использованием электронно-вычислительной техники, были Б. А. Волчков, В. М. Глушков, А. И. Китов, Н. П. Лебединский, Н. И. Ковалев и др. Из современных исследований по данной тематике можно выделить работы А. А. Ананьева, А. И. Верещако, А. С. Киселева, А. В. Кутейникова, А. В. Сафронова, которые рассматривали не только техническую составляющую процессов компьютеризации, но и влияние их на социально-полити-

Научный руководитель – Светлана Геннадьевна Паречина, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета

ческую обстановку и философское понимание роли техники в социальной жизни. Так, А. И. Верещако акцентирует смену представлений о технике как «нейтральном инструменте, подчиненном человеку», на технократическую установку понимания техники в качестве «социообразующего и политического фактора». В условиях зрелого индустриального общества и постиндустриализма «принципы организации машинного производства (целерациональность, прагматизм, утилитарность) проецируются на социально-политическую реальность как эталонные» [1, с. 5].

Процессы внедрения электронно-вычислительной техники в системах государственного управления и народного хозяйства СССР отождествляют с современными процессами цифровизации. Однако процессы, проходившие в системах хозяйства и государственного управления СССР, следует именовать компьютеризацией, которая представляет собой интенсивное внедрение электронно-вычислительной техники для упрощения расчетов и увеличения объемов обрабатываемой информации.

Цель статьи – исследовать этапы эволюции компьютеризации систем государственного управления и народного хозяйства в СССР, выявив их социально-политическое значение.

Основная часть

В СССР в разработке проблем внедрения электронно-вычислительной техники в государственное управление были задействованы Госплан СССР, Главный вычислительный центр Госплана СССР, Научно-исследовательский институт по планированию и нормированию (НИИПиН) при Госплане СССР, Центральный экономический математический институт (ЦЭМИ) Академии наук СССР, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Рассмотрим этапы эволюции внедрения электронно-вычислительной техники в систему государственного управления и народного хозяйства в СССР.

В 1950-х гг. советские ученые-кибернетики начали искать решения проблем, связанных с растущими объемами производства и количества предприятий в экономике СССР. В 1958 г. советский программист Анатолий Иванович Китов предложил

решение проблемы в виде создания Единой государственной сети вычислительных центров (ЕГСВЦ). Планировалось, что эта сеть могла использоваться в мирное время для планирования экономической деятельности государства, а в военное время – для стратегического военного планирования на основе вычислительных мощностей Министерства обороны СССР. Однако такое предложение не было поддержано руководством Советского Союза [2].

В 1959 г. идея использования вычислительных машин в народном хозяйстве была реализована и воплотилась в создании первого Вычислительного центра при Госплане СССР [3]. В 1964 г. «пионер советской кибернетики», академик, математик Виктор Михайлович Глушков предложил новую концепцию Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС), созданную для оптимизации системы государственного управления [2]. ОГАС – наиболее известный советский проект компьютеризации государственного управления. ОГАС основывалась на обеспечении вертикальных управленческих связей. Главной целью ОГАС было создание системы объемно-календарного территориально-отраслевого планирования для интеграции всех уровней иерархии территориального управления, включая Госплан СССР, цехи, участки и даже отдельные рабочие места. Рабочая группа под руководством Натана Ефимовича Кобринского разработала первоначальную версию проекта, которую затем принял Межведомственный научный совет по внедрению математических методов и вычислительной техники в народное хозяйство под председательством В. М. Глушкова [4].

В. М. Глушков полагал, что систематизация социально-экономической информации при помощи средств вычислительной техники имеет важнейшее значение, а ОГАС предоставляет реальные возможности для разработки наиболее эффективной в то время модели управления экономикой. При этом утверждалось, что реализация ОГАС потребует не менее 15–20 лет и 20 млрд руб. В. М. Глушков считал, что управление человеческими усилиями недостаточно эффективно без ЭВМ, а электронно-вычислительная техника является тем изобретением, которое позволяет преодолеть

информационный барьер, аналогично изобретению товарно-денежных отношений. Согласно Глушкову, вычислительная техника позволит человеку охватывать всю экономику подобно тому, как невооруженным глазом можно охватить натуральное хозяйство. Он говорил не только об общегосударственной системе управления экономикой, но и об управлении в различных областях, таких как наука, производство и вся управленческая деятельность [5].

Каждая развивающаяся система включает в себя процессы, связанные с переработкой сырья, движением финансов, использованием механизмов и т. д. Эти процессы зависят от поведения людей, работающих в управляемой системе. При использовании разных систем управления на предприятиях и в организациях формируются вертикальные и горизонтальные связи между ними. Такие связи обеспечивают обмен информацией, ресурсами, знаниями и опытом, что, в свою очередь, ускоряет процессы принятия решений и улучшает координацию работы между различными системами управления. Это дает возможность предприятиям и организациям достичь большей производительности и снизить производственные издержки [6].

В период с 1963 по 1965 г. Главное управление по внедрению вычислительной техники при Государственном комитете по координации научно-исследовательских работ СССР (ГУВВТ) занималось разработкой проекта ЕГСВЦ. Однако Центральное статистическое управление (ЦСУ) СССР выразило свое несогласие с проектом, поскольку в нем предусматривалось, что сеть вычислительных центров будет связана с Главным вычислительным центром (ГВЦ) Госплана, а ЦСУ оспаривало первенство Госплана в области компьютеризации. В 1966 г. проект был переработан ЦСУ и Министерством приборостроения СССР. Однако Госплан высказал критическое мнение о проекте. Госплан в период в 1967–1968 гг. разработал новый проект Государственной вычислительной центральной системы (ГСВЦ). В этом проекте предусматривалось, чтобы все министерства и ведомства развивали свои автоматизированные системы управления (АСУ), и предполагалось, что новая система будет объединять эти АСУ [7].

В 1964–1965 гг. ЦСУ начало разрабатывать альтернативный Госплану проект развития вычислительных центров и продвигало процесс компьютеризации своих машинно-счетных станций. В 1965 г. Госплан СССР сформировал Комплексную группу, задачей которой было создание и внедрение автоматизированной системы планирования и управления народным хозяйством (АСПР), после того как первоначальный проект ЕГСВЦ был приостановлен. В 1966 г. функции ГУВВТ были переданы Госплану и была создана специальная должность заместителя Председателя Госплана, который был ответственен за планирование и контроль внедрения экономико-математических методов, вычислительной техники и систем автоматизированного управления [9].

В 1966 г. появились научные публикации, посвященные созданию системы, позволяющей автоматизировать процесс планирования развития государства. Разрабатывались методологические подходы декомпозиции всех плановых расчетов на набор операций, сопряженных с обработкой входных и выходных данных, а также разработку соответствующих алгоритмов их трансформации. Расчеты вручную постепенно заменялись машинными. К началу 1968 г. были созданы автоматизированные системы баланса денежных доходов и расходов населения, производства и использования общественного продукта и национального дохода, баланса трудовых ресурсов, объема продукции связи и т. д. [10]. К концу 1968 г. функционировало 15 подсистем плановых расчетов. Кроме того, началось тестирование системы электронного документооборота, следящей за выполнением поручений Правительства и руководства Госплана СССР [11].

Итак, шла борьба между Госпланом и ЦСУ за лидерство в разработке ГСВЦ. Предложенный ЦСУ вариант был отклонен из-за его высокой стоимости. В проекте на восьмью пятилетку (1966–1979) планировалось создать 85 вычислительных центров. Вариант Госплана был принят как адекватный с точки зрения финансирования и организации работ по внедрению вычислительной техники. В работе Н. П. Лебединского, опубликованной в 1980 г., показано, что разработка унифицированной докумен-

тации для АСПР была отменена. Это решение обосновывалось «динамической природой объекта планирования, а именно народного хозяйства», а также «эволюцией теории и практики разработки государственных планов и усовершенствованием методов и средств обработки информации» [8].

Для реализации своего варианта АСПР Госплан СССР взял на себя задание по распределению рабочих функций между соответствующими органами госпланов союзных республик и их вычислительными центрами. Этот процесс выглядел следующим образом: Вычислительный центр Госплана Эстонской ССР занимался разработкой алгоритмических языков для проведения плановых расчетов; Вычислительный центр Госплана Украинской ССР осуществлял расчеты по потребности в прокате черных металлов; в Белорусской ССР активно работали над проектированием АСПР; Главный Вычислительный Центр Госплана СССР занимался расчетами объемов производства и распределения продукции, проводил аналитические расчеты в рамках проектов плана на 1967 г. и на пятилетку; Госплан СССР разработал координационный план деятельности вычислительных центров плановых органов [12].

В 1972 г. постановлением Госплана СССР было одобрено техническое задание на создание в Госплане СССР, госпланах союзных республик, министерствах и ведомствах АСПР. В качестве головной организации был утвержден ГВЦ. Важным условием внедрения АСПР Н. П. Лебединский называл ее информационное обеспечение: требовались единые классификаторы экономической информации для всех АСУ [11].

В 1980 г. Госплан СССР принял постановление № 53 «Об организации работ по завершению в одиннадцатой пятилетке внедрения АСПР и дальнейшему ее развитию» для внедрения второй очереди АСПР. Как минимум, частично к 1989 г. в СССР был создан своего рода «административный Интернет» благодаря налаживанию прямой передачи информации от АСПР к АСУ ряда министерств и ведомств.

Н. П. Лебединский приводит данные, что в 1985 г. было автоматизировано 70 % информационно-вычислительных процедур. Рабочие места плановиков оснащались мини-ЭВМ, которые были снабжены пакетом

программ собственной разработки и могли получать необходимую информацию из баз данных [12]. Если бы Госплан СССР не был распущен, он мог бы считать АСПР своим значительным достижением, несмотря на сопротивление, с которым ему пришлось столкнуться при разработке первых проектов ЕГСВЦ. С помощью нормативного подхода удалось побороть саботаж предоставления информации для оптимизационных расчетов и убедить рядовых плановиков, получивших мини-ЭВМ, стать сторонниками АСПР.

Заключение

Процессы, проходившие в системах хозяйства и госуправления СССР, считаем, следует именовать компьютеризацией, которая представляет собой внедрение электронно-вычислительной техники для упрощения расчетов и увеличения объемов обрабатываемой информации.

В статье выделены следующие этапы компьютеризации системы госуправления в СССР.

В 1950-х гг. впервые озвучены идеи (А. И. Китов, В. М. Глушков) о внедрении электронно-вычислительной техники в процесс управления народным хозяйством с целью создания единой централизованной системы учета и управления народным хозяйством.

В 1960–70-х гг. Госплан и ЦСУ СССР проводили комплексные работы по разработке управленческих систем и механизмов на основе ЭВМ с их последующей адаптацией для советской плановой экономики. Используя административный ресурс, Госплан СССР получил первенство в реализации проектов ОГАС и к концу 1960-х гг. представил первый вариант автоматизированной системы планирования и управления народным хозяйством. ЕГСВЦ как пилотный проект Госплана был призван продемонстрировать руководству СССР технологические возможности по разработке и внедрению централизованной системы управления народным хозяйством. После получения дополнительного финансирования и распространения программы на отдельные предприятия ЕГСВЦ была трансформирована в АСПР. Дальнейшие разработки АСПР проводились по различным направлениям в научных центрах союзных республик, что отчасти и определило их информа-

ционно-технический потенциал в постсоветский период.

К 1980-е гг. разработка АСПР, проводимая Госпланом, заметно замедлилась, что объясняется экономическими трудностями и политическими изменениями, происходившими в СССР. Дж. Гвишиани в работе «Ускорение: совершенствование методов хозяйствования» писал: «XXVII съезд КПСС отметил серьезное снижение экономического роста в СССР, в чем немаловажную роль сыграло отставание системы управления народным хозяйством. Непрерывные изменения социально-экономических условий хозяйствования не получили своевременной политической оценки, не была осознана вся острота и неотложность перевода экономики на путь интенсивного метода развития, не было принято необходимых организационных мер для глубокой перестройки хозяйственного механизма и системы управления экономикой» [13].

После распада СССР все созданные программы были заморожены и затем отменены. Процесс трансформации экономики и политики в постсоветский период не позволил возобновить уже существовавшие

проекты. А технологический скачок, произошедший на изломе тысячелетий, в целом изменил подходы к внедрению компьютерных и цифровых технологий в системе государственного управления и экономики.

Процессы компьютеризации, проходившие в СССР, могли стать эффективным инструментом совершенствования системы государственного управления. Но процесс внедрения электронно-вычислительной техники в систему государственного управления СССР не смог оказать значительного влияния на политическую систему советского общества, поскольку непосредственно система политического управления оставалась неизменной. Технические средства применялись лишь для упрощения существующих управленческих процессов (протоколирования, подготовки документов и т. п.).

Однако описанные процессы внедрения ЭВМ стимулировали подготовку высококвалифицированных специалистов в различных областях народного хозяйства, что в последующем стало базисом для формирования национальных школ в области цифровизации в постсоветских республиках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верещако, А. И. Динамика исследовательских программ в классической и постклассической философии техники : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.08 / А. И. Верещако ; БГУ. – Минск, 2022. – 28 с.
2. Киселев, А. С. Электронное правительство в Российской Федерации: генезис и современное состояние / А. С. Киселев // Соц.-экон. явления и процессы. – 2015. – № 10. – С. 199–204.
3. Пионеры цифровизации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aurora.network/images/60_let_web_1.pdf. – Дата доступа: 03.04.2023.
4. Сафронов, А. В. Бюрократические и технологические ограничения компьютеризации планирования в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_-49494126_65741555.pdf. – Дата доступа: 03.04.2023.
5. Глушков, В. М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС / В. М. Глушков. – М. : Статистика, 1975. – 160 с.
6. Ананьев, А. А. История развития и состояние систем управления на российских предприятиях / А. А. Ананьев // Экономика и экон. менеджмент. – 2012. – № 2. – С. 2–10.
7. Кутейников, А. В. Проектирование автоматизированной системы управления народным хозяйством СССР в условиях экономической реформы 1965 г. / А. В. Кутейников // Экон. история : ежегодник : 2011/2012. – М. : РОССПЭН, 2012. – С. 596–617.
8. Лебединский, Н. П. Автоматизированная система плановых расчетов / Н. П. Лебединский. – М. : Экономика, 1980. – 376 с.
9. Кутейников, А. В. Проект общегосударственной автоматизированной системы управления советской экономикой (ОГАС) и проблемы его реализации в 1960–1980-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Кутейников ; МГУ им. В. М. Ломоносова. – М., 2011. – 25 с.
10. Волчков, Б. А. Проблемы создания автоматизированной системы плановых расчетов / Б. А. Волчков // Плановое хоз-во. – 1968. – № 1. – С. 48–55.

11. Ковалев, Н. И. Совершенствование планирования и вычислительная техника / Н. И. Ковалев // Плановое хоз-во. – 1968. – № 9. – С. 52–60.
12. Майминас, Е. З. Программно-целевой подход в АСПР / Е. З. Майминас, Ю. Р. Лейбkind, Ю. М. Самохин. – М : ЦЭМИ АН СССР, 1973. – 68 с.
13. Ускорение: совершенствование методов хозяйствования / Д. М. Гвишиани [и др.]. – М. : Экономика, 1987. – 229 с.

REFERENCES

1. Vierieshchako, A. I. Dinamika issliedovatel'skikh programm v klassichieskoj i postklassichieskoj filosofii tiekhniki : avtorief. diss. ... kand. filos. nauk : 09.00.08 / A. I. Vierieshchako ; BGU. – Minsk, 2022. – 28 s.
2. Kisieliov, A. S. Eliektronnoje pravitiel'stvo v Rossijskoj Fiedieracii: gienezis i sovriemiennoje sostojanije / A. S. Kisieliov // Soc.-ekon. javlienija i processy. – 2015. – № 10. – S. 199–204.
3. Pioniery cifrovizacii [Eliektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: https://aurora.network/images/60_let_web_1.pdf. – Data dostupa: 03.04.2023.
4. Safronov, A. V. Biurokratichieskije i tiekhnologichieskije ogranichienija kompjuerizacii planirovanija v SSSR [Eliektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: https://elibrary.ru/download/elibrary_49494126_65741555.pdf. – Data dostupa: 03.04.2023.
5. Glushkov, V. M. Makroekonomichieskije modeli i principy postrojenija OGAS / V. M. Glushkov. – М. : Statistika, 1975. – 160 s.
6. Anan'jev, A. A. Istorija razvitija i sostojanije sistiem upravlienija na rossijskikh priedprijatijakh / A. A. Anan'jev // Ekonomika i ekol. menezhment. – 2012. – № 2. – S. 2–10.
7. Kutiejnikov, A. V. Projektirovanije avtomatizirovannoj sistiemy upravlienija narodnym khoziajstvom SSSR v uslovijakh ekonomichieskoj rieformy 1965 g. / A. V. Kutiejnikov // Ekon. istorija : jezhegodnik : 2011/2012. – М. : ROSSPEN, 2012. – S. 596–617.
8. Liebiedinskij, N. P. Avtomatizirovannaja sistiema planovykh raschiotov / N. P. Liebiedinskij. – М. : Ekonomika, 1980. – 376 s.
9. Kutiejnikov, A. V. Projekt obshchiegosudarstviennoj avtomatizirovannoj sistiemy upravlienija sovietskoj ekonomikoj (OGAS) i probliemy jeho rializacii v 1960–1980-kh gg. : avtorief. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 / A. V. Kutiejnikov ; MGU im. V. M. Lomonosova. – М., 2011. – 25 s.
10. Volchkov, B. A. Problemy sozdaniija avtomatizirovannoj sistiemy planovykh raschiotov / B.A. Volchkov // Planovoje khoz-vo. – 1968. – № 1. – S. 48–55.
11. Kovaliov, N. I. Soviershenstvovanije planirovanija i vychislitel'naja tiekhnika / N. I. Kovaliov // Planovoje khoz-vo. – 1968. – № 9. – S. 52–60.
12. Majminas, Ye. Z. Programmno-celevoj podkhod v ASPR / Ye. Z. Majminas, Yu. R. Liejbkind, Yu. M. Samokhin. – М : CEMI AN SSSR. – 1973. – 68 s.
13. Uskorieenje: soviershenstvovanije mietodov khoziajstvovanija / D. M. Gvishiani [i dr.]. – М. : Ekonomika, 1987. – 229 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 11.10.2023

УДК 323

Валентин Николаевич Невар*аспирант 3-го года обучения каф. политологии**Белорусского государственного экономического университета***Valentin Nevar***3-d Year Postgraduate Student of the Department of Political Science
of Belarus State Economic University**e-mail: nevar.vl@mail.ru***СТРАТЕГИИ ИЗМЕРЕНИЯ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Охарактеризованы стратегии измерения, применяемые в сложных концепциях политической науки, на примере исследований транспарентности. Описаны критерии сложности концепций, используемых в политической науке, политической философии и государственных программных актах. В качестве методологической основы исследования представлена репрезентативная теория измерения и ее логико-математическая структура. Определены взаимосвязи между теориями объекта, его моделями и инструментами измерения. Выявлены недостатки и преимущества существующих в политической науке стратегий измерения транспарентности.

Ключевые слова: *измерение, данные, сложные концепции, модели, агрегирование, транспарентность.*

Strategies for Measuring Transparency in Political Science

The article examines the problems of measuring complex multi-component concepts in political science by the example of transparency studies. The criteria of complexity of concepts used in political science, political philosophy and state program acts are described. The representative measurement theory and its logical-mathematical structure are considered as the methodological basis of the study. The interrelations between the theories of the object, its models and measurement tools are determined. The disadvantages and advantages of existing transparency measurement strategies in political science are revealed.

Key words: *measurement, data, complex concepts, models, aggregation, transparency.*

Введение

Данные – один из ключевых элементов процессов формирования, мониторинга и оценки эффективности государственной политики, устоявшийся компонент глобальных политико-управленческих концепций «Good Governance» и доказательной политики. Рост эмпирических исследований, более того, создание масштабных проектов и программ, посвященных эмпирическому анализу реализации политических решений и проверке положений политической теории (таких как проект «Эмпирические следствия теоретических моделей» (ЕИТМ) [1]), способствовали заимствованию из иных наук, а также развитию собственных методов получения эмпирических данных и работы с ними. В настоящее время методы и проб-

лемы измерения являются одной из ключевых тем на пути развития эмпирической ветви политической науки, совершенствования и расширения ее приложений.

Об этом свидетельствует активное развитие методов и практик измерения, отраженное в исследованиях, посвященных политическим процессам [2], разработке мер конкретных политических явлений [3], методологическим проблемам измерения и обработки данных [4], опубликованных в ведущих научных журналах за последние годы. Однако активный рост эмпирических исследований сталкивается с рядом общих проблем, связанных с процессом измерения, которые мы ставим целью описать и систематизировать.

Теоретико-методологические основы исследования

В современной политической науке большинство исследований измерения сконцентрировано на усовершенствовании конкретных методов. Нами же предпринята попытка продемонстрировать важность об-

Научный руководитель – Ольга Александровна Посталовская, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета

щей логико-математической модели измерения для построения и анализа качества стратегий измерения.

В качестве примера исследовательских стратегий измерения мы рассмотрим ряд методов, предложенных в работах, посвященных разработке мер и эмпирическому анализу политической транспарентности. Это обусловлено рядом причин:

1) на сегодняшний день в политической науке накоплен разнообразный опыт измерения транспарентности, при этом сохраняющий достаточное концептуальное единство предмета исследования;

2) политическая теория транспарентности отличается от более традиционных и развитых теорий относительной устойчивостью и простотой;

3) транспарентность представляет собой сложную многосоставную концепцию, как и большинство концепций политической науки.

Отметим, что важность принципа транспарентности деятельности государственных органов была отражена в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. [5], что подчеркивает определенную практическую значимость рассматриваемых проблем.

В дальнейшем мы во многом опираемся на работы Д. Краца, Р. Д. Льюиса, П. Супеса [6], А. Тверски [7] и Л. Финкельштейна [8], посвященные вопросам структуры и аксиоматизации измерения, исследования М. Буманса по философии измерения [9], работы Г. Герца о взаимосвязях концепций с измерением в политической науке [10; 11], а также исследование Ю. А. Гастева по теории гомоморфизмов и их роли в моделировании [12].

Цель статьи – охарактеризовать современные практики измерения феномена транспарентности в политической науке.

Задачи исследования:

1) рассмотреть общую логико-математическую структуру измерения;

2) раскрыть некоторые особенности измерения на примере современных исследований транспарентности.

Для достижения сформулированных задач мы раскроем понятие сложности политических явлений, определим и опишем логико-математическую структуру измере-

ния, охарактеризуем влияние теории социального явления на его измерение, а также рассмотрим примеры измерения транспарентности в политической науке, что и определяет структуру работы.

Предварительно отметим, что мы будем рассматривать стратегии измерения транспарентности, разработанные и используемые в политической науке; таким образом, международные индексы и исследования в области экономики, права, а также иных социальных наук далее не рассматриваются.

Во избежание противоречий заметим, что активно используемое понятие «сложной концепции» порой употребляется нами как синоним термина «скрытая переменная».

Сложность политических концепций

В понимании сложности политических концепций мы будем следовать однозначному и простому критерию, предложенному Ф. А. Хайеком. Сложными мы будем называть концепции, которые обладают некоторым минимальным количеством элементов, или признаков, наличие которых необходимо для включения конкретного явления в объем концепции. Иными словами, переводя предложенный критерий в сферу измерения, можно утверждать, что сложные концепции не имеют непосредственных эмпирических мер, а содержат некоторое минимально необходимое количество отдельных переменных, которыми модель должна обладать для соответствия и воспроизводства некоторой концепции [13, с. 340–341].

В политической науке практически отсутствуют концепции, для которых существуют меры, полностью их описывающие [11, с. 28]. Государственная политика и политология используют именно сложные многосоставные концепции, такие как политический режим, политическая культура, гражданское общество. Более того, государственные акты программного характера (стратегии, программы и доктрины), политическая философия и теория изобилуют нормативными концепциями, процесс операционализации и измерения которых значительно осложнен.

Распространенной в политической науке проблемой является неустойчивость и оспариваемость содержания многих кон-

цепций, что также создает значительные проблемы для их измерения [11, с. 27].

Сложной многосоставной концепцией является и транспарентность, она может быть определена как возможность граждан получать достоверную и своевременную информацию о деятельности государственных органов или как совокупность институтов, обеспечивающих раскрытие политиками и бюрократами должной информации. Два приведенных подхода к определению понятия «транспарентность» уже ведут к совершенно различным способам ее измерения.

Далее рассмотрим общую структуру измерения, в соответствии с которой формируются и развиваются современные измерительные практики в политической науке.

Логико-математические аспекты измерения

Рассматривая структуру процесса измерения, мы будем исходить из самой влиятельной – репрезентативной теории, представляющей измерение как процесс присвоения чисел объектам либо атрибутам объектов эмпирического мира таким образом, что соответствующие качественные эмпирические отношения отражаются в числах, а также свойствах системы счисления [9, с. 395]. Также важным требованием репрезентативной теории является наличие четко определенного правила, в соответствии с которым осуществляется измерение [8, с. 105].

Формально измерение можно представить следующим образом: задан класс множеств эмпирических отношений $X = \{x_1, \dots, x_m\}$ на множестве нематематических объектов Y и класс множеств числовых отношений $P = \{p_1, \dots, p_m\}$ на множестве чисел F (в большинстве случаев $F \subset \mathbb{R}$), функция $\xi: Y \rightarrow F$ ставит в соответствие каждому $x_i \in X$ элемент (отношение) $p_i \in P$, $i = 1, \dots, m$ при условии, что элементы $\{y_1, \dots, y_n\} \ni Y$ находятся в отношении x_i тогда и только тогда, когда соответствующие числа $\{\xi(y_1), \dots, \xi(y_n)\}$ находятся в отношении p_i . Таким образом, измерение представляется как гомоморфизм из эмпирических реляционных структур $\Psi = \langle Y, X \rangle$ в числовые реляционные структуры $\Omega = \langle F, P \rangle$ [8, с. 111]:

$$x_i(y_1, \dots, y_n) \Leftrightarrow p_i(\xi(y_1), \dots, \xi(y_n)).$$

Данное гомоморфное преобразование дает возможность свернуть доступную нам

информацию об исследуемых объектах в более компактную числовую форму [12, с. 33]. Рассмотренное определение измерения позволяет обозначить ряд важных понятий: y_i – измеряемый объект; Y – множество измеряемых объектов; $f_i \in F$ – мера y_i ; $P = \langle Y, F, \xi \rangle$ – шкала измерения Y [8, с. 105].

Дадим важные пояснения к приведенному определению измерения. Рассмотрим эмпирические реляционные структуры $\Psi = \langle Y, X \rangle$ с заданным на них отношением порядка: $(\forall a \in Y) \wedge (\forall b \in Y) : (a > b) \vee (a < b) \vee (a \sim b)$. В данном случае числовое присвоение, удовлетворяющее требованиям сохранения порядка и аддитивности, является гомоморфизмом: $a > b \Leftrightarrow \xi(a) > \xi(b)$ [7, с. 2].

Важным для дальнейшего исследования является отношение эквивалентности и некоторые его следствия. Само отношение можно определить следующим образом: $a \sim b \Leftrightarrow (a \gtrsim b) \wedge (a \lesssim b)$. В процессе измерения отношение эквивалентности может возникать как следствие теоретической основы измеряемой концепции либо индуцироваться гомоморфным отображением [6, с. 119]. Отношение эквивалентности разбивает измеряемое множество на классы эквивалентности, представляя его в виде объединения дизъюнктивных подмножеств $Y = \bigsqcup_{\alpha} Y_{\alpha}$ и тем самым формируя фактормножество Y/\sim . Заметим, что в случае индуцирования разбиения гомоморфизмом фактормножество Y/\sim находится во взаимно однозначном соответствии с множеством F .

Итогом измерения является присвоение объектам $Y = \{y_1, \dots, y_n\}$ их мер $F = \{f_1, \dots, f_n\}$ в соответствии с принятой шкалой измерения $P = \langle Y, F, \xi \rangle$. В случае возможности использования интервальной шкалы или шкалы отношений P является метрическим пространством со всеми присущими ему свойствами, а в процессе обработки данных появляется возможность использовать более продуктивные инструменты, основанные на измерении расстояния.

Агрегированные данные

Рассмотренная логико-математическая структура является обобщением потенциально любого процесса измерения. Она описывает процесс измерения как простых феноменов политической реальности, имеющих непосредственные меры (количество поданных на выборах голосов), так и слож-

ных феноменов. В последнем случае измерение происходит посредством формирования агрегированных мер – количественного выражения сложных феноменов посредством агрегирования показателей их отдельных признаков или проявлений [14, с 53].

Ключевым инструментом формирования агрегированных данных является модель, выполняющая функции правила, в соответствии с которым осуществляется измерение. Она ограничивает множество признаков измеряемого явления и задает тот или иной способ агрегирования. Под моделью в дальнейшем мы будем понимать именно математическую модель – формализованную теорию явления, состоящую из ряда переменных и описывающую взаимосвязь между ними. Таким образом, моделирование сложного явления играет ключевую роль в процессе измерения и во многом его детерминирует. На некоторые следствия тесной связи процессов измерения и моделирования мы обратим внимание далее.

Теории, модели и измерения

Рассмотрев базовые логико-математические аспекты измерения, обратимся к важным следствиям связи сложности политических концепций и их измерения. Первое, на что следует обратить внимание, – это схожесть процессов измерения и моделирования: в обоих случаях процесс перехода от концепции к отношениям между ограниченным количеством показателей неизбежно связан с некоторым упрощением и потерей или сознательным исключением части информации. Более того, измерение значительно ограничено в выборе компонентов модели, т. к. для них обязаны существовать меры, а в процессе моделирования такой необходимости нет.

Вследствие моделирования и упрощения между измерением и теорией явления могут возникать расхождения. В рамках теории признаки феномена политической реальности являются его обязательными атрибутами, в соответствии с чем каждый из них должен быть измерен. Процессе измерения, неизбежно связанный с упрощением исследуемого феномена в целях поиска необходимых мер, может приводить к изменению некоторых компонентов теории [10, с. 208].

В то же время теория и измерение имеют потенциал взаимного обогащения, в частности, классификации, сформированные в рамках теории, непосредственно влияют на разбиение множества измеряемых объектов на классы эквивалентности, тем самым формируя компоненты шкал измерения и расширяя инструменты интерпретации получаемых в результате данных.

Таким образом, измерение сложных концепций в политической науке тесно связано с процессом нахождения равновесия между сохранением некоторого уровня сложности (многофакторности) концепции и возможностью качественного измерения.

Стратегии измерения транспарентности

Существующие стратегии измерения транспарентности можно разделить на две группы относительно принимаемой их авторами степени сложности измеряемого явления. В ряде исследований сложность концепции транспарентности сужается до определенного аспекта, что может быть обусловлено необходимостью сокращения сложности процедур измерения, соответствия конкретному предмету исследования и т. д. В иных случаях предпринимается попытка построения меры (индекса), отражающей состояние всего предмета в некоторой степени соответствия с существующими относительно его теоретическими представлениями.

Рассмотрим ряд примеров измерения транспарентности, изначально обратившись к подходам, направленным на создание мер, соответствующих теории явления. Теоретической базой одного из подобных подходов является теория принципала – агента, подчеркивающая асимметричные отношения между агентами (политиками или бюрократами) и принципалами (избирателями, гражданами), различия в их предпочтениях, проявляющиеся, например, в сфере обладания информацией и ее раскрытия. Транспарентность в рамках данного подхода рассматривается как инструмент, позволяющий принципалу сократить информационную асимметрию и с меньшими издержками контролировать и оценивать действия агента. В связи с этим раскрываемая информация наделяется рядом характеристик, необходимых для сокращения информа-

ционной асимметрии: она предоставляется публично, своевременно, она должна быть надежна, точна, понятна различным аудиториям (группам граждан) и т. д. Переменные индекса формируются на основании оценки по восьми признакам данных публикуемых через правительственные интернет-порталы, а на основании их последующего агрегирования строится мера прозрачности [15, с. 45–46].

Авторы формируют индекс открытости данных (DOI) в некоторой сфере a как нормализованную меру с аддитивным агрегированием взвешенных переменных ($p = 1, \dots, m$):

$$DOI_a = \frac{1}{m} [\eta_1 S_{a,1} + \eta_2 S_{a,2} + \dots + \eta_m S_{a,m}],$$

где $S_{a,p} = S_{a,1}, \dots, S_{a,m}$ – это баллы присвоенные p в соответствующей сфере a , в свою очередь,

$$\eta_p = \frac{\gamma_p}{(S_{a,p})_{\max}}$$

является весовым коэффициентом $\eta = \eta_1, \dots, \eta_m$ – величиной, обратной максимальной оценке, которую может получить соответствующий принцип p . Вес γ_p дает возможность регулировать важность того или иного принципа в зависимости от исследуемой сферы a .

Итоговый индекс GDOI для страны C формируется как нормализованная сумма взвешенных индексов DOI по нескольким исследуемым сферам:

$$GDOI_C = \frac{1}{(GDOI_C)_{\max}} \sum_{a=1}^n \beta_a DOI_a,$$

где β_a – вес, присвоенный сфере a в соответствии с ее релевантностью используемой концепции прозрачности, а n – количество оцененных сфер.

Рассмотренный индекс применяется его авторами для исследования правительства шестнадцати латиноамериканских стран, однако он может быть применен к разным уровням политики и государственного управления.

Схожий по методологии индекс, направленный на оценку раскрытия информации различными типами государственных организаций, был предложен в рамках исследования, рассматривающего прозрачность как компонент подотчетности [16].

Обратимся к опыту построения мер, сужающих концепцию прозрачности. Авторы одной из таких стратегий предложили сконцентрироваться на сборе и распространении правительствами агрегированных данных, что обусловлено необходимостью уточнения мер прозрачности, сужения спектра альтернативных механизмов передачи информации, которые необходимо контролировать, поскольку они могут искажать эффект от прозрачности.

Предлагаемая модель измерения представляет собой байесовскую модель отклика на элемент (Item Response Theory (IRT)), которая рассматривает прозрачность как скрытую переменную, определяющую представление или непредставление государством Всемирному банку данных для Показателей мирового развития (World Development Indicators (WDI)). В модели переменная $y_{j,c,t} \in \{0,1\}$ принимает значение 1, если страна c сообщает о показателе WDI j в год t , и 0 – в противном случае. Затем происходит оценка

$$\begin{aligned} \Pr(y_{j,c,t} = 1 | \text{transparency}_{c,t}) &= \\ &= \text{logit}(\delta_j + \beta_j \text{transparency}_{c,t}), \end{aligned}$$

где δ_j – параметр сложности, изменения которого отражают степень, в которой страны в среднем сообщают о показателе j , а β_j – параметр различия, отражающий степень, в которой результат одного показателя предсказывает результат других. Переменная $\text{transparency}_{c,t}$ – это подлежащий оценке показатель склонности страны-года к раскрытию данных [17, с. 419].

Посредством описанной модели авторы разрабатывают показатели прозрачности для 125 стран, получая в результате интервальные данные. Рассмотренный подход к измерению прозрачности имеет ряд преимуществ:

1) он основан на общедоступных объективных критериях, а не на субъективных экспертных оценках, в результате чего он легко воспроизводим;

2) модель позволяет каждой переменной вносить различный вклад в значения индекса в зависимости от параметров.

Схожие индексы, сужающие концепцию прозрачности до сбора и распространения данных, однако основанные на других моделях, были предложены в более

ранних работах по исследованию прозрачности [18; 19].

Таким образом, существующие в политической науке стратегии измерения прозрачности достаточно развиты, однако попытки построения мер, отражающих состояние всего исследуемого явления, как и стратегии, сужающие концепцию прозрачности, связаны с характерными для них трудностями. В первом случае неизбежно использование субъективных оценок, поскольку некоторые компоненты концепции могут не иметь непосредственных мер, а сложность измеряемых концепций обуславливает необходимость использования нескольких уровней агрегирования, что неизбежно влечет потерю части информации. Во втором случае сужение концепции хотя и позволяет частично избежать недостатков, связанных с субъективностью и многоуровневым агрегированием, однако ограничивает количество исследований, в которых индекс может быть применен.

Заключение

1. Измерение сложных концепций в политической науке во многом опирается на процесс моделирования измеряемого явления. Модели устанавливают общие пра-

вила присвоения объектам эмпирического мира соответствующих им мер, тем самым обеспечивая гомоморфизм между эмпирическими и числовыми реляционными структурами. Однако в результате моделирования (взвешивания, агрегирования) между измерением и теорией явления неизбежно возникают противоречия относительно полноты мер.

2. Современные стратегии измерения прозрачности в политической науке в подавляющем большинстве случаев пренебрегают соответствием между теоретическими классификациями явления и разбиениями множества измеряемых объектов на классы эквивалентности, что расширило бы возможности интерпретации получаемых данных.

3. Стратегии измерения прозрачности, сужающие теоретическую концепцию до определенного аспекта, вводят на множестве измеряемых объектов разбиения относительно одного семейства предикатов, что значительно сужает возможности использования и интерпретации данных, поскольку подобное разбиение может иметь значительные отклонения относительно всего измеряемого явления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Empirical Implications of Theoretical Models (EITM) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://eitminstitute.org/>. – Date of access: 22.01.2023.
2. Rossiter, E. L. Measuring Agenda Setting in Interactive Political Communication / E. L. Rossiter // *American Journal of Political Science*. – 2021. – Vol. 66, nr 2. – P. 337–351.
3. Nemerever, Z. Measuring the Rural Continuum in Political Science / Z. Nemerever, M. Rogers // *Political Analysis*. – 2021. – Vol. 29, nr 3. – P. 267–286.
4. Ying, L. Topics, Concepts, and Measurement: A Crowdsourced Procedure for Validating Topics as Measures / L. Ying, J. M. Montgomery, B. M. Stewart // *Political Analysis*. – 2022. – Vol. 30, nr 4. – P. 570–589.
5. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] // М-во экономики Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2030.pdf>. – Дата доступа: 01.02.2023.
6. Suppes, P. Foundational Aspects of Theories of Measurement / P. Suppes, D. Scott // *The Journal of Symbolic Logic*. – 1958. – Vol. 23, nr 2. – P. 113–128.
7. Foundations of Measurement : in 3 vol. / D. H. Krantz [et al.]. – New York ; London : Academic Press, 1971. – Vol. 1 : Additive and Polynomial Representations. – 577 p.
8. Finkelstein, L. Fundamental Concepts of Measurement: Definition and Scales / L. Finkelstein // *Measurement and Control*. – 1975. – Vol. 8, nr 3. – P. 105–111.
9. Boumans, M. Measurement in economics / M. Boumans // *Handbook of the Philosophy of Science. Philosophy of Economics* / E. Angner [et al.] ; ed. U. Maki. – Oxford, 2012. – P. 395–423.

10. Goertz, G. Concepts and measurement: Ontology and epistemology / G. Goertz, J. Mahoney // *Social Science Information*. – 2012. – Vol. 51, nr 2. – P. 205–216.
11. Goertz, G. *Social Science Concepts and Measurement: New and Completely Revised Edition* / G. Goertz. – Princeton : Princeton University Press, 2020. – 288 p.
12. Гастев, Ю. А. Гомоморфизмы и модели. Логико-алгебраические аспекты моделирования / Ю. А. Гастев. – М. : Наука, 1975. – 149 с.
13. Хайек, Ф. Теория сложных явлений / Ф. Хайек // *Собрание сочинений : в 19 т. / Ф. Хайек*. – М. ; Челябинск : Социум, 2020. – Т. 15 : Рынок и другие порядки. – 604 с.
14. Wagshal, U. *Aggregate Data Analysis* / U. Wagshal, S. Jackle // *International Encyclopedia of Political Science* : in 8 vol. / ed.: B. Badie [et al.]. – London, 2011. – Vol. 1. – P. 53–57.
15. Murillo, M. J. Evaluating the role of online data availability: The case of economic and institutional transparency in sixteen Latin American nations / M. J. Murillo // *International Political Science Review*. – 2015. – Vol. 36, nr 1. – P. 42–59.
16. Lourenco, R. P. Online Transparency for Accountability: One Assessing Model and two Applications [Electronic resource] / R. P. Lourenco, P. M. S. S. Gorge, A. F. Pattaro // *Electronic Journal of e-Government*. – Mode of access: <https://academic-publishing.org/index.php/ejeg/article/view/587/550>. – Date of access: 03.02.2023.
17. Hollyer, J. R. Measuring Transparency / J. R. Hollyer, B. P. Rosendorff, J. R. Vreeland // *Political Analysis*. – 2014. – Vol. 22, nr 4. – P. 413–434.
18. Islam, R. Does More Transparency Go Along With Better Governance? / R. Islam // *Economics & Politics*. – 2006. – Vol. 18, nr 2. – P. 121–167.
19. Williams, A. On the release of information by governments: Causes and consequences / A. Williams // *Journal of Development Economics*. – 2009. – Vol. 89, nr 1. – P. 124–138.

REFERENCES

1. Empirical Implications of Theoretical Models (EITM) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://eitminstitute.org/>. – Date of access: 22.01.2023.
2. Rossiter, E. L. Measuring Agenda Setting in Interactive Political Communication / E. L. Rossiter // *American Journal of Political Science*. – 2021. – Vol. 66, nr 2. – P. 337–351.
3. Nemerever, Z. Measuring the Rural Continuum in Political Science / Z. Nemerever, M. Rogers // *Political Analysis*. – 2021. – Vol. 29, nr 3. – P. 267–286.
4. Ying, L. Topics, Concepts, and Measurement: A Crowdsourced Procedure for Validating Topics as Measures / L. Ying, J. M. Montgomery, B. M. Stewart // *Political Analysis*. – 2022. – Vol. 30, nr 4. – P. 570–589.
5. Nacional'naja strategija ustojchivogo social'no-ekonomichieskogo razvitija Riespubliki Bielarus' na pieriod do 2030 goda [Elektronnyj riesurs] // *M-vo ekonomiki Riespubliki Bielarus'*. – Riezhim dostupa: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2030.pdf>. – Data dostupa: 01.02.2023.
6. Suppes, P. Foundational Aspects of Theories of Measurement / P. Suppes, D. Scott // *The Journal of Symbolic Logic*. – 1958. – Vol. 23, nr 2. – P. 113–128.
7. *Foundations of Measurement* : in 3 vol. / D. H. Krantz [et al.]. – New York ; London : Academic Press, 1971. – Vol. 1 : Additive and Polynomial Representations. – 577 p.
8. Finkelstein, L. *Fundamental Concepts of Measurement: Definition and Scales* / L. Finkelstein // *Measurement and Control*. – 1975. – Vol. 8, nr 3. – P. 105–111.
9. Boumans, M. *Measurement in economics* / M. Boumans // *Handbook of the Philosophy of Science. Philosophy of Economics* / E. Angner [et al.] ; ed. U. Maki. – Oxford, 2012. – P. 395–423.
10. Goertz, G. Concepts and measurement: Ontology and epistemology / G. Goertz, J. Mahoney // *Social Science Information*. – 2012. – Vol. 51, nr 2. – P. 205–216.
11. Goertz, G. *Social Science Concepts and Measurement: New and Completely Revised Edition* / G. Goertz. – Princeton : Princeton University Press, 2020. – 288 p.
12. Gastiev, Yu. A. Gomomorfizmy i modeli. Logiko-algiebraichieskije aspiekty modelirovanija / Yu. A. Gastiev. – М. : Nauka, 1975. – 149 с.

-
13. Khajek, F. Tieorija slozhnykh javlienij / F. Khajek // Sobranije sochinienij : v 19 t. / F. Khajek. – M. ; Cheliabinsk : Socium, 2020. – T. 15 : Rynok i drugije poriadki. – 604 s.
14. Wagshal, U. Aggregate Data Analysis / U. Wagshal, S. Jackle // International Encyclopedia of Political Science : in 8 vol. / ed.: B. Badie [et al.]. – London, 2011. – Vol. 1. – P. 53–57.
15. Murillo, M. J. Evaluating the role of online data availability: The case of economic and institutional transparency in sixteen Latin American nations / M. J. Murillo // International Political Science Review. – 2015. – Vol. 36, nr 1. – P. 42–59.
16. Lourenco, R. P. Online Transparency for Accountability: One Assessing Model and two Applications [Electronic resource] / R. P. Lourenco, P. M. S. S. Gorge, A. F. Pattaro // Electronic Journal of e-Government. – Mode of access: <https://academic-publishing.org/index.php/ejeg/article/view/587/550>. – Date of access: 03.02.2023.
17. Hollyer, J. R. Measuring Transparency / J. R. Hollyer, B. P. Rosendorff, J. R. Vreeland // Political Analysis. – 2014. – Vol. 22, nr 4. – P. 413–434.
18. Islam, R. Does More Transparency Go Along With Better Governance? / R. Islam // Economics & Politics. – 2006. – Vol. 18, nr 2. – P. 121–167.
19. Williams, A. On the release of information by governments: Causes and consequences / A. Williams // Journal of Development Economics. – 2009. – Vol. 89, nr 1. – P. 124–138.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 20.11.2023

САЦЫЯЛОГІЯ

УДК 316.346.32-053.6(476)

Наталья Александровна Сосновская

канд. социол. наук, ученый секретарь Института социологии

Национальной академии наук Беларуси

Natalya Sosnovskaya

Candidate of Sociological Sciences,

Scientific Secretary of the Institute of Sociology

of National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: sosnovskaya.n@inbox.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматриваются наиболее важные аспекты пространства риска современной молодежи. Делается акцент на формировании стратегий самореализации молодежи в условиях возросшей динамики социальных, экономических и цифровых изменений. Показано, что под воздействием высокой изменчивости среды и выраженного влияния информационных технологий рисковое пространство молодежи в современном обществе в наибольшей степени охватывает особенности формирования и реализации стратегий самореализации, прежде всего в профессионально-экономической сфере. На примере эмпирических данных иллюстрируются стратегии молодежи при взаимодействии с различными видами риска.

Ключевые слова: молодежь, риск, стратегии поведения, самореализация, профессиональные перспективы, цифровая среда.

Social Risks of Youth in Modern Society

The article deals with the most important aspects of the risk space of modern youth. The emphasis is placed on the formation of strategies of self-realization in the conditions of increased dynamics of social, economic and digital changes in society. It is shown that under the influence of high environmental variability and the pronounced influence of information technologies the risk space of young people in modern society to the greatest extent covers the features of formation and implementation of strategies of self-realization, primarily in the professional and economic sphere. The empirical data illustrate the strategies of young people in the interaction with different types of risk.

Key words: youth, risk, behavioral strategies, self-actualization, professional prospects, digital environment.

Введение

Риск всегда был неотъемлемой составляющей человеческой жизнедеятельности, но в процессе исторического развития с изменением социальных условий меняются формы и виды рисков. При формировании концепта «общество риска» У. Бек подразумевал такое состояние социальной среды, при котором доминирующее значение имеют угрозы, являющиеся результатом человеческой активности, приводящей к техногенным катастрофам [1].

В настоящее время риски, связанные с угрозами технико-технологического характера, дополняются широким спектром

рисков, обусловленных непредсказуемостью процессов принятия решения в условиях высокой социальной динамики, нелинейности развития социальных систем, влияния современных технологий, что в совокупности затрудняет предвидение будущего.

Риски и их последствия особенно ощутимы в молодежной среде. Высокая степень подверженности риску определяется не только социально-психологическими характеристиками молодых людей, но и важнейшей социальной функцией молодежи – воспроизводства социальной структуры. Возросшая динамика социальных, экономических и цифровых изменений в обществе оказывает серьезное влияние на положение и социальное развитие молодого поколения. В связи с этим важной задачей, стоящей перед исследователями молодежной проблематики, является выявление осо-

Статья подготовлена в рамках НИР «Социальные риски молодежи Беларуси и Монголии в контексте дигитализации», реализуемого при поддержке БРФФИ (договор № Г22Мн-009 от 04.05.2022 г.).

бенностей рискового пространства молодежи в современных условиях.

Цель исследования – переосмыслить пространство социальных рисков молодежи, трансформирующееся под влиянием современных социальных тенденций; показать роль изменений, происходящих в системе ценностей и оказывающих влияние на стратегии самореализации молодежи.

Наряду с обращением к литературным научным источникам, посвященным данному вопросу, для достижения поставленной цели был осуществлен анализ данных эмпирических социологических исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси на основе республиканской репрезентативной выборки в 2021 и 2022 гг. В связи с этим важной исследовательской задачей становится выявление специфики рискового пространства молодежи в современных условиях в конкретной социальной и культурной специфике.

Основная часть

В концепции российского исследователя Ю. А. Зубок риск для молодых людей связан не с конкретным видом деятельности или поведения, а с отсутствием определенности при поиске жизненного выбора, способах самореализации и всей последующей жизнедеятельности в условиях, затрудняющих прогнозирование будущего, т. е. риск рассматривается «в качестве одного из существенных свойств молодежи как социально-демографической группы» [2, с. 43]. Таким образом, современные социальные условия продуцируют пространство риска, в котором молодые люди вынуждены выстраивать наиболее оптимальные стратегии поведения и взаимодействия.

Рассматривая ключевые социальные факторы, которые оказывают приоритетное влияние на самоопределение молодежи и формируют рисковое пространство, Ю. А. Зубок обращает внимание на ускорившийся темп социальных изменений, позволяющий наблюдать сосуществование вступающих в противоречие жизненных стратегий и стилей жизни и трансформацию социального пространства под влиянием информационных технологий, которые приводят к еще большей социальной дифференциации.

Прежде всего речь идет о высокой изменчивости реальности. Данная характери-

стика связана как со скоростью протекания социальных процессов, так и с особенностями их восприятия. Развитие науки и технологий ускоряет возникновение новых инноваций, их быстрое устаревание и замещение. Это, в свою очередь, порождает субъективные противоречия, связанные с переосмыслением прошлого опыта, переопределением жизненных целей и стратегий. Как следствие изменчивости, происходит нарастание неопределенности и эскалация риска. Изменчивость, порождая непредсказуемость и неопределенность, характеризуется разрушением причинно-следственных связей. Существование в подобных условиях связано с отсутствием возможности долгосрочного планирования и реализации жизненных стратегий. Возникают трудности в оценке результативности стратегий в образовании, на рынке труда, в построении карьеры, а также усиливается значение случайности [3, с. 6–9].

Следующая глобальная тенденция определяется расширением пространства реальности, обусловленным взаимопроникновением цифровой и физической реальности, что порождает принципиально иные способы социальной организации. Изменению подлежат как способы взаимодействия, так и их смысловая составляющая. Если со старшими близкими родственниками (родителями, бабушками и дедушками) общение преимущественно происходит в физической реальности, то со сверстниками (друзьями, приятелями, родными братьями и сестрами) различные форматы коммуникации сочетаются в равной степени [4, с. 144]. Особое значение имеет непредсказуемая динамика смыслов, подверженных диффузному распространению и находящих поддержку среди представителей разных социальных групп. Ю. А. Зубок рассматривает изменение смысловых оснований реальности как объективный фактор, связанный со сменой поколений. Расширение и видоизменений доминирующих смыслов также приводит к изменению жизненных стратегий молодежи и привычных для старших поколений способов самореализации.

Следует отметить, что на трансформацию ценностного пространства молодежи и связанных с ним стилей и образов жизни, а также социальных практик обращают внимание многие исследователи. На-

пример, российские исследователи Т. А. Хагатов, Л. М. Чепелева и В. С. Южанинов на материалах обширного социологического исследования обосновывают тезис о смещении доминирующего вектора мотивации молодежи с «мотива успеха» к «мотиву самореализации» [5]. В качестве основополагающих факторов «мотива успеха» выступала рациональная экономическая стратегия, предполагавшая трудолюбие, аскетизм, профессионализм. «Мотив самореализации» не отменяет стремления к финансовому благополучию, но здесь большое значение имеет фактор личностного комфорта, гармонии и удовольствия при низком влиянии фактора социального одобрения.

Таким образом, под воздействием высокой изменчивости среды и выраженного влияния информационных технологий рисковое пространство молодежи в современном обществе в наибольшей степени охватывает особенности формирования и реализации стратегий социализации, прежде всего в профессионально-экономической сфере.

Одним из важнейших рисков самореализации молодежи, оказывающих ключевое влияние на дальнейший жизненный путь, является профессиональный выбор, совершаемый в условиях изменения технологического уклада. Традиционно в начале трудовой деятельности молодые люди сталкиваются с такими объективными препятствиями, как отсутствие опыта работы, недостаточность полученных знаний для искомой специальности, что снижает их конкурентоспособность по сравнению с более опытными соискателями. Кроме того, появление новых профессий, сокращение рабочих мест и исчезновение ряда профессий требует не только понимания происходящих процессов и выбора востребованной в будущем специальности, но и постоянного развития профессиональных навыков и готовности к освоению новых. Существует значительное число работ, посвященных проблемам профессиональной занятости молодежи. В обзорной статье российские исследователи Г. В. Леонидова и К. О. Димони выделяют такие проблемы молодежи на рынке труда, как низкий спрос на только что отучившегося молодого специалиста, несоответствие трудоустройства полученной специальности, качественные изменения рынка труда, что приводит к росту молодежной безработицы и уходу молодежи в

неформальную занятость [6, с. 9–10]. Например, данные исследования, проведенного в 2021 г. Институтом социологии НАН Беларуси по республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, уровню образования и типу населенного пункта, показали, что среди работающей молодежи до 30 лет только 45,7 % работают по основной специальности, а еще 18 % работают по смежной специальности. То есть каждый третий молодой человек (36,3 %) занимается трудовой деятельностью, не связанной с полученным образованием. Кроме того, среди работающих по основной специальности 35 % опрошенным потребовалось приобретать новые знания и умения. В случае потери работы только 22 % считают, что смогут легко найти равноценную работу, хотя в целом молодежь достаточно оптимистично относится к возможности трудоустройства, и только 3,3 % респондентов полагают, что это невозможно.

В исследовании, проведенном в 2023 г., работающих респондентов просили оценить их профессиональные перспективы. Несмотря на то, что более половины опрошенных молодых людей считают, что их профессия будет востребована в будущем (69 % в целом обозначили высокие и скорее высокие перспективы востребованности профессии), многие затрудняются с ответом или прямо говорят, что их профессиональная деятельность будет мало востребованной, что не исключает возможной необходимости ее изменения (рисунок 1). Еще большая часть молодежи сомневается в вероятности достойной оплаты труда и карьерного роста. Только половина молодых людей (суммарно 48,5 %) считают, что они смогут самореализоваться в профессии. Сравнивая ответы молодежи с ответами старших возрастных групп, следует отметить, что они наиболее оптимистичны в оценках своих профессиональных перспектив.

Приведенные данные социологических исследований показывают, что молодые люди достаточно хорошо осознают возникающие перед ними профессиональные риски. Открытым остается вопрос, принимают ли они что-либо для их минимизации. На социальном уровне этот вид риска приводит к уходу молодежи с рынка труда, что приводит к неформальной занятости и росту безработицы.

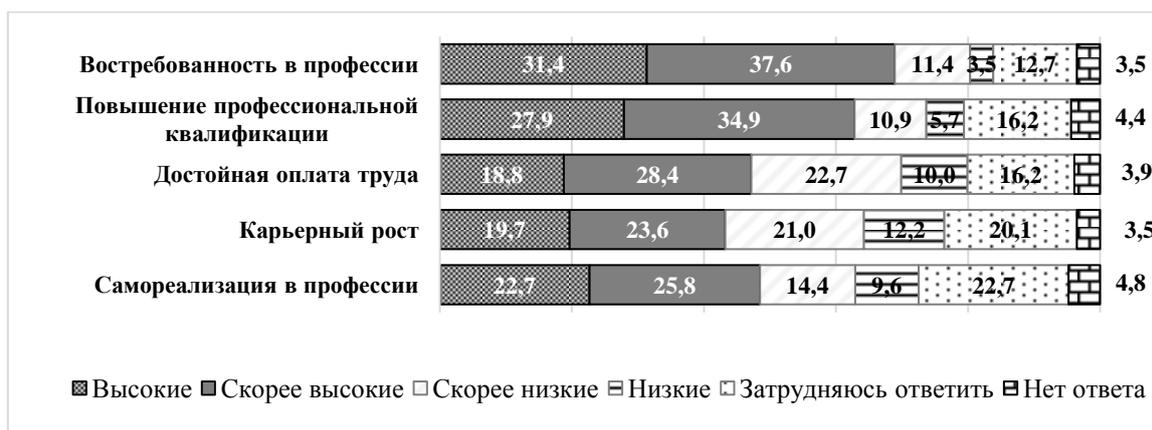

Рисунок 1 – Оценка молодежью до 30 лет своих профессиональных перспектив, %

Молодежные риски в профессионально-экономической сфере конструируются не только объективными социальными факторами, но и особенностями отношения к профессиональной деятельности самих молодых людей. Исследователи констатируют такие особенности молодежи, как «завышенные ожидания к уровню заработной платы, условиям труда и возможностям карьерного роста» [6, с. 9], «недостаточное развитие личной ответственности при низком уровне собственных усилий», «рыночный» тип мотивации, недостаточная приверженность организации [7, с. 40]. По мнению В. Радаева, необходимость профессионального выбора в условиях неопределенности порождает такие характеристики, приписываемые современной молодежи, как инфантилизм и легкомыслие, отсутствие стремления ставить долгосрочные цели и достигать их [8, с. 160–166].

Еще один значительный сегмент социального пространства риска молодежи связан с нарушением процесса социализации, что приводит к формированию деструктивных сценариев развития жизненного пути. К ним относятся такие традиционные в молодежной среде риски, как пьянство, наркотизм, преступность (киберпреступления), самоубийства. По данным исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2022 г. (исследование проведено на республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, уровню образования, типу населенного пункта (N = 1819), 49,7 % молодых людей до 30 лет включительно (n = 304) ответили, что употребляют алкоголь. Из них, 37,1 % впервые попробовали алкоголь в возрасте до 18 лет.

Беспокойство вызывает тот факт, что среди молодежи зафиксирована наиболее значительная группа респондентов, положительно ответивших на вопрос, пробовали ли они наркотические вещества (5,3 %). Среди основных причин, побуждающих впервые принять наркотики, молодые люди назвали стремление испытать новые ощущения и поддержать компанию. Деструктивное поведение молодежи исследователи соотносят с ее спецификой, которая проявляется в критическом пересмотре устоявшихся норм, гибком и творческом мышлении и максимализме. И наличие возможностей для проявления инновационного потенциала социально приемлемыми способами должно способствовать снижению доли молодых людей, вовлеченных в деструктивные практики [9, с. 84].

Принципиально новым явлением в контексте проблемы самореализации молодежи, возникновению которого способствовали технологические новации, является феномен добровольной самоизоляции «хиккомори» (в азиатских странах) или NEET (Not in Employment, Education or Training – «не учится, не работает и не участвует в профессиональной подготовке»). Появление этих феноменов М. А. Ядова объясняет усложнением социальной жизни наряду с завышенными требованиями в ситуации социальной нестабильности [10, с. 265]. К формированию стратегии самоизоляции более склонны молодые люди, которые не смогли развить самостоятельность, а также из материально благополучных и авторитарных семей.

Многочисленные риски, присущие физическому пространству, не только дополняются информационными, но и преоб-

разуются под влиянием цифровой среды. Для молодежи как социальной группы, наиболее активно вовлеченной в цифровое пространство, взаимодействие с цифровой средой носит свою специфику. С одной стороны, социализация молодых людей происходит в гибридной физико-цифровой среде и риск исключения, связанный с трудностью овладения новыми технологиями, характерный для старшего поколения, для молодежи менее актуален. Но с другой стороны, отсутствует понимание угроз, вызванных нерелефлексивным потреблением цифрового контента.

Кроме общесоциальных рисков, таких как потеря контроля над искусственным интеллектом, расширение круга экологических проблем, рост государственного контроля (например, системы социального рейтингования), уязвимости экономических систем перед киберпреступностью, выделяется достаточно широкое поле рисков, связанных с жизнедеятельностью отдельного человека. Среди них проблемы безопасности конфиденциальных данных; различные проявления зависимости от интеллектуальных систем, приводящие к снижению индивидуальных интеллектуальных возможностей, проблемам психического здоровья; рост проблем одиночества ввиду разрыва реальных социальных связей; обострение неравенства как следствие различных возможностей доступа к цифровым ресурсам [11].

В качестве отдельного широкого поля рискового пространства выделяется информационно-психологическая безопасность.

Российский исследователь А. В. Хавыло выделяет такие виды рисков:

«1. Фишинг и мошенничество: поддельные учетные записи или фальшивые объявления, которые могут получать доступ к личным данным или получить деньги.

2. Киберпреступления: взлом учетных записей, хакерские атаки и кража личных данных.

3. Онлайн-травля (онлайн-буллинг): оскорбления, нападения и другие виды вредоносного поведения в социальных сетях.

4. Нежелательный контент: показ вульгарных, насильственных или непристойных материалов, которые могут навредить психологическому здоровью человека (в особенности это касается детей и подростков).

5. Проблемы с конфиденциальностью: нежелательное раскрытие личных данных, включая адреса, телефонные номера, фотографии и т. д.

6. Фейковая информация – это ложные или искаженные сведения, которые распространяются как достоверные» [12, с. 548].

Результаты исследований, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси в 2022 г. (социологический опрос проведен в феврале 2022 г. на республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, типу населенного пункта и региону проживания (N = 1819)), показывают, что наличие игровой зависимости среди своих знакомых отмечают 14,1 % опрошенных, а наличие компьютерной зависимости – 19,2 %. Чем моложе респонденты, тем чаще они упоминают случаи игровой и компьютерной зависимости (рисунок 2).

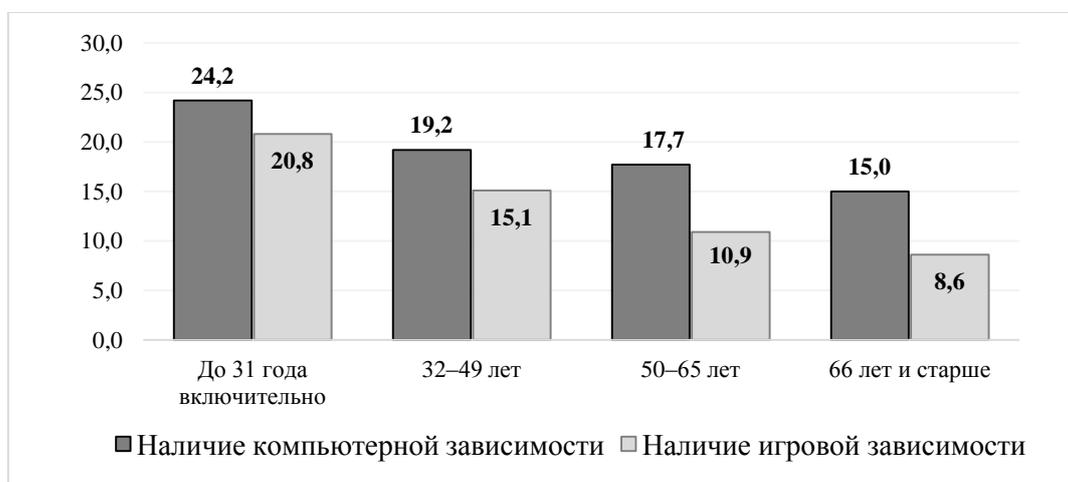

Рисунок 2 – Мнение представителей различных возрастных групп о распространенности в своем окружении случаев компьютерной и игровой зависимости, %

Заклучение

Активный процесс цифровизации, высокая степень неопределенности, затрудняющие предвидение будущего, коренным образом меняют повседневные практики и создают специфическое пространство риска для современной молодежи. Риск для данной социальной группы связан с особенностями формирования стратегий самореализации.

Рисковое пространство основывается на взаимопроникновении физической и цифровой реальности. При этом цифровая среда не только влечет появление новых видов рисков (например, определяемых низким уровнем цифровой грамотности и гигиены), но и усиливает традиционные виды рисков, присущих молодежи – угрозы, связанные с выбором стратегий самореализации.

Особое значение имеют риски профессионального выбора, которые не только несут угрозы непосредственно молодому человеку, но оказывают негативное влияние

на социально-экономическое развитие общества в целом. При ускорении социальной динамики разрушаются представления о востребованности и престижности профессий, осложняется построение профессиональных и карьерных траекторий, и риску подвергаются непосредственно сами молодые люди, а негативные тенденции начинают влиять на рынок труда в целом. Приспособляясь к рискогенным факторам, некоторые молодые люди конструируют такие жизненные стратегии, которые вступают в противоречие с доминирующими представлениями о норме и провоцируют развитие неблагоприятных социальных тенденций.

Понимание специфики рискового пространства молодежи является необходимым основанием для прогнозирования развития молодого поколения и общества в целом и важнейшим условием предупреждения неблагоприятных последствий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек, У. От индустриального общества к обществу риска / У. Бек // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 161–168.
2. Зубок, Ю. А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска / Ю. А. Зубок // Социол. исслед. – 2003. – № 4. – С. 42–50.
3. Зубок, Ю. А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности / Ю. А. Зубок // Мониторинг обществ. мнения: экон. и соц. перемены. – 2020. – № 3. – С. 4–12.
4. Сосновская, Н. А. Цифровые практики коммуникации молодежи / Н. А. Сосновская // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы VI Междунар. науч.-практ. интернет-конф., Вологда, 29 марта – 2 апр. 2021 г. : в 2 ч. / ФГБУН ВолНЦ РАН ; редкол.: А. А. Шабунова [и др.]. – Вологда, 2021. – Ч. 1. – С. 143–148.
5. Хагуров, Т. А. Самореализация vs успех: новые формы социального напряжения в обществе рефлексивного модерна и их влияние на нормативное сознание молодежи / Т. А. Хагуров, Л. М. Чепелева, В. С. Южанинов // Теория и практика обществ. развития. – 2023. – № 2. – С. 36–45.
6. Леонидова, Г. В. Трудовой потенциал молодежи: запросы современного рынка труда / Г. В. Леонидова, К. О. Димони // Проблемы развития территории. – 2021. – Т. 25, № 6. – С. 7–31.
7. Эффендиев, А. Г. Трудовое поведение современной работающей молодежи: духовно-нравственные основы и практики / А. Г. Эффендиев, Е. С. Чермошнцева // Журн. социологии и соц. антропологии. – 2020. – Т. 23, № 4. – С. 40–73.
8. Радаев, В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество / В. В. Радаев. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. – 224 с.
9. Сорокин, О. В. Особенности девиантного поведения молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности / О. В. Сорокин // Науч. результат. Социология и упр. – 2019. – Т. 5, № 4. – С. 80–91.
10. Ядова, М. А. Молодежь в мире глобальных угроз: социально-психологические последствия / М. А. Ядова // Россия и соврем. мир. – 2020. – № 3 (108). – С. 265–274.

11. Джибилова, Е. Г. Концепты «цифрового рая» и «цифрового ада» в отечественной и иностранной научно-популярной информационной повестке / Е. Г. Джибилова, Г. Д. Султанова, Е. С. Фидря // Теория и практика обществ. развития. – 2023. – № 2. – С. 54–59.

12. Хавыло, А. В. Недостовверная (фейковая) информация в социальных сетях как угроза информационно-психологической безопасности общества и государства [Электронный ресурс] / А. В. Хавыло. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nedostovernaya-feykovaya-informatsiya-v-sotsialnyh-setyah-kak-ugroza-informatsionno-psihologicheskoy-bezopasnosti-obschestva-i>. – Дата доступа: 06.07.2023.

REFERENCES

1. Biek, U. Ot industrial'nogo obshchestva k obshchestvu riska / U. Biek // THESIS. – 1994. – № 5. – S. 161–168.

2. Zubok, Yu. A. Problemy social'nogo razvitiya molodiozhi v usloviyakh riska / Yu. A. Zubok // Sociol. issled. – 2003. – № 4. – S. 42–50.

3. Zubok, Yu. A. Molodiozh: zhizniennyye strategii v novoy rreal'nosti / Yu. A. Zubok // Monitoring obshchestv. mnienija: ekon. i soc. pieriemny. – 2020. – № 3. – S. 4–12.

4. Sosnovskaja, N. A. Cifrovyye praktiki kommunikacii molodiozhi / N. A. Sosnovskaja // Global'nyye vyzovy i rriegional'noje razvitije v zierkalie sociologichieskikh izmierenij : materialy VI Miezhdunar. nauch.-prakt. internet-konf., Vologda, 29 marta – 2 apr. 2021 g. : v 2 ch. / FGBUN VolNC RAN ; riedkol.: A. A. Shabunova [i dr.]. – Vologda, 2021. – Ch. 1. – S. 143–148.

5. Khagurov, T. A. Samoriealizacija vs uspiekh: novyye formy social'nogo napriazhenija v obshchestvie rieflieksivnogo moderna i ikh vlijanije na normativnoje soznanije molodiozhi / T. A. Khagurov, L. M. Chiepielieva, V. S. Yuzhaninov // Tieorija i praktika obshchestv. razvitiya. – 2023. – № 2. – S. 36–45.

6. Lieonidova, G. V. Trudovoj potencial molodiozhi: zaprosy sovriemiennogo rynka truda / G. V. Lieonidova, K. O. Dimoni / Problemy razvitiya tierritorii. – 2021. – T. 25, № 6. – S. 7–31.

7. Effiendijev, A. G. Trudovoje poviedienije sovriemiennoj rabotajushchiej molodiozhi: dukhovno-nravstviennyye osnovy i praktiki / A. G. Effiendijev, Ye. S. Chiermoshenceva // Zhurn. sociologii i soc. antropologii. – 2020. – T. 23, № 4. – S. 40–73.

8. Radajev, V. V. Millienialy. Kak mieniajetsia rossijskoje obshchestvo / V. V. Radajev. – M. : Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 2019. – 224 s.

9. Sorokin, O. V. Osobiennosti dieviantnogo poviedienija molodiozhi v usloviyakh izmieniajushchiejsia social'noj rreal'nosti / O. V. Sorokin // Nauchnyj riezul'tat. Sociologia i upr. – 2019. – T. 5, № 4. – S. 80–91.

10. Yadova, M. A. Molodiozh v mirie global'nykh ugroz: social'no-psihologichieskije posledstvija / M. A. Yadova // Rossija i sovriem. mir. – 2020. – № 3 (108). – S. 265–274.

11. Dzhibilova, Ye. G. Koncepty «cifrovogo raja» i «cifrovogo ada» v otiechiestviennoj i inostrannoj nauchno-populiarnoj informacionnoj poviestkie / Ye. G. Dzhibilova, G. D. Sultanova, E. S. Fidria // Tieorija i praktika obshchestv. razvitiya. – 2023. – № 2. – S. 54–59.

12. Khavylo, A. V. Niedostoviernaja (fejkovaja) informacija v social'nykh sietiakh kak ugroza informacionno-psihologichieskoj bieзопасnosti obshchestva i gosudarstva [Eliكتروнный riesurs] / A. V. Khavylo. – Riezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/nedostovernaya-feykovayainformatsiya-v-sotsialnyh-setyah-kak-ugroza-informatsionno-psihologicheskoy-bezopasnosti-obschestva-i>. – Data dostupa: 06.07.2023

УДК 316.2

Николай Николаевич Сухотский*канд. социол. наук, зам. директора по научной и инновационной работе
Института социологии Национальной академии наук Беларуси***Nikolai Sukhotsky***Candidate of Sociological Sciences, Deputy Director for Science and Innovation
of Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus**e-mail: suhotskiy@socio.bas-net.by*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТА ИЗУЧЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Представлены аргументы в пользу развития цифровой социологии на современном этапе развития науки. Раскрыто влияние цифровизации на жизнь общества и способы его изучения. Приведены наиболее распространенные методы новой отрасли социологии, называемой цифровой. Описаны существующие плюсы и минусы онлайн-опросов и использования больших объемов данных. Особый акцент сделан на применении новых методов в сфере изучения белорусского общества. Приведены примеры использования инструментов цифровой социологии в практике исследовательских организаций Беларуси.

Ключевые слова: цифровая социология, бесконтактная социология, онлайн-опросы, большие данные, онлайн-панель, методы социологического исследования, Интернет.

Prospects for the Development of Digital Sociology as a Tool for Studying Belarusian Society

The article presents arguments in favor of the development of digital sociology at the current stage of development of science in the field of sociology. The influence of digitalization on the life of society and ways of studying it are revealed. The most common methods of the new branch of sociology called digital are given. The existing pros and cons of online surveys and the use of big data are described. Particular emphasis is placed on the application of new methods in the study of Belarusian society. Examples of the use of digital sociology tools in the practice of research organizations in Belarus are given.

Key words: digital sociology, non-contact sociology, online surveys, Big Data, online panel, sociological research methods, Internet.

Введение

Благодаря стремительному развитию Интернета и активности многочисленных медиа, социология вошла в повседневную жизнь современного человека вне зависимости от его места проживания. Так, в США популярностью пользуются интернет-ресурсы RealClearPolitics и Five-Thirty-Eight, где публикуются и обобщаются последние данные опросов, а также делаются прогнозы на их основании [1, с. 9]. В Беларуси социологические данные также стали частью постоянного новостного и аналитического контента, ежедневно предлагаемого медиа. По данным опроса, проведенного ИАЦ в 2019 г., более половины жителей страны (53,2 %) интересуются социологической информацией (результатами опросов населения в передачах телевидения, радио, в газетах, журналах, Интернете), что является показателем существенного ее проникновения в социальную жизнь граждан нашей страны [2, с. 138]. Для одних социологическая информация является осно-

вой принятия взвешенного решения, для других – выступает дополнительным аргументом для развития бизнеса, кому-то просто интересно узнать мнение населения по конкретному вопросу. При этом социологические данные остаются важнейшим источником информации для понимания органами государственного управления и власти текущих социально-политических процессов.

Вместе с тем для самих социологов все более очевидным становится необходимость учета в своей работе значительно изменившейся социальной реальности: нарастающих темпов цифровизации (диджитализации) во всех сферах жизни, ставшей привычной междисциплинарности в исследованиях, расширения практики использования больших данных и предиктивной аналитики, существенного числа отказов респондентов от участия в традиционных опросах. Данные тенденции подталкивают современных исследователей, в т. ч. в Беларуси, так или иначе обращаться к возможностям «цифровой социологии», видеть ее сильные

и слабые стороны, перспективы использования, а также понимать условия «легитимизации» в профессиональном социологическом сообществе цифровых методов изучения общества.

Социология в условиях цифровизации

Сегодня белорусская социология представлена рядом республиканских и региональных структур, занявших свою нишу в исследовательской индустрии и имеющих в своем арсенале необходимые ресурсы (опросную сеть, колл-центр и др.). Однако заметную популярность в последнее время в Сети получают различные опросы на новостных лентах, в Телеграм-каналах и мессенджерах, не представляющие деятельность официальных социологических или маркетинговых структур. Подавляющее большинство подобных онлайн-голосований, «проектов» являются нерепрезентативными исследованиями, представляют собой «псевдосоциологию», несмотря на десятки тысяч «респондентов», и характеризуют лишь мнение наиболее активных пользователей [3]. Вместе с тем «фейковая» социологическая информация становится значимым средством манипуляции общественным сознанием и инструментом формирования искаженного восприятия основных социально-политических процессов («вбросы» от имени известных и авторитетных социологических служб, «эксклюзивная закрытая социология» с претензией на истину в последней инстанции и др.).

Инструментальный ресурс социологии продолжает оставаться для многих заказчиков более убедительным механизмом формулирования и подтверждения аналитических выводов, чем методы экспертных оценок и анализа каналов социальной коммуникации. Это связано с пониманием того, что, во-первых, эта информация идет непосредственно от людей, «снизу», во-вторых, что при четком соблюдении методологии она во многом выражает мнение населения страны. Коммуникация через социологические исследования выступает востребованным формализованным каналом обратной связи с гражданами, дает возможность фиксировать мнение населения по тем или иным вопросам. Зачастую именно социолог способен прогнозировать возможные варианты развития событий, социальные по-

следствия того или иного закона, реализации политических, экономических и управленческих решений, а также определить механизмы согласования интересов различных социальных групп.

При этом к социологам всегда предъявляются высокие требования, связанные с учетом ими объективных изменений общества. В частности, развитие интернет-технологий делает необходимые коммуникации легкодоступными вне зависимости от расстояния. Огромные массивы новой информации появляются в Интернете в открытом доступе ежедневно, что позволяет найти ответ на любой вопрос. Подавляющее большинство граждан имеет повсеместный, свободный доступ во Всемирную паутину, и их ежедневные взаимодействия, как правило, носят цифровой характер. Такая тенденция называется цифровизацией, которую можно определить как конвергенцию большого числа научно-технических инноваций, появившихся благодаря интернет-технологиям. На сегодняшний день наиболее важными из них являются большие данные и аналитика, облачные вычисления и другие платформенные технологии, решения мобильности и геолокационные технологии, социальные сети и приложения для совместной работы, подключенные устройства и Интернет вещей (IoT), искусственный интеллект и машинное обучение, а также виртуальная реальность [4].

Развитие «бесконтактной» социологии

Помимо цифровизации существенные коррективы в практики профессиональной деятельности социологов внесла пандемия COVID-19. Сфера, ориентированная на изучение общественного мнения, оказалась в условиях ограничения физического доступа к источнику этих мнений – респондентам [5]. Социологи столкнулись с необходимостью изменения устоявшихся методов исследования, например личного интервью по месту жительства (face-to-face), переориентировав их на применение бесконтактного сбора информации (там, где возможно), в частности на онлайн-методы опроса. Как отмечает глава старейшей российской исследовательской организации ВЦИОМ В. Федоров, «в свое время мы от личных опросов перешли к телефонным, а теперь от телефонных переходим к сетевым интернет-опросам.

У всех есть сейчас мобильные телефоны и смартфоны с Интернетом, у многих домашние компьютеры тоже с Интернетом, вообще жизнь перемещается в Сеть все больше и больше, а различие между онлайн и офлайн все больше нивелируется. Поэтому тренд на проведение опросов в сети Интернет вполне естественен» [6, с. 102].

Удешевление и ускорение сбора данных для любой организации, которая занимается социологическими исследованиями, может стать существенным конкурентным преимуществом. В частности, снижение издержек на сбор данных может быть достигнуто посредством проведения онлайн-опросов с использованием интернет-панелей респондентов. Во многом проведение подобных исследований в Беларуси оправдано высокой долей населения, которое имеет доступ к услугам сети Интернет (86,9 % лиц в возрасте от 6 до 72 лет, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2021 г.) и существенной долей активных интернет-пользователей. Так, по данным опроса, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в декабре 2022 – январе 2023 г., 69,6 % респондентов пользуются Интернетом каждый день (среди молодежи – 94,5 %). Однако даже такого объективно высокого уровня проникновения Глобальной сети в жизнь белорусов недостаточно для запуска интернет-панелей. Следует отметить, что также требуется наличие специализированных программных средств, позволяющих автоматизировать процесс формирования выборочной совокупности и создания веб-анкет, а также обеспечивающих возможность управления процессом сбора данных.

Большие данные как социологический инструмент

Среди молодого поколения социологов заметной тенденцией становится отказ от традиционных исследований в пользу неактивных методов получения информации. Большие данные, или Big Data, – обозначение структурированных и неструктурированных данных огромных объемов и видового многообразия, эффективно обрабатываемых горизонтально масштабируемыми программными инструментами [7, с. 41]. Среди основных характеристик больших дан-

ных традиционно выделяют: объем данных (volume), скорость накопления и обработки массивов данных (velocity), разнообразие типов данных (variety). Некоторые исследователи добавляют и «четвертую V» – veracity, т. е. достоверность как самого набора данных, так и результатов его анализа.

Выделяются несколько основных методов анализа больших данных: краудсортинг (обработка данных большим количеством людей на добровольной основе); смешение и интеграция данных (возможность интеграции данных из различных источников для последующего анализа); машинное обучение (использование искусственного интеллекта для решения задач на основе ранее полученного опыта); статистический анализ [8, с. 52]. Сегодня большие данные (в понимании их как больших объемов данных, так и как подходов, инструментов и методов обработки полученных данных) становятся дополнительным инструментом для сферы государственного управления. При этом вопрос требует тщательной проработки. С одной стороны, использование методологии Big Data позволяет лучше понять различные общественные процессы, повысить точность прогнозов, рационализировать принятие управленческих решений, с другой – остро встает проблема эффективного применения этой информации, грамотной ее обработки и интерпретации, подготовки специалистов и необходимой инфраструктуры для работы с большими данными [9, с. 103].

В банковской сфере известен классический пример «конфликта данных». Как показывают социологические опросы, подавляющее большинство клиентов отвечают утвердительно на вопросы типа «Предпочитаете ли Вы банковское обслуживание в отделении?». Среди ипотечных заемщиков на подобные вопросы отвечают «да» практически 100 %, хотя на практике выясняется, что свыше 50 % новых клиентов приходят в банк виртуально, заполнив онлайн-форму. Более того, во многих зарубежных странах до трети клиентов вообще ни разу не заглядывают в отделения своего банка. Это является наглядным примером того, что задавать людям прямые вопросы об их предпочтениях – не лучший способ получения достоверной информа-

ции. Надежнее изучать их фактическое поведение в реальном мире [10, с. 312].

В рамках политической социологии большие данные представляют интерес при их использовании политическими элитами для электорального процесса, коалиционных переговоров, достижения политического компромисса и для осуществления государственной политики и интеграции Big Data в процессе принятия решений. Например, большие данные успешно использовались в ходе предвыборной кампании 2016 г. Д. Трампа: с помощью методов компании Plantif удалось выявить т. н. «аномальные штаты», которые не определились в выборе в сторону демократов или республиканцев, и переманить их на сторону республиканцев [11, с. 47]. На постсоветском пространстве Big Data используется для сбора официальной государственной статистики, учета налоговых поступлений, реализации концепции инфраструктуры пространственных данных и др.

Эксперты отмечают, что в будущем социологи все больше будут востребованы для интерпретации больших данных, чтобы дать возможность государству и корпорациям прогнозировать поведение людей. Еще одно окно возможностей открывается в связи с форсированным внедрением систем искусственного интеллекта, для обучения которых требуются социологические исследования и концептуализация, позволяющая конструировать модели поведения: не только использовать имеющиеся у клиента «фреймворки», но и генерировать новые [12, с. 19].

Однако главной проблемой использования в социологической практике Big Data является их смысл и интерпретация. Как собрана информация? Как проводилась фиксация? Какие ошибки инструмент измерения вносит в данные? В обычном исследовании социолог если не полностью контролирует эту стадию, то имеет представление о том, что происходит в момент сбора или измерения данных. В случае с большими данными исследователь не только лишен возможности влиять на инструмент, но и нередко не может наблюдать его в действии.

Наиболее важной задачей для современного социолога является повышение точности социологических инструментов,

что требует постоянного совершенствования применяемых методов. В арсенале исследователя при всем имеющемся спектре наиболее популярным социологическим методом остается опрос, который применяется при изучении широкого круга проблем общественно-политической жизни [13, с. 24]. Возможности метода обширны: по факту, «безальтернативность» при изучении общественных настроений, а также огромный потенциал в использовании технических средств (аппаратно-программный комплекс для проведения телефонных опросов, сервисы для онлайн-опроса, планшеты и др.). За счет автоматизации, использования ботов-интервьюеров и онлайн-панелей ускоряется процесс сбора данных.

Однако полевые исследования сопряжены с большими трудозатратами и обходятся крайне дорого, а в тираж бумажных анкет сложно внести изменения при необходимости. Поэтому развитие «бесконтактной», технической социологии, в первую очередь интернет-(онлайн)-опросов (Computer Assisted Web Interviewing), является однозначным трендом в исследовательской индустрии. Так, существенными преимуществами CAWI являются: большой охват респондентов и возможность осуществлять межнациональные исследования; возможность опрашивать респондентов в географически отдаленных регионах; полное отсутствие «эффекта» интервьюера; дешевизна и экономия ресурсов; оперативность сбора информации; большая достижимость тех респондентов, которые составляют труднодоступные группы; высокая степень анонимности; большая искренность респондента; удобство участия в опросе для респондента в части выбора времени заполнения анкеты и затраченного времени на заполнение анкеты; обеспечение последовательности, полноты и логики при заполнении анкеты респондентом (за счет использования специального программного обеспечения, исключающего возможность пропуска ответов на вопросы, противоречивых и взаимоисключающих ответов). Кроме того, автоматическая письменная фиксация данных дает возможность автоматически обрабатывать анкеты и даже поддерживать с респондентом «обратную связь», позволяющую всем участникам онлайн-опроса ознакомиться с его результатами.

Практика и перспективы использования цифровой социологии в Беларуси

Однако у новых опросных методов, связанных с сетью Интернет, есть свои ограничения. «Болевой точкой» онлайн-опросов является отсутствие гарантии репрезентативности получаемой информации (в них не воспроизводится структура населения), что делает их более приемлемыми при работе с целевыми аудиториями. Так, ИАЦ использовал онлайн-опрос в 2016 г. при изучении мнения предпринимателей и студенческой молодежи. В Белорусском институте стратегических исследований (БИСИ) с 2021 г. апробирован и активно применяется онлайн-сервис для проведения опросов «ИнфоСоциология». Обобщение данных с репрезентацией мнений различных социальных и профессиональных групп (молодежи, педагогических, медицинских работников и др.) позволяет готовить аналитические материалы по соответствующим сферам (молодежная политика, образование, здравоохранение и др.) с предложениями по их совершенствованию.

Эффективным стал выполненный ведущей государственной «фабрикой мысли» в 2022 г. масштабный онлайн-опрос по оценке форматов вступительной кампании в вузах (было опрошено 13 652 респондента из числа преподавателей вузов, учителей школ и родителей учащихся). Также БИСИ проведен онлайн-опрос среди студенческой молодежи в марте 2023 г. (было опрошено 19 168 респондентов из 44 вузов страны) по восприятию студенческой молодежью идеологической и воспитательной работы в вузах. Перспективной возможностью для БИСИ является развитие базы для формирования собственной онлайн-панели, а также выработка механизмов стимулирования респондентов для регулярного участия в опросах.

Несмотря на постепенное развитие цифровой социологии в Беларуси, население на данный момент в большей степени предпочитает классические методы изучения общественного мнения, что подтверждается актуальными исследованиями Института социологии НАН Беларуси. В частности, в ходе республиканского социологического опроса, проведенного в 2023 г., респондентам был задан вопрос «В каком формате Вам было бы удобнее участвовать в

социологических опросах?». В результате ответы распределились следующим образом.

Первое место занял наиболее популярный в современной социологической практике вид опроса – телефонный опрос (44,4 %). На второй позиции – онлайн-опрос в сети Интернет (заполнение анкеты в электронном виде), его отметили 28,3 % респондентов. В отношении онлайн-опросов присутствует большая поддержка со стороны женщин, чем мужчин (30,1 и 26,2 % соответственно). Предсказуемо, что чем моложе респондент, тем чаще он выбирает современные виды опросов. Так, более половины юношей и девушек (55,9 %) выбирают онлайн-опросы, телефонные интервью предпочитают значительно реже – 20,3 %. Заметно также желание общения с социологом опосредованно, что говорит о последствиях пандемии, увеличившей социальную дистанцию, и лишь каждый десятый предпочитает опрос по месту жительства (9,7 %).

Работа современного интервьюера также подвержена технологическим новшествам. Использование методики CAPI (проведение личных интервью с использованием планшета или мобильного телефона) является эффективным способом оперативного получения среза общественного мнения в режиме реального времени, что значительно сокращает затраты за счет автоматизированной обработки результатов и предоставляет возможность их быстрого использования заинтересованными лицами. Так, социологи ЦСПИ БГУ стали первой национальной командой, которая с 2017 г. проводила опрос по новым технологическим стандартам в рамках исследования «Покolenия и гендер» [14, с. 129].

При доминировании использования в своей исследовательской практике традиционных опросов (телефонных, поквартирных) Институт социологии НАН Беларуси также активно применяет электронные опросные методы для реализации оперативных исследований со «стихийной выборкой». Так, в марте 2023 г. проведен оперативный онлайн-опрос посетителей XXX Минской международной книжной выставки-ярмарки. В итоге опрошено 294 посетителя, а результаты опубликованы на официальном сайте Института и в ведущих республиканских СМИ [15].

Аналогичный опрос проведен в выставочном центре Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий Камень» в рамках Белорусской агропромышленной недели в июне 2023 г. В ходе исследования изучено мнение участников и посетителей об организации мероприятия, выявлены его наиболее перспективные тематические направления, изучены мнения и оценки по наиболее интересным экспозициям, а также определены эффективные каналы информирования потенциальной целевой аудитории. При этом важным техническим моментом является наличие хорошего сигнала Интернет в местах проведения опроса с использованием методики CAPI.

Становление и развитие цифровой социологии

Все указанные выше тенденции и исследовательские практики часто относят к «цифровой социологии» (англ. digital sociology) – нового для мировой и белорусской науки междисциплинарного направления научно-практической деятельности, опирающегося на историю изучения Интернета, информации и коммуникации, теорию медиа и культурные исследования, социологию науки и технологии, мониторинговые исследования и компьютерную науку.

Зарождению субдисциплины предшествовали цифровые гуманитарные науки и цифровая антропология. Как отмечают эксперты, цифровая социология имеет богатую историю, корни которой уходят в 1980-е гг. Впервые сам термин встречается в статье, опубликованной в 2009 г. Дж. Уинном. В 2010 г. цифровая социология описана Р. Нилом, а американские социологи Д. Фаррелл и Дж. Петерсон провели исследования веб-данных с помощью новых методов. В 2012 г. данное направление институализируется в Великобритании, когда члены Британской социологической ассоциации, в т. ч. М. Карриган, Э. Хэад и Х. Дэвис, создали новую исследовательскую группу, призванную разработать перечень рекомендаций для цифровой социологии. В этот же период австралийский социолог Д. Лаптон определила четыре раздела цифровой социологии: профессиональная цифровая практика; социологический анализ использования цифровых технологий; цифровой анализ данных (использование цифровых

данных для социальных исследований, количественных или качественных); критическая цифровая социология (проведение рефлексивного и критического анализа цифровых медиа, основанного на социальной и культурной теории).

В 2013 г. было опубликовано исследование «Цифровая социология: критические перспективы» (К. Ортон-Джонсон, Н. Приор), где впервые определяется предмет новой субдисциплины. В 2015 г. вышла книга Д. Лаптон «Цифровая социология» и прошла первая конференция по цифровой социологии в Нью-Йорке. В 2017 г. Н. Марес дополнила обозначенные разделы, выделив пятый – публичная цифровая социология.

Современная цифровая социология сфокусирована на изучении новых медиа и форм интернет-коммуникации, взаимодействия и торговли, социальных сетей и сообществ, социальных институтов и индивидов. Цифровая социология является также и практикой, которая отражает основные проблемы социологии, позволяя одновременно исследовать новые методы и экспериментировать с ними.

Предметная область исследовательского интереса цифровой социологии:

1) профессиональная цифровая практика: использование цифровых медиаустройств в профессиональных целях, т. е. для создания сетей, е-профилей, публикаций, научных исследований и обучения студентов;

2) социологический анализ использования цифровых медиа: изучение способов, с помощью которых люди, используя цифровые медиа, формируют свое личностное самовосприятие, его воплощение и свои социальные отношения;

3) цифровой анализ данных: использование цифровых данных для социологических исследований, количественных или качественных;

4) критическая цифровая социология: проведение рефлексивного и критического анализа цифровой медиаинформации с использованием социологических и культурологических теорий [16, с. 23].

Сегодня цифровая социология активно популяризируется на постсоветском пространстве. В России издаются журналы «Цифровая социология» (с 2018 г.) и «Вестник Digital Humanities». Развитие цифровых

социальных наук продвигается российскими авторами А. А. Ахтырским, И. С. Ашмановым, С. В. Володенковым, А. А. Гребенюком, Д. Е. Добринской, Е. Ю. Журавлевой, Л. В. Земнуховой, С. М. Осмоловской, А. Г. Поляковой, Е. В. Фоминым, В. Л. Шульцом. В Беларуси различные аспекты цифровизации социальных наук изучают Н. А. Антонович, Г. Г. Головенчик, Н. Ф. Денисова, Е. М. Ильина, С. В. Масленченко, М. В. Вишнякова, Е. А. Поклад, А. В. Посталовский, А. А. Савчук и др. В частности, Н. А. Антонович исследует вопросы становления и прикладного применения «цифровой политологии».

В последние годы при подготовке будущих специалистов в сфере отечественного образования также начинает уделяться существенное внимание цифровой социологии и цифровизации. В частности, с 2021 г. для обучающихся по учебной дисциплине для специальности второй ступени (магистратура) по специальности 1-25 80 01 Экономика Белорусского государственного экономического университета читаются три специализированных курса: «Цифровая социология», «Цифровизация современной культуры в социологии», «Сетевая парадигма и Интернет в современной социологии».

Заключение

Таким образом, для повышения эффективности использования социологических данных в анализе социума отечественным социологическим службам необходимо актуализировать исследовательскую тематику, модернизировать и расширять свой арсенал методов сбора информации. Цифровая социология даст возможность выйти эмпирическим исследованиям на новый уровень, соответствующий перспективам развития цифрового общества. Для этого необходимо в ближайшее время обновить программы подготовки будущих социологов в вузах путем включения в образовательный процесс обязательного курса «Цифровая социология». В перспективе возможна подготовка научных работ (магистерских, кандидатских, докторских) по цифровой социологии. Следует отметить, что подготовка таких диссертаций возможна не только по специальности 22.00.01 Теория, методология и история социологии; в зависимости от тематики исследования и степе-

ни его междисциплинарности могут рассматриваться и другие варианты.

Как отмечает белорусский социолог Е. Поклад, «цифровые методы открывают новые возможности для социологических исследований. Однако их применение требует не только знания методологии и методики проведения социальных исследований, но и умения работать с программным обеспечением, большими объемами данных. Правильное использование цифровых методов может помочь социологам получить более точные и релевантные закономерности для анализа и выработки практических рекомендаций. Мировой опыт и созданные в Республике Беларусь условия (инфраструктура, доступность и уровень проникновения Интернета) позволяют говорить о благоприятной среде для развития цифровых опросных методов как в формате традиционных методов, опосредованных цифровыми технологиями (CAPI, CATI и т. д.), так и методов онлайн-формата посредством использования потенциала Интернета» [17, с. 95].

Кроме того, сегодня социологам целесообразно проводить непрерывную работу с аудиторией по формированию доверия к представляемым в информационном пространстве данным, особенно полученным частично или полностью при помощи онлайн-опросов. В первую очередь это возможно осуществлять через партнерство ведущих социологических организаций страны, постоянное присутствие результатов социологических исследований в СМИ с представлением детальной методологической информации, комментариями специалистов. Актуальной была бы и активизация работы экспертов и аналитиков по защите белорусского общества от появляющихся в Интернете социологических фейков и сомнительных данных онлайн-опросов, зачастую подрывающих доверие к социологии в целом. По мнению ряда исследователей, перспективной альтернативой проведения исследований выступает создание общенациональной онлайн-панели, основанной на вероятностной выборке. При необходимости организатор должен обеспечить доступ в Интернет респондентов, отобранных с помощью полноценной (офлайновой) базы выборки [18, с. 158].

Полагаем, что данные социологических опросов, получаемых в т. ч. при помо-

щи онлайн-исследований, должны стать одним из дополнительных источников информации при принятии научно обоснованных управленческих решений. В связи с этим современным белорусским социологам необходимо поддерживать высокое качество проведения исследований, позволяющее до-

стоверно отражать общественное мнение по наиболее актуальным проблемам, заниматься изучением возможностей цифровой социологии, дальнейшей проработкой перспектив использования онлайн опросов и обеспечения их надежности их результатов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юдин, Г. Общественное мнение, или Власть цифр / Г. Юдин. – СПб. : Европ. ун-т в СПб., 2020. – 174 с.
2. Сухотский, Н. Н. Изучение общественного мнения в Республике Беларусь: состояние, проблемы и перспективы развития / Н. Н. Сухотский // Вестн. Брест. ун-та. Сер. 1, Философия. Палитология. Социология. – 2021. – № 1. – С. 138–146.
3. Опросы общественного мнения и ответственность социологов перед обществом [Электронный ресурс] // Информационное агентство БелТА. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=vXQvc-05DfE>. – Дата доступа: 16.08.2023.
4. Цифровой вихрь. Как побеждать диджитал новаторов их же оружием / Дж. Лоакс [и др.]. – М. : Эксмо, 2018. – 390 с.
5. Особенности проведения социологических исследований в период пандемии: кейс массового опроса населения [Электронный ресурс] // Науч. центр соц.-экон. мониторинга. – Режим доступа: <http://ncsem.e-mordovia.ru/index.php/analytics/expert-comment/item/135-osobennosti-provedeniya-sotsiologicheskikh-issledovaniy-v-period-pandemii-kejs-massovogo-oprosa-naseleniya>. – Дата доступа: 18.09.2023.
6. Без социологии нет обратной связи. О новых трендах в изучении общественного мнения – Генеральный директор ВЦИОМа Валерий Федоров // Союз. государство. – 2022. – № 1–3. – С. 99–103.
7. Цифровой мир : терминологический справочник в определениях официальных документов / под ред. И. Р. Бегешева. – М. : Проспект, 2023. – 672 с.
8. Киселева, Л. С. Цифровое общество : слов.-справ. / Л. С. Киселева, А. А. Семенова. – М. : Проспект, 2023. – 152 с.
9. Литвинович, В. М. Изучение общественного мнения в цифровую эпоху / В. М. Литвинович // Беларус. думка. – 2015. – № 2. – С. 98–103.
10. Эпоха дополнительной реальности : пер. с англ. / Б. Кинг [и др.]. – М. : Олимп-Бизнес, 2020. – 528 с.
11. Балашов, Б. М. Большие данные и их применение в предвыборной борьбе / Б. М. Балашов // Междунар. журн. гуманитар. и естеств. наук. – 2017. – № 11. – С. 46–50.
12. Индустриальный форсайт. «Будущее исследовательской индустрии». 2020–2021 : сборник. – М. : ВЦИОМ, 2021. – 76 с.
13. Методология современного стратегического анализа и прогнозирования : учеб.-метод. комплекс / С. М. Алейникова [и др.]. – Минск : БИСИ : ИВЦ Минфина, 2022. – 94 с.
14. Центр социологических и политических исследований : к 25-летию создания / А. М. Бельский [и др.] ; под ред. Д. Г. Ротмана. – Минск : БГУ, 2022. – 171 с.
15. Мятникова, И. В. Книжный соцопрос / И. В. Мятникова // Наука. – 2023. – 4 апр. – С. 8.
16. Касьянов, В. В. Социология Интернета : учеб. для вузов / В. В. Касьянов, В. Н. Нечипуренко. – М. : Юрайт, 2021. – 424 с.
17. Поклад, Е. Перспективы использования электронных опросных методов в условиях цифровой трансформации белорусского общества / Е. Поклад // Беларус. думка. – 2023. – № 7. – С. 90–96.
18. Матрица современной социологии / А. Н. Данилов [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : БГУ, 2022. – 183 с.

REFERENCES

1. Judin, G. Obshchiestviennoje mnenije, ili Vlast' cifr / G. Judin. – SPb. : Jevrop. un-t v SPb., 2020. – 174 s.
2. Sukhotskij, N. N. Izuchienije obshchiestviennogo mnenija v Riespublikie Bielarus': sostojanije, problemy i pierspektivy razvitija / N. N. Sukhotskij // Viesn. Bresc. un-ta. Sier. 1, Filosofija. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2021. – № 1. – S. 138–146.
3. Oprosy obshchiestviennogo mnenija i otvietstviennost' sociologov pieried obshchiestvom [Eliektronnyj riesurs] // Informacionnoje agentstvo BielTA. – Riezhim dostupa: <https://www.youtube.com/watch?v=vXQvc-05DfE>. – Data dostupa: 16.08.2023.
4. Kak pobiezhdat' didzhital novatorov ikh zhe oruzhijem / Dzh. Loaks [i dr.]. – M. : Eksmo, 2018. – 390 s.
5. Osobiennosti provedienija sociologichieskikh issledovanij v pieriod pandemii: kejs massovogo oprosa nasielienija [Eliektronnyj riesurs] // Nauch. centr soc.-ekon. monitoringa. – Riezhim dostupa: <http://ncsem.e-mordovia.ru/index.php/analytics/expert-comment/item/135-osobennosti-provedeniya-sotsiologichieskikh-issledovanij-v-period-pandemii-kejs-massovogo-oprosa-naseleniya>. – Data dostupa: 18.09.2023.
6. Biez sociologii niet obratnoj sviazi. O novykh trendakh v izuchienii obshchiestviennogo mnenija – Gienieral'nyj diriektor VCIOMa Valierij Fiodorov // Sojuz. gosudarstvo. – 2022. – № 1–3. – S. 99–103.
7. Cifrovoj mir : tierminol. slov.-sprav. v opriedielienijakh ofic. dok. / pod ried. I. R. Biegi-sheva. – M. : Prospiekt, 2023. – 672 s.
8. Kisieliova, L. S. Cifrovoje obshchiestvo : slov.-sprav. / L. S. Kisieliova, A. A. Siemionova. – M. : Prospiekt, 2023. – 152 s.
9. Litvinovich, V. M. Izuchienije obshchiestviennogo mnenija v cifrovuju epokhu / V. M. Litvinovich // Bielarus. dumka. – 2015. – № 2. – S. 98–103.
10. Epokha dopolnitiel'noj rieval'nosti : pier. s angl / B. King [i dr.]. – M. : Olimp-Biznes, 2020. – 528 s.
11. Balashov, B. M. Bol'shije dannye i ikh primienienije v priedvybornoj bor'bie / B. M. Balashov // Miezhdunar. zhurn. gumanitar. i jestiestv. nauk. – 2017. – № 11. – S. 46–50.
12. Industrial'nyj forsajt. «Budushchieje isliedovatel'skoj industrii». 2020–2021 : sbornik. – M. : VCIOM, 2021. – 76 s.
13. Mietodologija sovriemiennogo strategichieskogo analiza i prognozirovanija : uchieb.-mietod. kompleks / S. M. [i dr.]. – Minsk : BISI : IVC Minfina, 2022. – 94 s.
14. Centr sociologichieskikh i politichieskikh issledovanij : k 25-lietiju sozdanija / A. M. Biel'skij [i dr.] ; pod ried. D. G. Rotmana. – Minsk : BGU, 2022. – 171 s.
15. Miatnikova, I. V. Knizhnyj socopros / I. V. Miatnikova // Navuka. – 2023. – 4 apr. – S. 8.
16. Kas'janov, V. V. Sociologija Interneta : uchieb. dlia vuzov / V. V. Kas'janov, V. N. Niechipurienko. – M. : Jurajt, 2021. – 424 s.
17. Poklad, Ye. Pierspektivy ispol'zovanija eliektronnykh oprosnnykh mietodov v uslovijakh cifrovoj transformacii bielorussskogo obshchiestva / Ye. Poklad // Bielarus. dumka. – 2023. – № 7. – S. 90–96.
18. Matrica sovriemiennoj sociologii / A. N. Danilov [i dr.] ; pod obshch. ried. A. N. Danilova. – Minsk : BGU, 2022. – 183 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 19.10.2023

УДК – 316.7:94

Никита Михайлович Бровчук*мл. науч. сотрудник отдела социологии культуры Института социологии
Национальной академии наук Беларуси***Nikita Brovchuk***Junior Researcher of the Department of Sociology of Culture of the Institute of Sociology
of National Academy of Sciences of Belarus**e-mail: nikitabrovchuk93@gmail.com***ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ
В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ***

Обоснована необходимость исследования феномена исторической памяти в контексте социологического знания. На основе эмпирических данных социологического исследования автор анализирует актуальное состояние исторической памяти населения Беларуси, выделяя ключевые аспекты, значимые для большей части жителей Беларуси: важные периоды истории страны, национальные символы, праздники и памятные даты. Выявлены основные источники информации, способствующие формированию и воспроизводству исторической памяти. Отмечается, что для жителей Беларуси наиболее интересным и знаковым является период событий Великой Отечественной войны. Определены знаковые для населения праздники и памятные даты, выявлены наиболее важные национальные символы. Также на основании полученных данных выделены основные источники информации об истории Беларуси, главными из которых являются телевидение и интернет-ресурсы.

Ключевые слова: историческая память, население Беларуси, исторический период, национальный символ, праздники и памятные даты, источники информации.

Historical Memory of the Population of Belarus in the Sociological Measurement

The necessity of studying the phenomenon of historical memory in the context of sociological knowledge is substantiated. Based on empirical data from sociological research, the author analyzes the current state of historical memory of the population of Belarus, highlighting key aspects that are significant for the majority of inhabitants of Belarus – important periods of the country's history, national symbols, holidays and memorable dates. The main sources of information that contribute to the formation and reproduction of historical memory are identified. The article notes that for inhabitants of Belarus the most interesting and significant period is the period of the events of the Great Patriotic War, significant holidays and memorable dates are defined, the most important national symbols are identified. Also, based on the data obtained, the main sources of information about the history of Belarus for respondents are identified, the main ones being television and Internet resources.

Key words: historical memory, population of Belarus, historical period, national symbol, holidays and memorable dates, sources of information.

Введение

Для полноценного развития любого общества необходимо задумываться над вопросами сохранения и передачи грядущим поколениям пережитого опыта, накопленных ценностей, моделей поведения, элементов национально-культурного наследия. С самых древних времен человек заботился о сохранении значимой информации о том, что происходит в окружающей действительности, иными словами, для челове-

ка и общества чрезвычайно важной и актуальной является проблема сохранения исторической памяти.

На наш взгляд, историческую память можно определить как особый феномен социальной, культурной и духовно-нравственной жизни общества, представляющий собой совокупность знаний, мнений, оценок и представлений, связанных с событиями, явлениями и процессами исторического прошлого, формирующихся, сохраняющихся, транслирующихся в обществе посредством широкого спектра источников и механизмов формирования общественного сознания и культуры. Объектами исторической памяти являются явления и процессы любого

**Статья подготовлена в рамках проекта «Историческая память как фактор формирования и укрепления народного единства Беларуси», финансируемого БРФФИ (договор № Г22М-013 от 04.05.2022 г.).*

масштаба, от уровня отдельного индивида и до уровня общества.

В научных сообществах уже не одно десятилетие ведутся споры и дискуссии о сути исторической памяти, ее предназначении и функциях, а также о способах и методах ее формирования и сохранения. В настоящее время сформировано множество исторических, философских, психологических, культурологических и иных научных направлений и теоретико-методологических подходов к изучению исторической памяти как социально-культурного явления.

Теоретико-методологические основания изучения и осмысления феномена исторической памяти нашли отражение в работах многих видных ученых; среди зарубежных необходимо назвать имена Эмиля Дюркгейма, Мориса Хальбвакса, Пьера Нора, Яна и Алейды Ассман, Патрика Хаттона, Л. П. Репиной, Ж. Т. Тощенко, В. А. Колеватова, М. В. Соколовой и др. Приведем некоторые цитаты, иллюстрирующие характерные черты исторической памяти как социально-культурного явления. Например, М. Хальбвакс в своей книге «Социальные рамки памяти» подчеркивает общность для людей памяти о прошлом, а также отмечает ее связь с индивидуальной и групповой идентичностью: «Любое воспоминание, сколь угодно личное, даже воспоминания о событиях, которым мы были единственными свидетелями, даже воспоминания об оставшихся невыраженными мыслях и чувствах, соотносится с целым комплексом понятий, которыми обладают и многие другие люди кроме нас, с различными лицами, группами, местами, датами, словами и словесными формами, а равно и с рассуждениями и идеями, т. е. со всей материальной и нравственной жизнью обществ, к которым мы принадлежим или принадлежали раньше» [1, с. 71].

П. Нора, автор известного в данной области исследований термина «места памяти» (фр. «les lieux de mémoire»), отмечал: «Память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на дли-

тельные скрытые периоды и внезапные оживления... Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим» [2, с. 20].

В белорусском социогуманитарном знании проблема исторической памяти пока не обладает высокой степенью проработанности по сравнению с зарубежными странами, однако в настоящее время актуальность и необходимость ее глубинного изучения не вызывают сомнений. Обусловлено это трансформацией социальных отношений, сменой приоритетов и трактовок нравственных ценностей, переосмыслением путей исторического развития, что привело к кардинальным изменениям в социальном укладе и жизни современного общества.

Из белорусских ученых, занимающихся проблемой исследования исторической памяти, следует назвать Н. Л. Мысливца, А. А. Коваленю, А. Н. Данилова, В. В. Стариченка, И. А. Валахановича, О. А. Матусевич, Э. И. Рудковского и др. Во многих работах не только подчеркивается высокая степень актуальности проблематики исторической памяти, но и обосновывается признание ее сохранения задачей государственной важности. Так, Н. Л. Мысливец отмечает, что историческая память «выступает в качестве объекта целенаправленного воздействия как со стороны государства, так и ряда других заинтересованных сторон, стремящихся таким образом обеспечить либо сохранение ее фундаментальных положений для будущих поколений, либо же, напротив, ее переформатирование в угоду претендующим на власть силам» [3, с. 58]. Такие авторы, как А. А. Коваленя, В. В. Данилович и др., указывают, что «сохранение исторической памяти является неотъемлемой частью политики государства в сфере охраны историко-культурного наследия, механизма преемственности в общественном сознании важнейших исторических событий, явлений, процессов, деятельности выдающихся личностей» [4, с. 3].

Следует отметить, что феномен исторической памяти недостаточно исследован в рамках методологического инструментария социологической науки. Представляется весьма важным, применив социологические методы исследования исторической памяти, определить ее роль в процессе формирования идентичности белорусского на-

рода, развития и укрепления белорусской культуры в целом.

Цель статьи – выявить ключевые аспекты исторической памяти населения Беларуси, которые являются значимыми для большей части белорусского общества и могут способствовать его дальнейшей консолидации.

Достижению цели будет способствовать решение следующих задач:

- 1) выявление наиболее значимых для жителей Беларуси исторических периодов;
- 2) выявление наиболее распространенных праздников и памятных дат;
- 3) определение широко поддерживаемых населением национальных символов;
- 4) выявление основных источников информации о событиях белорусской истории.

В статье использованы эмпирические данные социологического исследования, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в 2022 г. (объем выборочной совокупности составил 1 848 человек, метод исследования – анкетный опрос, $\Delta = \pm 2,3 \%$, $\alpha = 0,05$).

Основная часть

Необходимость изучения исторической памяти с позиции социологии объясняется тем, что данный феномен определяет логику социального бытия, является регулятором поведения человека, социальных групп и общества в целом, формирует культурную и национальную идентичность. Поэтому данная проблематика является интересным и перспективным направлением исследований для белорусской социологической науки.

Изучение исторической памяти белорусов как явления социальной жизни белорусского общества потенциально может способствовать созданию качественно нового пласта научных знаний о белорусском народе как уникальном сообществе, чья долгая, полная знаковых событий и периодов история наложила неизгладимый отпечаток на социальные, культурные и исторические аспекты жизни его представителей.

В качестве наиболее значимых исследовательских проектов Института социологии НАН Беларуси по изучению исторической памяти отметим следующие.

1. Белорусско-российский проект «Воспроизводство исторической памяти о

Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси и России: сравнительный анализ» (Институт социологии НАН Беларуси, Орловский филиал РАНХиГС при поддержке БРФФИ и РГНФ, 2014–2016 гг.), в рамках которого изучались особенности восприятия жителями двух стран событий Великой Отечественной войны.

2. Мониторинговые исследования, проводимые ежегодно с 2020 г. по заказу Белорусского института стратегических исследований (БИСИ) и направленные на выявление мнения населения Беларуси об историческом прошлом страны.

Важным этапом в исследовании исторической памяти стала Международная научно-практическая конференция «Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества», которая в 2019 г. была организована и проведена в Институте социологии НАН Беларуси. Ее концептуальной идеей стала мысль о значимости и необходимости сохранения исторической памяти как одного из ключевых факторов объединения и консолидации белорусского общества и др.

Как показывает многолетняя исследовательская практика, рассмотрение внутреннего содержания исторической памяти как феномена общественного сознания и культуры связано главным образом с информацией об исторических событиях и периодах прошлого, т. к. именно произошедшие в прошлом события дают основу для формирования социально-исторического опыта. Поэтому при анализе результатов указанного социологического исследования в первую очередь целесообразно рассмотреть данные по ответам респондентов на вопрос анкеты «Какие периоды истории Беларуси Вам наиболее интересны?». Этот индикатор позволил выявить перечень исторических событий и периодов прошлого, которые вызывают у жителей Беларуси наибольший интерес, а соответственно, сохранение и увековечение памяти о них может обладать высокой культурной и социальной значимостью для белорусского общества.

Итак, согласно полученным данным, для большинства респондентов самым интересным историческим периодом является период событий Великой Отечественной войны с 1941 по 1945 г. Доля респондентов,

выбравших данный вариант ответа, составляет 44,7 %, и это самый высокий показатель интереса жителей Беларуси среди всех исторических периодов, являвшихся вариантами ответа на данный вопрос.

Остальные указанные в вопросе исторические периоды тоже были отмечены респондентами, на них обратили внимание от 8,2 до 18,5 % опрошенных.

Достаточно большая часть опрошенных (28,8 %) затрудняется с ответом на этот вопрос, однако уже можно с уверенностью

говорить о том, что историческая память жителей Беларуси в настоящее время во многом определяется событиями XX в., и доминирующим в ней является образ одного из наиболее значимых исторических событий данного периода – Второй мировой войны (рисунок 1).

Отметим, что в этом вопросе и всех последующих сумма процентов составляет больше 100, т. к. респондентам давалась возможность выбрать больше одного варианта ответа.

Рисунок 1 – Мнения респондентов о наиболее интересных периодах истории Беларуси, %

Сохранение и актуализация памяти о том или ином событии приводит к тому, что в исторической памяти общества (а также отдельных его институтов, групп и индивидов) формируются узнаваемые образы, воплощающие в себе всю совокупность знаний, мнений, оценок и суждений по отношению к данным событиям.

Эти образы могут выступать достаточно значимым регулятором общественного и индивидуального поведения, восполнять культурный и ценностный разрыв между разными поколениями, способствовать укреплению единства и сплоченности общества посредством формирования чувства общей истории.

Помимо образов исторических событий еще одним чрезвычайно значимым компонентом исторической памяти являются символы. На протяжении всей своей истории общество было склонно наделять сильной символической составляющей многие события и явления своей жизни, которые становились фундаментом для культурной и национальной идентичности представителей того или иного народа, позволяя тем самым сохранять свое культурно-историческое наследие и укреплять национальную самобытность.

Респондентам предлагалось выбрать главные, по их мнению, национальные символы Республики Беларусь.

Согласно полученным данным, две трети населения считают таковыми госу-

дарственную символику Беларуси (герб, гимн и флаг).

На втором месте по популярности у респондентов – народные символы (аист, зубр, василек и др.).

На третьем месте находятся объекты культурного наследия страны (дворцы, замки, Беловежская пуца и т. д.).

Значительное количество опрошенных указали памятники Великой Отечественной войны, белорусский язык и литературу, историческую символику (флаги, геральдические символы и др.).

Религиозные святыни являются значимыми символами для сравнительно небольшой доли опрошенных (рисунок 2).

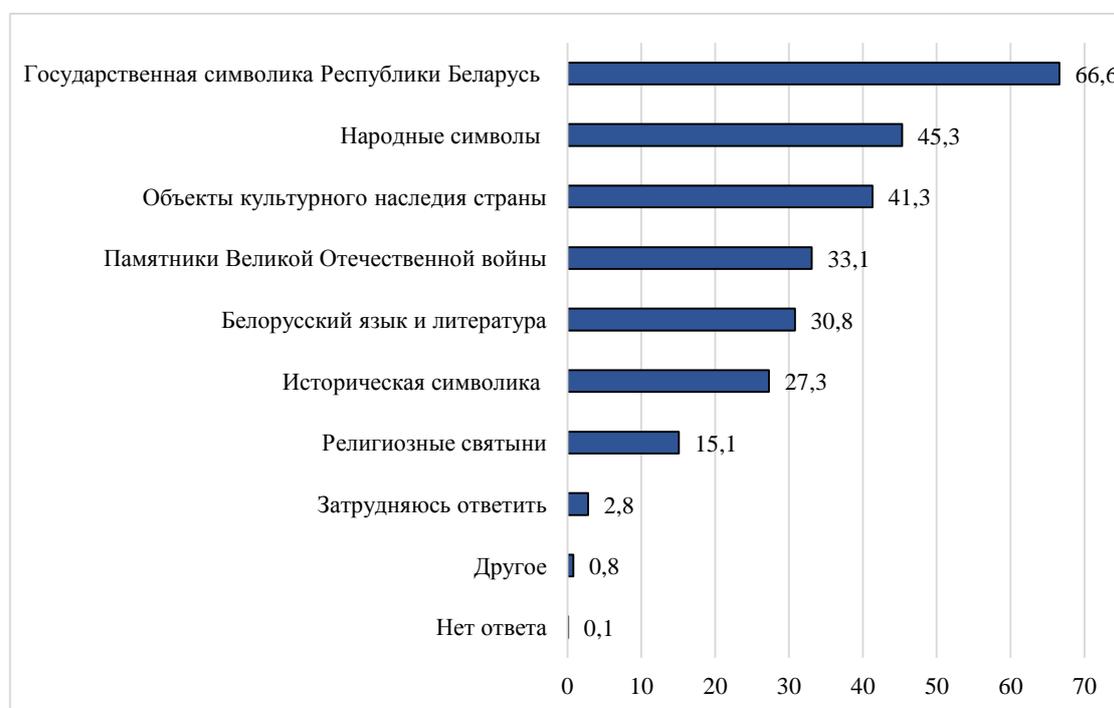

Рисунок 2 – Мнения респондентов о главных национальных символах Беларуси, %

Актуализация прошлого, поддержание памяти о прошедших исторических событиях, закрепление связанных с ними культурных ценностей и социально значимых культурно-нравственных образцов происходит также посредством проведения мероприятий, посвященных праздникам и памятным датам. Возникающие у людей в ходе реализации данной социокультурной практики ощущения общности и сопричастности на основе разделяемой истории

способствуют поддержанию культурных и духовных связей.

В рамках исследования респондентам задавались вопросы, один из которых затрагивал праздничные и памятные даты, имеющие значимость на государственном уровне, а второй касался международных и общенациональных, а также народных и религиозных праздников.

Согласно результатам опроса, наиболее значимыми государственными праздниками для жителей Беларуси являются 9 мая –

День Победы и 3 июля – День Независимости Республики Беларусь.

Практически каждый пятый респондент считает для себя значимым государственным праздником День Конституции Республики Беларусь (15 марта). День единения народов Беларуси и России (2 апре-

ля), День народного единства (17 сентября), День Государственного флага и Государственного герба Республики Беларусь (второе воскресенье мая), были отмечены достаточным количеством респондентов (рисунок 3).

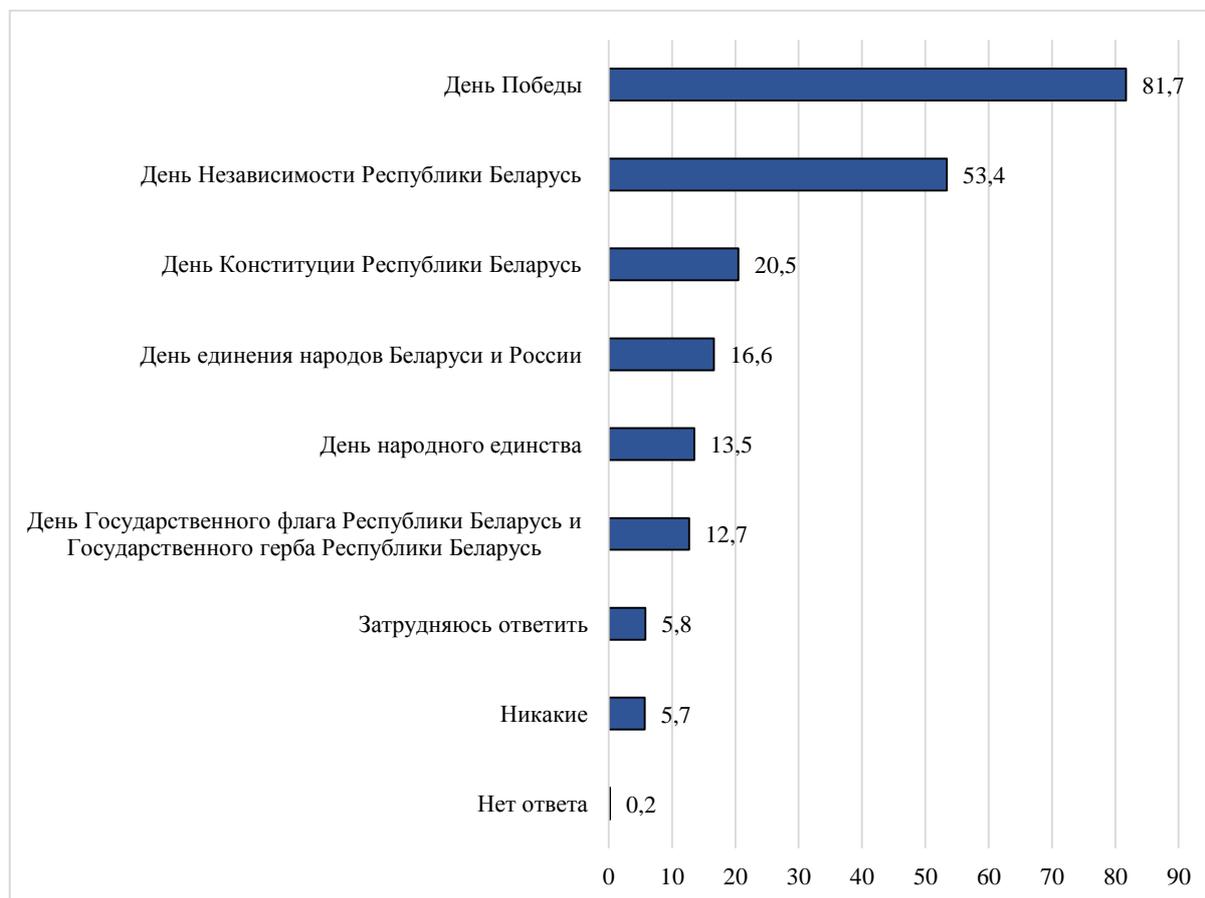

Рисунок 3 – Значимые для респондентов государственные праздники Беларуси, %

Что касается международных и общенациональных праздников и памятных дат, то, как показало исследование, самым значимым праздником для жителей Беларуси является Новый год.

Двумя другими наиболее значимыми датами являются православные праздники: Пасха и Рождество, что объясняется высокой долей респондентов, относящих себя к православной вере. Католическое Рождество и католическую Пасху отметили несколько меньше опрошенных.

Среди праздников, относящихся к поминовению памяти умерших (Радуница и

Дзяды), более распространенным является Радуница.

Большее половины населения Беларуси указали в качестве значимых дат Международный женский день, День защитника Отечества и Вооруженных Сил Республики Беларусь, примерно для половины опрошенных важной датой является День матери (14 октября). Праздник Троицы значим для более чем трети опрошенных, Праздник труда (1 мая) – почти для каждого пятого респондента.

Остальные упомянутые праздники и памятные даты также значимы для достаточной доли респондентов (рисунок 4).

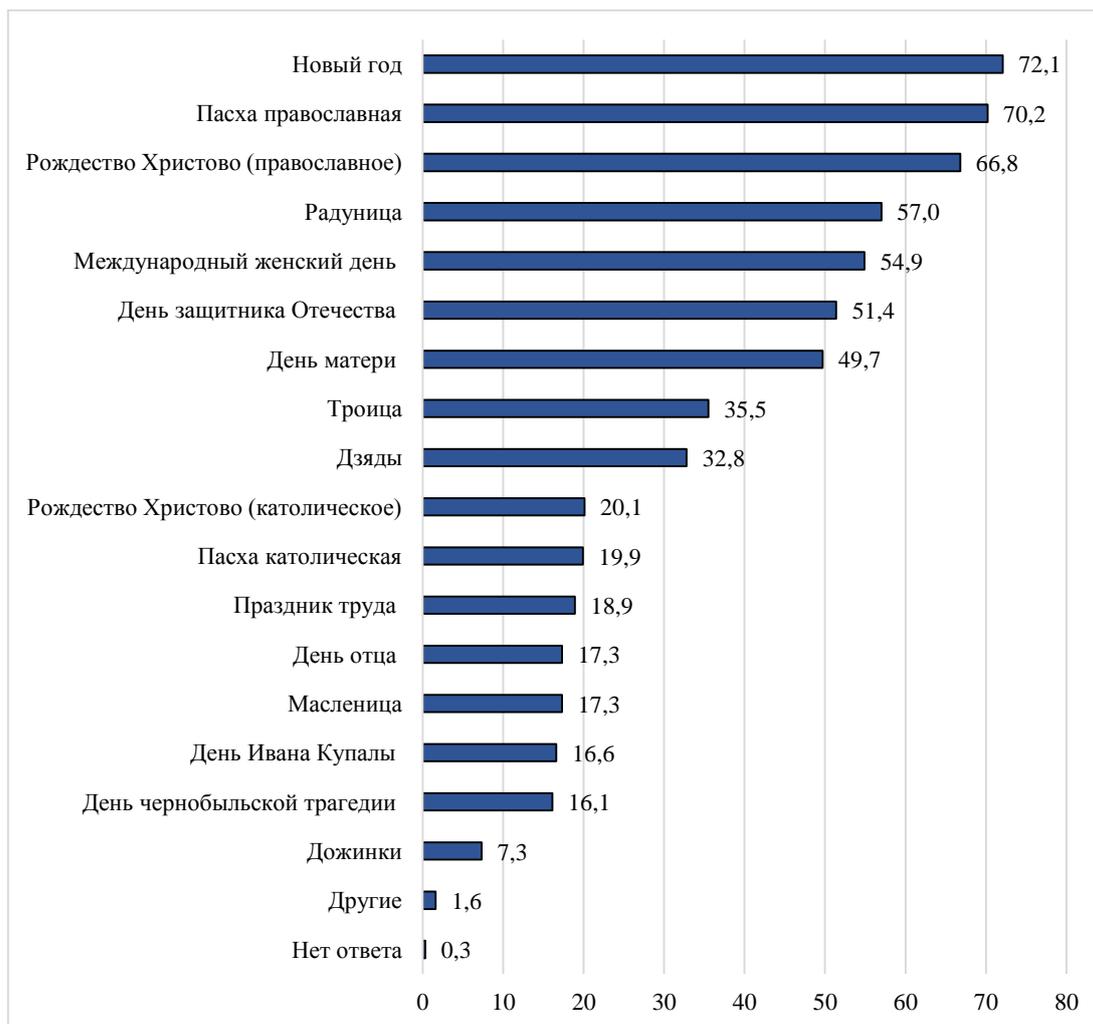

Рисунок 4 – Значимые для респондентов праздники и памятные даты Беларуси, %

При актуализации памяти об исторических событиях прошлого происходит интенсивное изменение не только смыслового, но также информационного пространства социума, поэтому важное значение приобретают источники информации, которые способствуют появлению, изменению, распространению или же исчезновению различных социально-культурных смыслов.

По результатам исследования, основными источниками информации для респондентов об исторических событиях, явлениях и процессах, происходивших в Беларуси, являются: телевидение, различные интернет-ресурсы (новостные порталы, сайты информационных агентств).

Около трети респондентов указали книжные издания: художественную, учебную, справочную литературу; информацию об истории Беларуси из прессы (газет, журналов) отметили почти четверть опрошенных.

Друзья, родственники, знакомые доносят информацию для более чем пятой части респондентов; социальные сети (Одноклассники, ВКонтакте и др.) использует для этого каждый пятый.

Остальные указанные в вариантах ответов источники информации были отмечены сравнительно небольшой частью респондентов (рисунок 5).

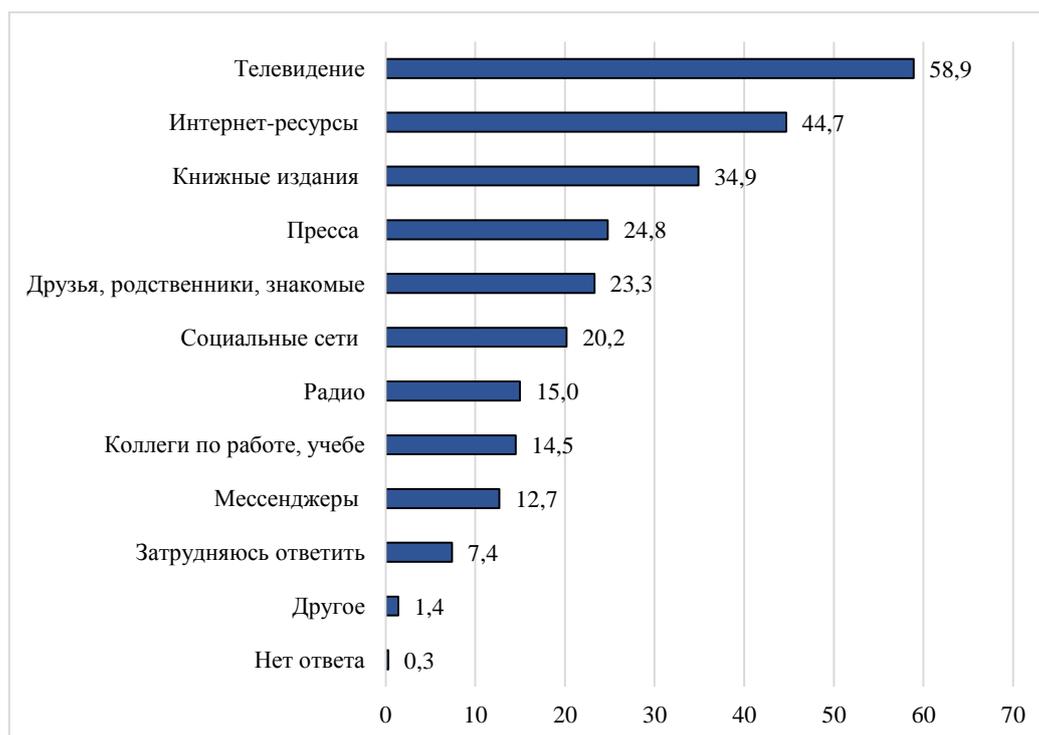

Рисунок 5 – Источники получения респондентами информации об истории Беларуси, %

Заключение

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. В настоящее время историческая память населения Беларуси определяется главным образом событиями XX в., и в особенности периодом Великой Отечественной войны. Высокая значимость событий этой войны для белорусского народа лишний раз доказывает необходимость сохранения и поддержания памяти о ней, недопущения попыток манипуляций и искажения ее содержания.

2. Особое значение в исторической памяти жителей Беларуси отведено национальным символам, среди которых наиболее важными являются официальные герб, флаг, гимн; достаточно высокой значимостью для народа Беларуси обладают народные символы (аист, зубр, василек и др.) и объекты культурного наследия страны.

3. Большинство жителей Беларуси считает крайне важными такие государственные праздники, как День Победы, День Независимости Республики Беларусь. Большой популярностью пользуются общереспубликанские праздники: Новый год, пра-

вославные Рождество и Пасха, Радуница, Международный женский день, День защитника Отечества и Вооруженных Сил Республики Беларусь, День матери. В этих праздниках находят выражение основные культурно-ценностные и духовно-нравственные ориентиры белорусского народа, отражающие специфику его исторических реалий.

4. Ключевыми источниками информации о событиях белорусской истории для жителей Беларуси являются преимущественно телевидение и интернет-ресурсы. Это дает основание говорить о том, что благодаря указанным источникам происходит формирование и развитие взглядов жителей Беларуси на свое историческое прошлое.

Новизна полученных результатов и проведенного исследования заключается в том, что выявлено актуальное состояние важнейших аспектов исторической памяти белорусского общества, что, в свою очередь, может быть использовано в качестве концептуальной и методологической основы для проведения дальнейших социологических исследований исторической памяти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М. : Новое изд-во, 2007. – 348 с.
2. Нора, П. Франция – память / П. Нора. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – 328 с.
3. Мысливец, Н. Л. Историческая память: актуальность исследования и необходимость сохранения / Н. Л. Мысливец // Беларус. думка. – 2022. – № 2. – С. 56–62.
4. К вопросу об исторической политике / А. А. Коваленя [и др.] // Беларус. думка. – 2019. – № 8. – С. 3–11.

REFERENCES

1. Khal'bvaks, M. Social'nyje ramki pamiaty / M. Khal'bvaks. – M : Novoje izd-vo, 2007. – 348 s.
2. Nora, P. Francija – pamiat' / P. Nora. – SPb. : Izd-vo S.-Pietierb. un-ta, 1999. – 328 s.
3. Mysliviec, N. L. Istorichieskaija pamiat': aktual'nost' issliedovanija i nieobkholdimost' so-khraneniia / N. L. Mysliviec // Bielarus. dumka. – 2022. – № 2. – S. 56–62.
4. K voprosu ob istorichieskoj politiki / A. A. Kovalienia [i dr.] // Bielarus. dumka. – 2019. – № 8. – S. 3–11.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 01.11.2023

УДК 316.36 : 316.422.42

Анастасія Олеговна Николаева

аспірант 2-го года обучения отдела социологии государственного управления
Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Anastasiya Nikalayeva

2-nd Year Postgraduate Student of the Department of Sociology of Public Administration
of the Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: nikolaeva_a.o@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ОТЦОВСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Исследуются социальные практики отцовства, рассматриваются основные теоретические подходы к его изучению, выявляются особенности социодинамики его социальных практик. Определяется структура социальных практик, которые увязаны с социальными функциями отцов. Определены особенности трансформации социальных практик отцов в белорусском обществе, выделены основные характерные черты отцовства на каждом этапе. Изучение особенностей современного этапа развития социальных практик отцовства в Беларуси происходит на базе актуальных социологических исследований проблем семейных отношений. Делается вывод, что в современном белорусском обществе под влиянием различных факторов происходят изменения в практиках отцовства, формируются тенденции к повышению равноправия отца и матери при решении вопросов, связанных с воспитанием ребенка, но, несмотря на новации в этой сфере, сохраняется ряд отцовских практик, свойственных традиционному авторитарному стилю отцовства. Новым явлением в социальных практиках отцовства становится ответственное отцовство, которое характеризуется внимательным отношением отца к матери ребенка при беременности, значительно большим вниманием к вопросам, связанным с воспитанием детей, их социализацией.

Ключевые слова: отцовство, родительство, семья, социальные практики, родительские функции, родственные отношения, ответственное отцовство, воспитание.

Social Practices of Fatherhood in the Republic of Belarus

The article investigates the social practices of fatherhood, considers the main theoretical approaches to its study in the works of sociologists, reveals the features of sociodynamics of fatherhood practices, using the methods of analysis, synthesis and generalization. The structure of social practices, which are linked to the social functions of fathers, is defined. In addition, the peculiarities of transformation of fathers' social practices in Belarusian society are studied, the main characteristic features of fatherhood at each stage are highlighted. The study of the peculiarities of the modern stage of development of social practices of fatherhood in Belarus is based on the current sociological research of the problems of family relations. It is concluded that in the modern Belarusian society under the influence of various factors there are changes in the practices of fatherhood, tendencies to increase the equality of father and mother in solving issues related to the upbringing of a child are formed, but despite the innovations in this sphere a number of paternal practices peculiar to the traditional authoritarian style of fatherhood remain. A new phenomenon in the social practices of fatherhood is responsible fatherhood, which is characterized by an attentive attitude of the father to the mother of the child during pregnancy, pays much more attention to issues related to the upbringing of children and their socialization.

Key words: fatherhood, parenthood, family, social practices, parental functions, family relationships, responsible fatherhood, education.

Введение

Человек становится социальным существом, приобретая особенности и атрибуты, свойственные обществу, в процессе социализации, т. е. при обучении, изучении и приобретении определенных норм и ценнос-

тей, правил и навыков их интерпретации и использования. В начальный период жизни первым местом социализации ребенка является семья, которая в традиционном ее понимании состоит из отца и матери. Значительные экономические и социокультурные сдвиги в XXI в. приводят к появлению новых моделей и практик отцовства в современном обществе. Трансформации претерпевает институт брака, увеличивается количество форм и типов семьи, что, несомнен-

Научный руководитель – Евгений Михайлович Бабосов, доктор философских наук, академик, главный научный сотрудник отдела социологии государственного управления Института социологии НАН Беларуси.

но, затрагивает и отношения между отцами и детьми.

Целью исследования является осмысление социальных практик отцовства, для чего в статье проанализированы основные теоретические подходы к исследованию социальных практик отцовства, изучены особенности практик отцовства в Республике Беларусь.

Основная часть

В течение длительного времени институты брака и отцовства рассматривались как взаимосвязанные явления, поэтому некоторые исследователи изучали отцовство в рамках проблемного поля семьи. С конца XIX в. многие ученые затрагивали в своих работах вопросы семьи, отмечая значительные сдвиги, которые претерпевает этот институт, в первую очередь связанные с изменением статуса отца с главенствующих в семье позиций на равные, а иногда и второстепенные. Так, Г. Спенсер отмечал изменения статуса мужчины в системе брака от роли «господин» в отношении жены к равноправным ролям. В отношении ребенка происходит подчинение воли отца его благу [1, с. 825]. В случае сохранения старых патриархальных норм, по мнению исследователя, человечество ждет упадок.

Одним из первых исследователей, который посвящал свои работы проблематике семейных отношений, в т. ч. проблемам отцовства, является П. Сорокин. Он рассматривал брак как половой союз мужчины и женщины, в рамках которого существует взаимодействие отцов и детей. По его мнению, в результате трансформации общества в XX в. институт отцовства приобретает определенный уровень автономии, происходит усложнение взаимосвязей между ним и семьей [2, с. 72–73].

В современной российской научной практике исследованию отцовства в рамках изучения социологии семьи посвящены работы А. Антонова, В. Медкова. Они изучают социально-демографические факторы рождаемости, изменения в статусе членов семьи вследствие активного включения женщин в экономическую и социальную жизнь общества, произошедшие в результате этого преобразования в распределении семейных обязанностей [3].

И. Кон был одним из первых авторов, описывающих отцовство как отдельный социокультурный феномен. В его труде «Ребенок и общество» подняты вопросы, является ли отцовство социокультурным, биологическим или биосоциальным явлением и как его компоненты (родительство и материнство) взаимодействуют между собой [4].

В XXI в. происходит стремительное развитие медицины и репродуктивных биотехнологий, дальнейшее снижение уровня социального контроля, рост количества разводов, что приводит к необходимости учета влияния этих изменений на родительство, которое рассматривается как сложное гетерогенное явление. Так, Ж. Чернова отмечает: «Родительство представляет собой сложный культурный феномен, который включает набор практик и смыслов, связанных с детством, воспитанием, взглядами на типы отношений между родителями и детьми, мужчинами и женщинами» [5, с. 14]. По ее мнению, «отцовство представлено либо как обязанность материального обеспечения семьи, либо (в случаях одинокого родительства) как необходимость выполнения всех функций по организации и осуществлению заботы о ребенке» [5, с. 19].

Результатом генезиса подходов к отцовству является выделение его из родительства и семьи в отдельный социальный институт. В работах российских исследователей отмечается необходимость дифференцировать практики отцовства, используемые в повседневной жизни, от практик отцовства как социального института. Как отмечает И. О. Шевченко, изучение отцовства не являлось первоочередной задачей в изучении в социологии вопросов, связанных с семьей и родительством. Отцовство не рассматривалось как самостоятельный общественный институт, но с течением времени под влиянием изменений в брачных, семейных и родительских отношениях отцовство выделилось в качестве отдельного предмета исследования, самостоятельного института, обладающего набором специфических социальных практик [6, с. 179–180].

Е. А. Иванова считает необходимым разделять практики отцовства на практики в повседневной жизни и практики отцовства как социального института. Рассматривая отцовство в качестве социального институ-

та, она ссылается на американского социолога Ла Росса, который ввел в научный оборот понятие «культура отцовства» – нормы, ценности отцовства и социальные ожидания общества [7, с. 133].

Тот же подход, связанный с необходимостью разделять отцовство как повседневные практики и социальный институт, встречается в работах Е. Ю. Рождественской, которая включает в состав социальных практик законодательные механизмы семейного регулирования, существующие в обществе организации, регулирующие вопросы детства, опеки [8, с. 167–168].

В отличие от вышеперечисленных исследований, встречаются и более традиционные подходы к изучению отцовства, в частности биологические и социальные. Так, Л. В. Русских характеризует отцовство «как биологический феномен, заключающийся в факте рождения детей, кровного родства... в факте рождения детей для формирования и развития семейно-брачных отношений. Второй подход рассматривает роль мужчины через реализацию функций защиты семьи, ее экономического обеспечения, а также передачи последующим поколениям социокультурных норм и образцов мужского поведения» [9, с. 94].

Таким образом, основным подходом к рассмотрению отцовства является изучение его как социального института, практики которого сформированы под влиянием социальных, экономических и культурных особенностей общества. Проведенный анализ работ, посвященных отцовству в контексте исследований вопросов родительства и развития семьи, позволяет сделать вывод о постепенной индивидуализации феномена отцовства. Понятие «отцовство» расширяется, и в результате трансформации институт отцовства перестает рассматриваться только как биологическое явление, становясь одновременно явлением социальным.

Концепт социальной практики кристаллизуется через анализ философских, социологических, психологических теорий, в первую очередь тех, которые имеют теоретическое значение для данного исследования. Анализ социальных практик в исследованиях социологов показывает, что они рассматривают социальные практики сквозь призму социальных действий и выводят

«действие» как первый элемент социальной практики.

Серьезное влияние на выработку теоретических подходов оказали исследования М. Вебера и Т. Парсонса. Так, М. Вебер утверждал, что социальные действия каждого человека структурно и институционально формируют социальную реальность, являются необходимым условием ее функционирования. Любое действие человека приобретает социальный характер, когда в его основу положена субъективная мотивация индивида, его ориентация на других, выбор способа взаимодействия с окружающей действительностью, которые обуславливаются имеющейся у него системой ценностей [10, с. 314].

К рассмотрению проблемы «человеческое действие – социальный порядок» обращался Т. Парсонс. Он видел возможность решения этой проблемы в интеграции тех представлений, которые уже получили распространение в научной мысли [11, с. 185]. В концепции Т. Парсонса система действий – это структурированный набор единичных актов [12, с. 61].

Таким образом, в работах М. Вебера и Т. Парсонса с разных позиций рассматривается теория социальных действий, в рамках которой происходит взаимодействие между средой и человеком при выполнении действий. Рассмотренные позиции являются близкими по сути теории социальных практик, стоящей на схожих позициях.

Одной из первых предлагает применять теорию социальных практик в изучении отцовства А. Е. Звонарева: «Введение понятия “социальные практики отцовства” позволит... выделить функции отца, выполняемые им на всех этапах исторического развития в разном объеме». Она считает, что отцовские практики являются практиками повседневной жизни, а отцовство «видится как многообразие социальных действий мужчин по отношению к членам своей семьи, определяемое целями действующего субъекта. Социология призвана интерпретировать смысл и значения действующих субъектов, понимать социальное действие, стремиться причинно объяснить его течение и результаты» [13, с. 61].

У всех ученых, изучающих социальные практики отцовства, отмечается целесообразность использования при их исследовании

довании подходов теории структуризации Э. Гидденса, а также конструктивистского структурализма П. Бурдьё. Э. Гидденс признавал предметом социальных наук социальные практики, упорядоченные во времени и пространстве. Из них формируется социальная реальность: «Социальные практики, развертывающиеся в пространстве и времени, являются источником образования субъекта и социального объекта» [14, с. 17]. Он сформулировал идею дуальности структуры практики, согласно которой «структуральные свойства социальной системы выступают и как средство создания социальной жизни... и одновременно как результаты, производимые и воспроизводимые этой деятельностью» [14, с. 21].

Обобщая теоретические подходы к социальным практикам отцовства и выявляя современные тенденции развития этого института, А. Е. Звонарева предлагает рассматривать его как совокупность различных социальных практик, которые являются производными от социальных функций отцов. На практики воздействуют объективные и субъективные факторы, оказывающие влияние на отцовство. А. Е. Звонарева отмечает: «Содержание социальной роли отца задается институтом семьи как “механизмом воспроизводства жизни” (К. Маркс) и семьей как малой группой, в которой протекает частная жизнь людей. Это означает, что функции отца сопряжены с функциями семьи. Типологический анализ семейных функций позволяет выделить три их основные группы: а) количественное воспроизводство семьи; б) качественное воспроизводство семьи; в) воспроизводство условий существования» [13, с. 63]. Опираясь на семейные функции, А. Е. Звонарева связывает их с социальными практиками отцовства. Так, репродуктивные практики отцов напрямую связаны с их репродуктивной функцией, практики социализации детей связаны с функцией инкультуризации и социализации, практики материального обеспечения связаны с хозяйственно-бытовой функцией и т. д.

При рассмотрении практик отцовства в Республике Беларусь необходимо учитывать теоретические подходы к изучению этого феномена как в части социальных практик, так и в изучении структуры явления в целом. Стоит отметить, что белорус-

ские исследователи данной проблеме долгое время не уделяли должного внимания. Но социальные практики отцовства развивались по общемировым тенденциям перехода от авторитарных ролей отца в традиционной культуре к равноправным ролям отца и матери в современном обществе.

В традиционной культуре белорусов отцовство является главной мужской идентичностью, стержнем, неотъемлемой частью традиционного стереотипа маскулинности. Это связано с тем, что отец всегда отвечал за жизнеобеспечение семьи, охрану ее от внешней опасности, исполняя в традиционной крестьянской семье функции кормильца и главного воспитателя в сфере социально-трудовых отношений. Сложность решений ежедневных задач, важность его труда в выживаемости семьи приводила к формированию авторитарных тенденций в отношениях отца и матери, отца и детей [15].

В XIX в. влияние на социальные роли отцовства оказывали процессы урбанизации, индустриализации, а также миграция населения, что приводило к постепенному изменению отношений в семье, статуса отца. Эти процессы были значительно усилены Октябрьской революцией 1917 г., которая перевернула практически все сферы социальной, экономической и культурной жизни. После создания социалистического государства на протяжении XX в. белорусское общество развивалось в условиях социалистического строительства, стремления к бесклассовому обществу, равенства мужчин и женщин, изменения влияния отца на семью и детей.

В советский период большая часть населения начинает селиться в городах, работая на фабриках, заводах, в учреждениях. В сельском хозяйстве происходит постепенный переход к коллективным формам собственности на землю, что снижает роль главы семьи в распоряжении судьбами членов семьи. Наиболее взрывные изменения в социальных практиках отцовства происходят в белорусском обществе во второй половине XX в., когда после восстановления разрушенной Великой Отечественной войной экономики начинается значительный рост городского населения, создание новых производств и сфер деятельности, развитие сферы образования и медицины. Глобальные процессы приводят к изменениям в

структуре семьи, перераспределению ролей ее членов. В результате семья становится небольшой общностью, зачастую нуклеарной и не многодетной [16, с. 26].

После распада СССР происходит дальнейшее изменение социальных практик отцовства. Оно подвергается воздействию, обусловленному новыми тенденциями в социальной жизни страны, вызванными распадом социалистической системы, открытием границ, развитием информационных технологий и идеологическим противоборством. Появление новых социальных практик связано с широким распространением медицинских технологий суррогатного материнства, расширением практики усыновления детей, более частыми расторжениями браков, приводит к формированию нового типа родительства и, как следствие, к изменению социальных практик отцовства.

В отличие от зарубежной практики, российских и украинских исследований вопросов социальных практик отцовства исследованиям современных тенденций отцовства в Республике Беларусь посвящено не так много работ. Одним из немногих в этой сфере является исследование Е. В. Бернгард, посвященное социальным практикам в рамках семейных отношений, проводимое среди студенческой молодежи. Автор указывает на значительные изменения в этой сфере, происходящие в белорусском обществе в связи с изменениями в иерархии ценностей: «В настоящее время наблюдается смещение ценностных ориентиров белорусов от традиционных к современным вследствие включенности белорусского общества в глобальные процессы, в результате которых любая информация становится доступной, а в СМИ широко пропагандируется западная модель брачно-семейных отношений: сожителство и гостевые браки, свободные отношения, семьи без детей (child-free)» [17, с. 63]. Это значит, что семья в Беларуси перестала быть традиционной, появляются новые формы брачно-семейных отношений. В современных браках как для мужчин, так и для женщин важную роль играет построение равноправных взаимодействий. Молодые белорусы придерживаются детоцентристской модели семьи, ставя во главу угла рождение детей, их совместное воспитание. Автор исследования отмечает: «Сегодня молодые люди намерены создать

семью с двумя детьми, девушки и юноши ориентированы на смешанный тип брачно-семейных отношений, с одной стороны, позиционируя равенство в плане принятия решений и разделения домашних обязанностей, с другой – демонстрируя традиционность взглядов в сфере финансового лидерства, сведения мужской роли к роли кормильца семьи» [17, с. 68].

Современные социальные практики также привели к появлению в Беларуси феномена вовлеченного отцовства – такого вида отцовства, при котором мужчины и женщины принимают одинаковое участие в воспитании детей. И это общемировая практика. Так, в работах Дж. Плека концепция отцовской вовлеченности сочетает в себе активные действия по взаимодействию с ребенком, теплоту и отзывчивость в решении его проблем, косвенную заботу о его благополучии, ответственность за процесс его развития [18, с. 145]. Явление отцовской вовлеченности не всегда вызывает поддержку у матерей при разрыве отношений с мужьями. Зачастую матери опасаются роста влияния отцов на детей после развода: они видят в бывших мужьях конкурентов в общении с ребенком. Женщины «рассматривают отцов скорее как конкурентов и соперников в борьбе за детей, но не как партнеров в совместной деятельности воспитания» [19].

Об изменениях в социальных практиках отцовства в нашей стране свидетельствуют данные исследования «Вовлеченное отцовство в Беларуси: текущая ситуация и концепция продвижения», проведенное Фондом ООН в области народонаселения в Беларуси [20]. Исследование выявляет существенное изменение традиционных практик отцовства в белорусском обществе, но подтверждает сохранение большого значения традиционных подходов к нему. Об этом свидетельствуют итоги исследования, в соответствии с которыми 45 % отцов характеризуются как «классические отцы». Респонденты-отцы этой группы не склонны к агрессивному поведению, имеют средний уровень толерантности, склонны к традиционным взглядам на семью, принимают активное участие в жизни ребенка. 36 % отцов относятся к группе «авторитарные отцы»; роль отца они считают ключевой в семье, не поддерживают идеи равноправия членов семьи. Противоположностью им яв-

ляется группа «современные отцы», к которой относятся 18 % респондентов. Уровень их толерантности выше, чем в двух предыдущих группах; они придерживаются стратегии эмоционального равенства. В эту группу чаще всего входят наиболее молодые отцы, с высоким уровнем образования и дохода [20, с. 19–20].

Таким образом, в современном белорусском обществе значительная часть белорусов поддерживает взгляды гендерного равенства, но, несмотря на это, сильными остаются авторитарные позиции отцовства, связанные с традиционными ценностями белорусов. Большинство отцов разделяют концепцию воспитания, где оба родителя играют важную роль в семье. Но вместе с тем практики отцовства сохраняют традиционные роли отцовства и материнства.

В связи с этим, опираясь на широкий опыт зарубежных исследований, необходимо сформировать перечень отцовских практик в Республике Беларусь. Целесообразно рассматривать практики отцовства, как составные части социального института, сформированные на базе общественных и социальных взаимоотношений. С изменением традиционных отношений в семье, характерных для белорусского общества, по-прежнему важной социальной практикой отцов является репродуктивная, т. к. без нее невозможно говорить об отцовстве как биологическом явлении. Вышеперечисленные исследования свидетельствуют о важности практики материального обеспечения семьи, т. к. значительная часть белорусского общества возлагает ответственность за благополучие детей на отца вне зависимости от его отношений с матерью. Да и сами отцы считают это своей важнейшей задачей.

С учетом расширения практик вовлеченного отцовства значительную роль в белорусском обществе играют практики социализации детей, т. к. во многих случаях отец является примером для детей, именно его модели поведения усваиваются мальчиками, принимаются как модели мужского поведения для девочек.

Заключение

Проведенный анализ показал, что современные социальные практики требуют дополнительного исследования, которое бы учло специфику нашего общества. Об этом

свидетельствуют ожидания матерей, которые ждут от отцов продолжения исполнения традиционных ролей, связанных с материальным обеспечением семьи, ответственностью за воспитание и образование детей, и активного использования элементов вовлеченного отцовства. Но в связи с занятостью на работе, направленной на выполнение экономической функции, отцы не всегда имеют время на участие в жизни детей, современный досуг, проявление интереса к увлечениям ребенка. «Ожидания матерей также основаны на сочетании традиционных и современных ролей – представлениях о мужчине как кормильце, ответственном за финансовое и социальное благополучие семьи, источнике надежности и опоры в реализации семейных и ее индивидуальных интересов – получения образования, продвижения в карьере, развития, взросления и личностного роста. Но и те, и другие не готовы ответить на взаимные ожидания и потребности, а объяснения этому... видятся в недостатке социальной зрелости, мудрости, компетентности, эгоцентризме и прагматизме в ущерб чувствам, взаимности и готовности к семейному служению» [19, с. 124].

Однако необходимо отметить, что реализация отцовства и маскулинности в традиционных нуклеарных семьях является наиболее приемлемой для мужчин в сравнении с другими типами семьи, т. к. данные практики позволяют создать отцам условия для вовлеченного отцовства.

Важным фактором, стимулирующим участие отцов как в полных семьях, так и в случае отсутствующего отцовства, могут стать практики социальной поддержки института отцовства со стороны государства. В связи с постоянной занятостью на работе не все отцы, особенно разведенные, могут оказывать своим детям должное внимание, уделять им время только в выходные и праздничные дни и во время отпуска. Ситуация усугубляется при проживании отцов в других населенных пунктах, когда расстояние сокращает время, проводимое вместе с ребенком.

Для решения этих проблем необходимо рассмотреть возможности оплачиваемых «дней отца», которые позволят им более активно участвовать в жизни ребенка, проводить спортивные и познавательные мероприятия, выстраивать взаимодействие от-

цов и детей как в полных, так и в неполных семьях. Важным условием является и оказание помощи в развитии институтов социального отцовства, позволяющих стимулировать отношения между отчимами и детьми. Все эти мероприятия должны привести к увеличению вовлеченности отцов в жизнь детей, что, в свою очередь, приведет к полноценному воспитанию подрастающего по-

коления не только на примерах матерей, но и с полноценным использованием в качестве опыта социальных практик ответственных отцов. Полагаем, что дальнейшее изучение социальных практик отцовства позволит точнее и глубже выявить тенденции развития и упрочения роли отцовства в современном обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спенсер, Г. Изучение социологии. Воспитание умственное, нравственное и физическое / Г. Спенсер. – Минск : БелЭн, 2006. – 816 с.
2. Сорокин, П. А. Кризис современной семьи / П. А. Сорокин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – 1997. – № 3. – С. 65–79.
3. Социология семьи / А. И. Антонов [и др.]. – М. : Инфра-М, 2005. – 640 с.
4. Кон, И. С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива / И. С. Кон. – М. : Наука, 1988. – 269 с.
5. Чернова, Ж. В. Дискурсивные модели современного российского родительства / Ж. В. Чернова, Л. Л. Шпаковская // Женщина в рос. о-ве. – 2013. – № 2. – С. 14–26.
6. Шевченко, И. О. Эволюция научных исследований отцовства / И. О. Шевченко // Вестн. Ин-та социологии. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 175–196.
7. Иванова, Е. А. «Я себя не отношу к хорошим папам, в лучшем случае, к нормальным»: как российские мужчины конструируют образ «хорошего отца» после развода / Е. А. Иванова // Журн. социологии и соц. антропологии. – 2017. – № 20 (5). – С. 132–150.
8. Рождественская, Е. Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность / Е. Ю. Рождественская // Мониторинг обществ. мнения: экон. и соц. перемены. – 2020. – № 5. – С. 155–185.
9. Русских, Л. В. Состояние и проблемы современного отцовства / Л. В. Русских // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. – 2018. – Т. 18, № 3. – С. 94–98.
10. Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М. : Юрист, 1994. – 702 с.
11. Громов, И. А. Западная теоретическая социология : монография / И. А. Громов, А. Ю. Мацкевич, В. А. Семенов. – М. : Ольга, 1996. – 286 с.
12. Девятко, И. Ф. Социология с практической точки зрения: к критике современных теорий практики / И. Ф. Девятко // Новое и старое в теоретической социологии / под ред. Ю. Н. Давыдова. – М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 2003. – С. 61–80.
13. Звонарева, А. Е. Социальные практики отцовства / А. Е. Звонарева // Женщина в рос. о-ве. – 2010. – № 4 (57). – С. 61–68.
14. Гидденс, Э. Устроение общества : очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М. : Акад. Проект, 2005. – 528 с.
15. Кухаронак, Т. І. Бацькоўства ў традыцыйнай культуры беларусаў / Т. І. Кухаронак // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / пад рэд. А. Г. Алфёрава. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – Вып. 14. – С. 289–296.
16. Беларусы / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – Т. 5 : Сям'я / В. К. Бандарчык [і інш.]. 374 с.
17. Бернгард, Е. В. Брачно-семейные отношения как структурирующие социальные практики агентов / Е. В. Бернгард // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2017. – № 1. – С. 63–68.
18. Янак, А. Л. Факторная модель отцовской вовлеченности / А. Л. Янак // Журн. социологии и соц. антропологии. – 2022. – № 25. – С. 140–176.
19. Безрукова, О. Н. «Она не мать совсем...»: образы бывших жен в дискурсе разведенных молодых отцов / О. Н. Безрукова, В. А. Самойлова // Социол. исслед. – 2020. – № 12. – С. 116–127.

20. Юдешко, В. Вовлеченное отцовство в Беларуси: текущая ситуация и концепция продвижения / В. Юдешко, Н. Навроцкая, А. Максименко. – Минск, 2021. – 77 с.

REFERENCES

1. Spenser, G. Izucheniye sotsiologii. Vospitaniye umstviennoye, npravstviennoye i fizichiskoje / G. Spenser. – Minsk : BielEn, 2006. – 816 s.
2. Sorokin, P. A. Krizis sovriemnoy siem'ji / P. A. Sorokin // Viestn. Mosk. un ta. Sier. 18, Sociologija i politologija. – 1997. – № 3. – S. 78.
3. Sociologija siem'ji / A. I. Antonov [i dr.]. – M. : Infra-M, 2005. – 640 s.
4. Kon, I. S. Riebionok i obshchestvo: istoriko-etnograficheskaja pierspektiva / I. S. Kon. – M. : Nauka, 1988. – 269 s.
5. Chiernova, Zh. V. Diskursivnyje modeli sovriemnogo rossiiskogo roditiel'stva / Zh. V. Chiernova, L. L. Shpakovskaja // Zhenshchina v ros. o-ve. – 2013. – № 2. – S. 14–26.
6. Shevchienko, I. O. Evoliucija nauchnykh issliedovanij otcovstva / I. O. Shevchienko // Vestn. In-ta sociologii. – 2023. – T. 14, № 3. – S. 175–196.
7. Ivanova, Ye. A. «Ja siebia ne odnoshu k khoroshim papam, v luchshem sluchaje, k normal'nym»: kak rossiiskije muzhchiny konstruirujut obraz «khoroshego otca» poslie razvoda / Ye. A. Ivanova // Zhurn. sociologii i soc. antropologii. – 2017. – № 20 (5). – S. 132–150.
8. Rozhdiestvienskaja, Ye. Yu. Vovliechionnoje otcovstvo, zabotlivaja maskulinnost' / Ye. Yu. Rozhdiestvienskaja // Monitoring obshchestv. mnieniya: ekon. i soc. pieriemeny. – 2020. – № 5. – S. 155–185.
9. Russkikh, L. V. Sostojanie i problemi sovriemnogo otcovstva / L. V. Russkikh // Viestn. Juzh.-Ural. gos. un-ta. – 2018. – T. 18, № 3. – S. 94–98.
10. Veber, M. Izbrannoe. Obraz obshchestva / M. Veber. – M. : Jurist, 1994. – 702 s.
11. Gromov, I. A. Zapadnaja teoreticheskaja sociologija : monografija / I. A. Gromov, A. Yu. Mackievich, V. A. Siemionov. – M. : Ol'ga, 1996. – 286 s.
12. Dieviatko, I. F. Sociologija s praktichieskoj točki zrieniya: k kritike sovriemnykh teorij praktiki / I. F. Dieviatko // Novoje i staroje v teoretichieskoj sociologii / pod ried. Yu. N. Davydova. – M. : Izd-vo In-ta sociologii RAN, 2003. – S. 61–80.
13. Zvonariova, A. Ye. Social'nyje praktiki otcovstva / A. Ye. Zvonariova // Zhenshchina v ros. o-vie. – 2010. – № 4 (57). – S. 61–68.
14. Giddens, E. Ustrojenije obshchestva: ochierk teorii strukturacii / E. Giddens. – 2-je izd. – M. : Akadem. Projekt, 2005. – 528 s.
15. Kukharonak, T. I. Bac'koustva u tradytsyjnaj kul'tury bielarusau / T. I. Kukharonak // Pytanni mastactvaznaustva, etnalohii i fal'klarystyki / pad red. A. G. Alfiorava. – Minsk : Bielarus. navuka, 2013. – Vyp. 14. – S. 289–296.
16. Bielarusy / Nac. akad. navuk Bielarusi, In-t mastactvaznaustva, etnagrafii i fal'kloru imia K. Krapivy. – Minsk : Bielarus. navuka, 2001. – T. 5 : Siamja / V. K. Bandarchyk [i insh.]. – 374 s.
17. Bergard, Ye. V. Brachno-siemiejnyje odnoshenija kak strukturirujushchije social'nyje praktiki agentov / Ye. V. Bergard // Zhurn. Bielor. gos. un-ta. Filosofija. Psikhologija. – 2017. – № 1. – S. 63–68.
18. Janak, A. L. Faktornaja model' otcovskoj vovliechionnosti / A. L. Janak // Zhurn. sociologii i soc. antropologii. – 2022. – № 25. – S. 140–176.
19. Biezrukova, O. N. «Ona nie mat' sovsiem...»: obrazy byvshikh zhon v diskursie razviedionnykh molodykh otcov / O. N. Biezrukova, V. A. Samojlova // Sociol. isslied. – 2020. – № 12. – S. 116–127.
20. Vovliechionnoje otcovstvo v Bielarusi: tiekushchaja situacija i koncepcija prodvizhenija / V. Juodeshko, N. Navroczkaja, A. Maksimienko. – Minsk, 2021. – 77 s.

УДК 021:004.7:316.77

Вероника Борисовна Бабарико-Омельченко

зав. отделом исследовательской и научно-методической деятельности

Белорусской сельскохозяйственной библиотеки имени И. С. Лупиновича

Национальной академии наук Беларуси,

соискатель Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Veranika Babaryka-Amelchanka

Head of the Department of Research, Scientific and Methodological Activity of the I. S. Lupinovich
of Belarusian Agricultural Library of the National Academy of Sciences of Belarus,

Postgraduate Student of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: b.omelchenko.belal@gmail.com

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ СОБСТВЕННОЙ ГЕНЕРАЦИИ В БИБЛИОТЕКАХ БЕЛАРУСИ И ИХ РОЛЬ В КОММУНИКАЦИИ С ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ

Представлены результаты исследования, посвященного анализу деятельности библиотек Беларуси в условиях цифровизации с точки зрения создания ими собственных информационных ресурсов. Выявлены сгенерированные библиотеками информационные ресурсы, состав участников этой деятельности по видам библиотек, определены типы создаваемых информационных ресурсов. Рассмотрена роль информационных ресурсов собственной генерации в обеспечении коммуникации научных библиотек с пользователями в цифровой среде. Определено, что библиотеки Беларуси вовлечены в процесс информатизации путем создания собственных информационных ресурсов. В генерировании информационных ресурсов участвуют библиотеки разных типов и видов. Наиболее широко представлены публичные, наиболее интенсивно – научные и научно-технические библиотеки. Информационные ресурсы библиотек собственной генерации в большинстве своем представлены базами данных и сайтами, в меньшей степени – электронными изданиями и коллекциями электронных изданий. Не все создаваемые библиотеками информационные ресурсы проходят регистрацию в Государственном регистре информационных ресурсов. Основная доля посещений пользователями научных библиотек в настоящее время осуществляется в онлайн-режиме. Выявлено, что в условиях цифровизации создание библиотеками электронных и сетевых информационных ресурсов позиционирует их положительно.

Ключевые слова: информационные ресурсы, Государственный регистр информационных ресурсов, информационные ресурсы собственной генерации, библиотеки Беларуси, цифровизация.

Information Resources of Own Generation in the Libraries of Belarus and Their Role in Communication with Users

The results of study devoted to the analysis of Belarusian libraries activities in the contexts of digitalization in terms of creating their own information resources are presented. There were identified information resources created by libraries, participants consist in this activity by types of libraries, as well as the types of created information resources. The role of information resources of own generation in ensuring communication between scientific libraries and users in the digital environment is considered. It is determined that Belarusian libraries are involved in the informatization process by creating their own information resources. Libraries of different types participate in the generation of information resource. The most widely represented are public libraries, the most intensively – scientific and scientific and technical libraries. Library information resources of their own generation are mostly represented by databases and websites, lesser extent by electronic publications and collections of electronic publications. Not all information resources created by libraries are registered in the State Register of Information Resources. The most of visits to scientific libraries is currently carried out online. It is revealed that creation of electronic and network information resources by libraries positively positions them in the context of digitalization.

Key words: information resources, State Register of Information Resources, information resources of own generation, libraries of Belarus, digitalization.

Научный руководитель – Наталья Васильевна Цыбульская, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социологии культуры Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Введение

В современном обществе информация наряду с традиционными ресурсами (материальными, природными, трудовыми, финансовыми, энергетическими и др.) яв-

ляется экономической категорией, причем приобретающей первостепенную значимость. Возрастающей роли информации и знаний в функционировании и развитии различных сфер общественной жизни в последние десятилетия уделяется существенное внимание в рамках государственной политики, направленной на развитие информационного общества в Беларуси. Разрабатываются государственные программы информатизации, актуализируется законодательство, развивается инфраструктура, определяются стратегии использования потенциала информационных технологий для оптимальной организации различных сфер общественной жизни, всесторонне изучается современное состояние, тенденции и перспективы развития информационного общества в стране.

Участие библиотек в развитии информационного общества определено их главным предназначением. Сущностная роль библиотек в обществе на протяжении всей их истории заключается в удовлетворении информационных потребностей, а информация является основным объектом библиотечной деятельности. Библиотека отбирает, накапливает, хранит и организует доступ к информации, а также на основе переработки имеющейся информации создает собственную новую систематизированную информацию: разнообразные каталоги, картотеки, указатели и т. п. Развитие информационно-коммуникационных технологий и их внедрение в библиотечную деятельность существенно расширили возможности предоставления библиографической, справочной, аналитической, фактографической и иной информации, поэтому наряду с традиционным форматом представления такой информации на бумажных носителях активное распространение получило создание электронных информационных ресурсов. Так, с 1990-х гг. в белорусских библиотеках появляются электронные каталоги, базы данных, сайты, электронные коллекции, библиотеки и другие, как сейчас принято их именовать, информационные ресурсы собственной генерации, которые в настоящее время преобладают над печатными.

В период цифровой трансформации общества работа с готовыми электронными ресурсами и создание собственных информационных ресурсов стали необходимой

частью деятельности библиотек и содействовали преодолению проблем «вписывания» библиотек в цифровую среду, сохранения и расширения их пользовательской аудитории. Первыми на вызовы времени среагировали библиотеки, деятельность которых в первую очередь ориентирована на удовлетворение информационных потребностей динамично развивающихся сфер жизни общества (науки, инноваций, образования, различных сегментов экономики): Национальная библиотека Беларуси, республиканские и академические библиотеки, библиотеки ведущих учреждений высшего образования. Постепенно в процесс цифровизации вовлекаются и публичные библиотеки страны, главными социальными функциями которых выступают культурная и просветительская. В настоящее время существенное место во взаимодействии библиотек и их пользователей занимает коммуникация в цифровой среде, основанная на обеспечении доступа к электронным информационным ресурсам и удаленном обслуживании. В этой связи актуальным является анализ возможностей библиотек по обеспечению собственной видимости и работы в виртуальном пространстве, а также по активной реализации социальных функций библиотек в условиях цифровизации.

Цель статьи – проанализировать деятельность библиотек Беларуси в условиях цифровизации с точки зрения создания ими собственных информационных ресурсов (далее – ИР). В соответствии с определением, применяемым в законодательных документах в сфере информации и информатизации, под ИР понимается «организованная совокупность документированной информации, включающая базы данных, другие совокупности взаимосвязанной информации в информационных системах» [1, ст. 1]. Таким образом, предполагаются различные формы и способы представления организованной совокупности информации в виде ИР.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) определить степень востребованности ИР собственной генерации пользователями научных библиотек;
- 2) выявить библиотеки, участвующие в процессе генерации ИР;
- 3) определить доли участников общего однотипного сегмента; сравнить уровень

вовлеченности библиотек разных типов в этот процесс.

Основная часть

Создаваемые научными библиотеками ИР в первую очередь ориентированы на коммуникацию с пользователями в цифровой среде. Поэтому данные об онлайн-посещении научных библиотек напрямую отражают и востребованность ИР собственной генерации. Основной контингент пользователей Национальной библиотеки Беларуси, ежегодное количество посещений которой превышает 5,5 млн, представлен научным сегментом. Среди национальных библиотек стран СНГ Национальная библиотека Беларуси по количеству ежегодных посещений уступает только Российской государственной библиотеке и Российской национальной библиотеке. Отметим, что почти 9 из 10 посещений Национальной библиотеки Беларуси (87,3 %) осуществляются в удаленном режиме [2, с. 5].

Количество посещений академических библиотек страны (Центральной научной библиотеки НАН Беларуси и Белорусской сельскохозяйственной библиотеки НАН Беларуси) в 2022 г. составило около 1 млн. Основная их часть приходится на онлайн-посещения: 88,6 % от общего количества посещений Центральной научной библиотеки НАН Беларуси и 98,6 % – Белорусской сельскохозяйственной библиотеки НАН Беларуси [3, с. 436–441].

Схожая ситуация характерна и для других республиканских научных библиотек. Так, Республиканскую научную медицинскую библиотеку в 2022 г. пользователи посетили 692 184 раза, из них 85 % посещений осуществлены онлайн [4].

Таким образом, показатели онлайн-посещений научных библиотек свидетельствуют о важнейшей роли создаваемых научными библиотеками ИР для коммуникации в цифровой среде. Большая часть посещений научных библиотек в настоящее время осуществляется в удаленном режиме через обращение к ИР.

Данные о развитии информационного общества в Беларуси доступны из различных источников: средств массовой информации, статистических сборников и систем учета, аналитических отчетов, научных публикаций и др. Так, в целях создания

единой системы учета и сохранности ИР, создания условий для их передачи на государственное архивное хранение, информирования государственных органов, физических и юридических лиц о составе и содержании информационных ресурсов в Республике Беларусь осуществляется государственная регистрация ИР [1, ст. 24]. Государственная регистрация ИР ведется Министерством связи и информатизации путем внесения сведений об ИР в Государственный регистр информационных ресурсов, ведение регистра возложено на научно-инженерное республиканское унитарное предприятие «Институт прикладных программных систем». Поэтому для определения уровня вовлеченности библиотек страны в процесс информатизации в части создания собственных ИР были использованы данные Государственного регистра информационных ресурсов.

Государственный регистр информационных ресурсов является республиканским государственным информационным ресурсом, включающим в себя сведения о составе и назначении зарегистрированных ИР с указанием их собственников (владельцев), условий использования и доступа к информации, содержащейся в них [5]. Регистр доступен онлайн по адресу <http://грис.бел> и позволяет знакомиться с внесенными в него сведениями без регистрации. Используя функциональные возможности поисковой системы, мы сформулировали несколько поисковых запросов в целях выявления ИР, сгенерированных библиотеками для отбора ИР:

1) владельцами которых являются библиотеки, содержащие в своем наименовании часть слова библио-: добавлены фильтры «владелец» и «содержит» и в поисковое поле внесено «библио»;

2) владельцами которых являются библиотеки, наименование которых передано аббревиатурами: добавлены фильтры «владелец» и «содержит» и поочередно проведены поиски «нтб», «цнб», «белсхб»;

3) которые сгенерированы библиотеками, являющимися структурными подразделениями иных субъектов, поиск строился исходя из направлений деятельности библиотек и включал несколько последовательных запросов, которые формировались следующим образом: добавлены фильтры «пол-

ное наименование ИР» и «содержит», а в поисковое поле поочередно внесено «библио», «каталог», «репозит».

При проведении всех вариантов поиска ИР были ограничены по статусу «актуальные». Результаты всех поисковых запросов были проверены на повторы. В итоге был сформирован общий перечень, в который вошли 234 ИР. По данным регистра на 9 июня 2022 г., количество актуальных ИР – 26 321, следовательно, удельная доля биб-

лиотечных ИР составила 0,9 % от общего количества.

Для раскрытия качественных характеристик ИР при государственной регистрации указывается его тип. В соответствии с предложенной в реестре типологизацией библиотечные ИР представлены базами данных, сайтами, электронными изданиями и коллекциями электронных изданий (рисунок 1).

Рисунок 1 – Распределение ИР, созданных библиотеками, по типам

Почти две трети ИР, созданных библиотеками, составляют базы данных (65 %), среди них – библиографические, реферативные, полнотекстовые, фактографические и краеведческие базы данных. Около четверти ИР представлены веб-сайтами организаций/предприятий и тематическими веб-сайтами (порталами) (24 %). Кроме того, библиотечные ИР включают коллекции

электронных изданий (8 %), к числу которых относятся репозитории, электронные библиотеки и электронные версии изданий, а также электронные издания (3 %).

ИР публичных, научных и научно-технических библиотек представлены четырьмя типами, библиотек учреждений высшего образования – тремя (рисунок 2).

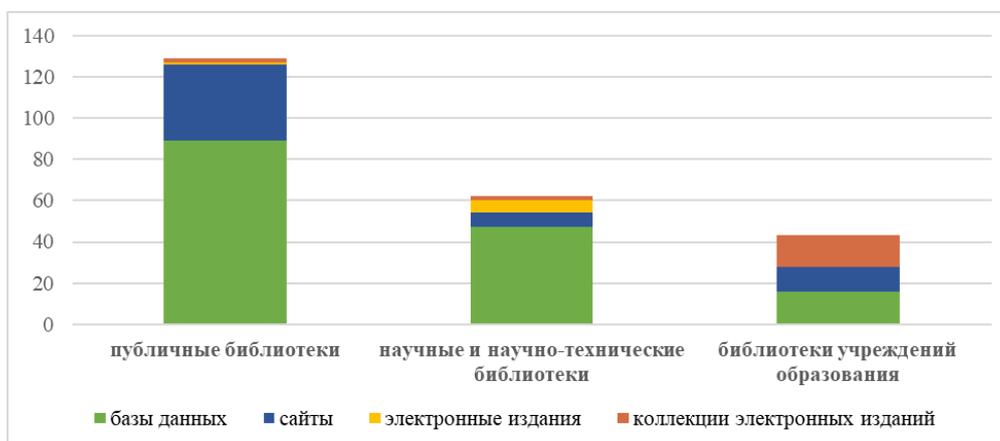

Рисунок 2 – Распределение типов ИР по видам библиотек

Если в первых двух видах библиотек явно доминируют базы данных, то ИР, созданные вузовскими библиотеками, примерно одинаково распределяются между базами данных, сайтами и коллекциями электронных ресурсов: 16, 12 и 15 соответственно. Все библиотечные ИР собственной генерации, включенные в регистр, представлены в свободном онлайн-доступе. Такой подход позволяет библиотекам не только

присутствовать в веб-пространстве, но и улучшать востребованность ИР среди пользователей библиотек.

Анализ полученных сведений об ИР, к созданию которых имеют отношение библиотеки, позволяет сделать вывод о том, что такая деятельность ведется в библиотеках различных видов: публичных, научных и научно-технических, библиотек учреждений высшего образования (таблица 1).

Таблица 1 – Виды библиотек, которыми созданы ИР собственной генерации

Виды библиотек	Количество субъектов	Количество объектов (ИР)
Публичные библиотеки	27	129
Научные и научно-технические библиотеки	11	62
Библиотеки учреждений образования	22	43

Количественные показатели свидетельствуют о том, что более половины (55,1 %) библиотечных ИР собственной генерации были созданы публичными библиотеками. В то же время необходимо учитывать, что эта категория библиотек является самой массовой: число публичных библиотек на конец 2021 г. составило 2 432 [6, с. 26], которые объединены в областные, районные и городские сети публичных библиотек во главе с Национальной библиоте-

кой Беларуси (всего 137 субъектов) [7–14]. Уровень участия публичных библиотек в генерации собственных ИР неодинаков. Так, если вовлеченность областных библиотек в этот процесс составляет 67 % от общего количества субъектов данного типа, городских – 33 %, то районных – лишь 16 % (таблица 2). В среднем 20 % от общего количества публичных библиотек участвуют в создании собственных ИР.

Таблица 2 – Вовлеченность публичных библиотек в процесс создания ИР

Тип	Количество субъектов		Количество ИР
	всего	создающих ИР	
Национальная библиотека Беларуси	1	1	18
Областные библиотеки	6	4	39
Районные библиотечные сети	118	18	49
Городские сети библиотек	12	4	23

Наиболее продуктивной библиотекой в создании ИР собственной генерации ожидаемо является Национальная библиотека Беларуси: в регистр включены ее 18 актуальных ИР. Активную работу по созданию ИР ведут некоторые областные библиотеки: Могилевской областной библиотекой имени В. И. Ленина зарегистрированы 18 ИР, Гомельской областной универсальной библиотекой имени В. И. Ленина – 13 ИР, Витебской областной библиотекой имени В. И. Ленина – 6 ИР, Брестской областной библиотекой имени М. Горького – 2 ИР. Информационные ресурсы, созданные Минской областной библиотекой имени Пушкина и Гродненской областной научной библиотекой имени Е. Ф. Карского, в регистре отсутствуют.

Среди городских сетей публичных библиотек лидерами по созданию ИР, как и в ситуации с областными библиотеками, являются Могилев и Гомель: в Центральной сети городских публичных библиотек г. Могилева создано 12 ИР, в сети публичных библиотек г. Гомеля – 9. По одному ИР создано в Пинской городской централизованной библиотечной системе и в централизованной библиотечной системе г. Барановичи. Из тех районных сетей публичных библиотек, где ведется работа по созданию ИР собственной генерации, выделяется библиотечная сеть Хотимского района, которая зарегистрировала 10 ИР. Горецкой районной библиотечной сетью созданы 6 ИР, Мозырской и Круглянкой централизованными библиотечными системами – по 5, Климо-

вичской библиотечной сетью – 4, Борисовской центральной районной библиотекой имени Колодеева – 3, библиотечной сетью Кричевского района – 3, централизованными библиотечными сетями Островецкого и Быховского районов – по 2 ИР, по 1 ИР зарегистрировали Березовская районная библиотечная система, централизованная библиотечная сеть Осиповичского района, Дрибинская и Костюковичская библиотечные сети, Рогачевская и Пинская районные централизованные библиотечные системы, Речицкая и Светлогорская районные сети библиотек, Слонимская районная библиотека имени Я. Коласа.

Таким образом, деятельность по созданию собственных ИР в публичных библиотеках наиболее активно ведется в Национальной библиотеке Беларуси и в координационных центрах сетей публичных

библиотек областного уровня. Следует отметить, что в региональном разрезе наиболее вовлечены в процесс создания ИР собственной генерации публичные библиотеки Могилевщины и Гомельщины, причем на всех уровнях (областных библиотек, городских и районных сетей).

Четвертая часть (26,5 %) библиотечных ИР собственной генерации создана научными и научно-техническими библиотеками. В этом процессе участвуют все республиканские специальные научные библиотеки, а также областные научно-технические библиотеки и несколько библиотек научно-исследовательских организаций (таблица 3). Ведущее место в деятельности по созданию ИР в библиотеках этого вида принадлежит учреждениям республиканского уровня.

Таблица 3 – Участие научных и научно-технических библиотек в создании ИР

Наименование библиотеки	Количество ИР
Президентская библиотека Республики Беларусь, Республиканская научная медицинская библиотека	15
Республиканская научно-техническая библиотека	12
Белорусская сельскохозяйственная библиотека НАН Беларуси	7
Центральная научная библиотека НАН Беларуси	5
Гомельская областная научно-техническая библиотека, Гродненская областная научно-техническая библиотека	2
Могилевская областная научно-техническая библиотека, ОАО «Гипросвязь», Библиотека Института мелиорации НАН Беларуси, Библиотека Объединенного института машиностроения НАН Беларуси	1

Библиотеки высших учебных заведений также вовлечены в процесс генерирования ИР: на их долю приходится 18,4 % от общего количества созданных библиотеками ИР. Примечательно, что в Государственном регистре ИР были выявлены 22 вуза, библиотеки которых осуществляют работу по созданию ИР (таблица 4), в то время как в сводной отчетности основных показате-

лей деятельности библиотек учреждений высшего образования по итогам 2021 г. количество библиотек, имеющих собственные ИР (электронные библиотеки, репозитории), составило 35 [13, п. 2.2.5.1]. Следовательно, можно предположить, что не все ИР, создаваемые библиотеками (причем не только вузовскими, но и другими), регистрируются в Государственном регистре ИР.

Таблица 4 – Учреждения высшего образования, библиотеки которых имеют ИР собственной генерации

Учреждение образования	Количество ИР
Витебский государственный университет, Полоцкий государственный университет	4
Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Витебская государственная академия ветеринарной медицины, Витебский медицинский университет, Белорусской государственный университет культуры и искусств, Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова	3
Белорусский государственный университет физической культуры, Белорусский государственный экономический университет, Витебский государственный технологический университет, Гомельский государственный технологический университет имени П. О. Сухого, Брестский государственный технический университет	2

Окончание таблицы 4

Академия последипломного образования, Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, Международный университет «МИТСО», Минский государственный лингвистический университет, Белорусский государственный технологический университет, Белорусско-Российский университет, Белорусский государственный университет	1
--	---

Таким образом, можно отметить следующее:

1) основная доля посещений научных библиотек в настоящее время осуществляется в онлайн-режиме;

2) библиотеки Беларуси вовлечены в процесс информатизации и цифровизации путем создания собственных ИР;

3) библиотеки разных типов и видов участвуют в генерировании ИР; наиболее широко представлены публичные, наиболее интенсивно – научные и научно-технические библиотеки;

4) ИР библиотек собственной генерации в большинстве своем представлены базами данных и сайтами, в меньшей степени – электронными изданиями и коллекциями электронных изданий;

5) не все создаваемые библиотеками информационные ресурсы регистрируются в Государственном регистре информационных ресурсов.

Заключение

Традиционные институции систематизированной легитимной, авторитетной и во многом уникальной информации, такие как библиотеки, архивы, музеи, в современных условиях повсеместной цифровизации не остаются в стороне и делают информацию более видимой и доступной для использования, применяя информационно-коммуникационные и сетевые технологии. В частности, одним из направлений деятельности библиотек, которое призвано не допустить их замещения альтернативными источниками информации наряду с форми-

рованием информационных ресурсов и расширением сервисных возможностей для пользователей является создание собственного информационного контента.

Представленные результаты исследования свидетельствуют, что в целом благодаря существующим библиотечным ИР собственной генерации обеспечивается присутствие библиотек Беларуси в электронной среде и Интернете: функционируют сайты республиканских, областных, центральных, районных и других библиотек, ведутся электронные каталоги, создаются полнотекстовые цифровые ресурсы (базы данных, электронные библиотеки, репозитории). В то же время необходимо учитывать, что влияние цифровизации на трансформацию форм реализации своих функций библиотеками продолжается. Помимо применения ИР (собственной генерации и приобретенных), которые способствуют накоплению и раскрытию библиотечных фондов и совершенствуют сервисные возможности библиотек, важным направлением в деятельности библиотек является и развитие таких социальных опций, как обучение информационной грамотности, виртуальная коммуникация с пользователями, социокультурная активность библиотек в цифровой среде и др. Сочетание традиционных и инновационных технологий, форм и способов для реализации социальных функций библиотек будет способствовать улучшению их видимости для пользователей и позволит оставаться востребованными для общества в целом и для научных работников в частности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455>. – Дата доступа: 29.05.2023.

№ 673 // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Rjespubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C20900673>. – Data dostupa: 29.05.2023.

6. Bielarus' v cifrah : stat. sprav. / Nac. stat. kom. Rjesp. Bielarus'. – Minsk : Nac. stat. kom. Rjesp. Bielarus', 2022. – 67 s.

7. Central'nyje biblioteki Briestskej oblasti [Eliektronnyj riesurs] // Briest. obl. b-ka. – Riezhim dostupa: <http://www.brl.by/tsentralnye-biblioteki/>. – Data dostupa: 29.03.2023.

8. Gorodskije seti publicnykh bibliotiek Vitiebskej oblasti [Eliektronnyj riesurs] // Vitieb. obl. b-ka. – Riezhim dostupa: <http://vlib.by/index.php/ru/2012-08-30-14-59-31/126-gorodskie-seti-publicnykh-bibliotek-vitebskoj-oblasti>. – Data dostupa: 29.05.2023.

9. Publicnyje biblioteki Gomiel'skoj oblasti [Eliektronnyj riesurs] // Gomiel. obl. univ. b-ka. – Riezhim dostupa: http://static.goub.by/html/net_region/net_region11.html. – Data dostupa: 29.05.2023.

10. Biblijateki voblastci [Eliektronny resurs] // Hrodzien. abl. navuk. b-ka. – Rezhym dostupu: <https://grodnolib.by/>. – Data dostupu: 29.05.2023.

11. Biblioteki Minshchiny [Eliektronnyj riesurs] // Min. obl. b-ka. – Riezhim dostupa: <http://pushlib.org.by/node/2108>. – Data dostupa: 29.05.2023.

12. Biblioteki oblasti [Eliektronnyj riesurs] // Mogiliov. obl. b-ka. – Riezhim dostupa: <https://libmogilev.by/libraries-region.html>. – Data dostupa: 29.05.2023.

13. Biblioteki-filialy [Eliektronnyj riesurs] // Centraliz. sistiema gos. publich. b-k g. Minska. – Riezhim dostupa: <https://publib.by/biblioteki-filialy/>. – Data dostupa: 29.05.2023.

14. Biblioteki [Eliektronnyj riesurs] // Centraliz. sistiema diet. b-k g. Minska. – Riezhim dostupa: <https://childlib.by/o-nas/biblioteki/>. – Data dostupa: 29.03.2023.

15. Osnovnyje pokazateli dejatel'nosti bibliotiek uchriezhdienij vysshego obrazovanija Rjespubliki Bielarus' za 2021 g. [Eliektronnyj riesur // Fundam. b-ka BGU. – Riezhim dostupa: https://library.bsu.by/plugins/content/pdf_embed/assets/viewer/pdfjs/web/pdfs/pokazateli-2021.pdf. – Data dostupa: 29.05.2023.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 09.10.2023

УДК 343.341:316.624

Наталья Михайловна Лира*аспирант 1-го года обучения отдела социальной теории и методологии
Института социологии Национальной академии наук Беларуси***Natallia Lira***1-st Year Postgraduate Student of the Department of Social Theory and Methodology
of Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus
e-mail: lira.n@polessu.by***ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА
КАК СОЦИАЛЬНО-ДЕСТРУКТИВНОГО ЯВЛЕНИЯ**

На основе анализа философских, политологических социологических и юридических исследований раскрывается сущность и содержание экстремизма как социально-деструктивного явления. Обосновывается научная целесообразность использования междисциплинарного подхода к исследованию экстремизма, что позволит рассмотреть экстремизм как негативный социальный феномен. На основе социогуманитарных научных трудов отечественных и зарубежных исследователей, нормативных правовых актов, регулирующих вопросы противодействия экстремистской деятельности, выявлено значительное разнообразие дефиниций экстремизма. Для выявления сущности и форм проявления экстремизма используется комплексный социально-правовой подход. Предлагается авторское определение экстремизма как социально-деструктивного явления, позволяющее решать теоретические и практические задачи, направленные на профилактику экстремизма и совершенствование мероприятий по повышению эффективности противодействия экстремистским проявлениям.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская идеология, экстремистская деятельность, девиантное поведение, преступная деятельность, междисциплинарный подход.

***Theoretical and Methodological Foundations of the Sociological Study of Extremism
as a Socially Destructive Phenomenon***

Based on the analysis of philosophical, political sociological and legal studies, this article reveals the essence and content of extremism as a socially destructive phenomenon. The purpose of this study is to substantiate the scientific expediency of using an interdisciplinary approach to the study of extremism, which will allow to consider extremism as a negative social phenomenon. On the basis of socio-humanitarian scientific works of domestic and foreign researchers, normative legal acts, regulating issues of counteraction to extremist activity, a significant variety of definitions of extremism was revealed. For revealing of essence and forms of extremism manifestation, it is offered to use complex social and legal approach. The author's definition of extremism as a social and destructive phenomenon, which would allow solving theoretical and practical problems, aimed at prevention and improvement of measures to increase the effectiveness of counteracting extremist manifestations, is proposed.

Key words: extremism, extremist ideology, extremist activity, deviant behavior, criminal activity, interdisciplinary approach.

Введение

Сегодня обострение геополитических противоречий и углубление социальной неуверенности стали феноменами современной социальной реальности. Это создает реальную угрозу жизни общества, отрицательно сказывается на основных духовных и нравственных ценностях, национальной

безопасности, дестабилизирует общественный порядок. Эти и другие факторы обуславливают сегодняшний интерес к экстремизму как социально-деструктивному явлению и необходимость формирования эффективной системы мер по предупреждению и противодействию экстремизма в современном белорусском обществе.

Научный руководитель – Николай Александрович Барановский, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социальной теории и методологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Этимологически слово «экстремизм» образовано от латинских терминов *extremitas*, что переводится как «крайность», и *extremus* – «крайний». Существует точка зрения, что в древности эти понятия употреблялись для детализации самой удален-

ной точки относительно какого-либо от-правного пункта. Например, выражение «*extremitas mundi*» определяло границу мира. Впервые латинский термин «*extremus*» в политическом дискурсе в своих трудах употребил французский философ-просветитель эпохи Просвещения Шарль Луи де Монтескьё. Шарль де Монтескьё, описывая деспотию и прямую демократию, использовал термин «крайний» и вкладывал в понятие экстремизма негативное значение.

Свое юридическое обоснование экстремизм получил в начале XX ст. Французский юрист М. Лерой впервые использовал данный термин для оценки событий гражданской войны в России. В отношении действовавших в то время политических сил М. Лерой применил следующую классификацию: «красный экстремизм» – большевизм, «белый экстремизм» – монархизм [1].

Слово «экстремизм» для русского языка является заимствованным из французского языка – *extrémisme* – и этимологически из латинского: *extremus* – «крайний, конечный». Например, не содержат определение экстремизма «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Словарь белорусского наречия», изданный И. И. Носовичем. В подавляющем большинстве иных справочных источников, в т. ч. в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, в «Словаре терминов по политологии» под редакцией В. И. Бобровица, Н. И. Марчинской, Л. Н. Кривороты, «Словаре иностранных слов» под редакцией И. В. Лехина определения экстремизма являются идентичными. Под экстремизмом традиционно понимают приверженность к крайним взглядам, мерам.

В современных отечественных и зарубежных исследованиях содержится значительное разнообразие дефиниций экстремизма. Однако исследования последних лет так и не привели к комплексному междисциплинарному подходу, к универсальному определению рассматриваемой социальной категории.

Отправной точкой анализа этимологии форм экстремизма и феноменологии экстремизма как фонового явления преступности и разновидности социально-деструктивных отклонений являются различные концепции происхождения и распространения экстремизма: идеологические, социоло-

гические, социально-психологические, правовые, – раскрывающие многообразные аспекты феномена экстремизма.

Ведущими концептуальными подходами к определению понятия экстремизма являются:

1) социологическая концепция (Ю. Акунина, И. Вехов, А. Сериков, Н. Афанасьев);

2) политологическая концепция (Д. Ольшанский, М. Мидларски, Р. Скрутон, Ю. Тушкова);

3) юридическая концепция (Г. Василевич, А. Никитин, Д. С. Фридинский, А. Хлебушкин);

4) психологическая концепция (Ю. Зубок, А. Бартоли, А. Томалинцев, С. Целиковский, М. Шогенов, Т. Поспелова);

5) философская концепция (А. Хоровинников, Т. Излученко, Р. Афанасьева).

Философские подходы к изучению экстремизма

Исследователи феномена экстремизма в рамках философского подхода изучают, как правило, экстремистскую деятельность в контексте конфликтологического анализа. А. А. Хоровинников отмечает, что в основе экстремизма лежит специфическая форма отторжения, «направленная на достижение крайних, предельных состояний человеческого сознания, что выражается в системе деструктивной активности и провоцирует конфликт» [2]. Эта точка зрения примечательна в контексте исследования экстремистских действий человека, выражающихся в агрессии и деструкции для достижения определенной цели.

Э. Г. Филимонов отмечает, что экстремизм – это приверженность к крайним взглядам и действиям. Экстремизм может проявляться в любой сфере жизнедеятельности людей. Современный российский философ А. В. Томалинцев определяет экстремизм как крайнюю степень пренебрежения, игнорирование общепринятых норм, правил и принципов.

Близким к этому является подход Л. В. Басовой, которая под экстремизмом предлагает понимать экстремистскую идеологию, в основе которой лежат насильственные средства и убежденность, что различные социальные проблемы можно разрешить с помощью насилия. С помощью

данных деструктивных средств достигаются поставленные цели [3].

В свою очередь, Н. Н. Афанасьев предлагает понимать под экстремизмом тип мировоззрения. Подобная научная позиция прослеживается и у исследователей В. Ю. Вещагина и М. И. Лабунца, которые определяют экстремизм как идеологию, предусматривающую: 1) принудительное распространение ее принципов; 2) нетерпимость к оппонентам и насильственное их подавление, которая формируются под воздействием экстремальных условий [4].

Таким образом, с точки зрения философии экстремизм является особой формой мировоззрения, системой крайних взглядов и деструктивных действий, формирующихся под воздействием экстремальных условий.

Политологический анализ экстремизма

Согласно сложившемуся политологическому подходу экстремизм изучается как социально-деструктивное явление, проявляющееся в реализации идеологическими группами радикальных политических целей и идей. Так, Ю. В. Тушкова полагала, что экстремизм выступает как идеология, которая определяет и формирует мировоззрение, носящее характер применения насилия для достижения цели [5]. Особенностью данного подхода является то, что экстремизм представляет собой радикальную форму политической борьбы.

Вызывает интерес и точка зрения зарубежного исследователя Роджера Скрутона, согласно которой экстремизм – это приверженность к крайним политическим идеям и мыслям, нетерпимость к взглядам и идеям других людей, а также использование для достижения политических целей радикальных способов, которые ущемляют права, свободы других людей [6]. Определение Р. Скрутона аналогично дефиниции, данной в «Советском энциклопедическом словаре», в котором экстремизм определяется как «приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике)» [7], либо в «Словаре терминов по политологии» под редакцией В. И. Бобровича, где экстремизм рассматривается как тип политического поведения, характеризующийся приверженностью крайним методам решения политических проблем и конфликтов [8].

Наиболее удачной, на наш взгляд, представляется дефиниция, предложенная белорусским исследователем А. И. Веруш, согласно которой под экстремизмом подразумеваются теории и практики достижения различных целей посредством «крайних», запрещенных способов: от актов вандализма до насильственного изменения конституционного строя [9].

Словенский исследователь А. Сотлар предлагает трактовать исследуемую категорию только как политический феномен. А. Сотлар, исследуя экстремизм в качестве деструктивного явления, указывал на нелегитимные виды деятельности, направленные против существования демократического политического режима [10].

По мнению И. Мидларского, экстремизм представляет собой множество идеологических форм, включая фашизм, нацизм, радикальный исламизм, советский, китайский и камбоджийский коммунизм и крайний национализм. В свою очередь, профессор Д. В. Ольшанский в контексте проведенного им анализа рассматривает экстремизм как дальнейшее развитие радикализма. По мнению Д. В. Ольшанского, радикализм чаще всего проявляет себя в содержании идей, а экстремизм охватывает сферу действий и воплощает их в реальность.

Таким образом, представленный обзор различных точек зрения позволяет сделать вывод, что экстремизм в политологическом дискурсе рассматривается как политическая идеология, представляющая угрозу конституционному строю страны, использующая при этом различные формы нелегитимного насилия. При этом политологи в своих взглядах на экстремизм делают упор на социально-политические аспекты, на этносоциальное взаимодействие, на инструменты и принципы расстановки и противостояния различных политических сил.

Психологический дискурс изучения экстремизма

В рамках психологического подхода понимание экстремизма базируется на психическом поведении личности. Представители данного научного направления избирают в качестве цели своего исследования психологические характеристики экстремистско ориентированной личности и ценностно-психологического поля, выявляя

особенности личностного и группового сознания.

Вызывает интерес точка зрения доктора Питера Т. Колемана (Peter T. Coleman) и доктора Андреа Бартоли (Andrea Bartoli): они предлагают экстремизм рассматривать как набор убеждений, отношений, чувств, действий либо поведений, а не только как стратегию или идеологию [11]. На такую трактовку экстремизма необходимо обратить внимание, т. к. одно и то же событие может быть расценено сторонами конфликта диаметрально противоположно.

В формулировке А. А. Козлова экстремизм является социально-биологическим и психологическим явлением, основанным на превышении допустимых пределов при наличии злого умысла или умысла [12]. Таким образом, он определяет сущность экстремизма как зло, в частности, используя концепции «злой умысел», «злоба».

Что касается идеологической основы экстремизма, то С. Н. Булгаков еще в начале XX в. описал концепцию «героизма самообожения». Представленная С. Н. Булгаковым психология героизма актуальна и в наши дни и проявляется в идеологии экстремистских националистических, религиозных и других общественных организаций.

Особенности экстремистского «стиля» поведения попытались исследовать в своих работах В. А. Соснин, М. Х. Шагапсоева, М. М. Решетников. Следует обратить внимание и на точку зрения Ю. М. Антоняна и Е. Н. Юрасова, считавших, что синдром экстремизма, включая акты терроризма, являются результатом нарушений и расстройств личности, во многих случаях зародившихся еще в раннем детстве. Говоря о предрасположенности к экстремистскому поведению на психологическом уровне, исследователи выделяют нездоровые детско-родительские взаимоотношения, которые, в свою очередь, вызывают дефекты самооценки.

Таким образом, результаты психологических исследований определяют экстремизм как проявление девиантного поведения, в основе которого лежит выраженная экстремальность личности в сочетании с неоправданным насилием и агрессией, провоцированием конфликтов и применением угроз.

Социологический анализ экстремизма

В современной зарубежной социологической литературе феномен экстремизма результативно находит объяснение с позиции классической теории аномии социологической школы Э. Дюркгейма (1858–1917) и научной социологической школы Р. Мертона (1910–2003), который является основателем теории социального напряжения. Согласно типологии девиантного поведения, предложенной Р. Мертоном, экстремизм относится к такому типу девиантности, как «мятеж», который характеризуется пренебрежением существующими социальными целями и средствами их достижения и поэтому целенаправленно заменяет их своими собственными.

Действия экстремистского содержания в контексте девиантного поведения получили свое развитие в трудах Ю. Акуниной, И. В. Вехова, А. Серикова, О. Русановой, Т. Рябинской, А. Резникова, В. Мозгового, Н. Афанасьева.

Как полагает белорусский социолог И. Н. Харитонов, экстремистские действия проявляются «в радикальных нетолерантных поступках, дискриминации, сегрегации и депортации, расизме, фашизме и насилии, групповом и индивидуальном поведении, реализующем данные взгляды» [13].

С точки зрения социолога А. В. Резниковой, действия экстремистской направленности нарушают права и свободы человека и гражданина, общественную безопасность, государственную целостность и международный авторитет государства и его лидеров [14, л. 17].

И. В. Вехов указывает, что скрытые экстремистские взгляды распространены в обществе более широко, чем открытые и присутствуют во всех его слоях [15].

По нашему мнению, именно латентный экстремизм может стать плодородной почвой для распространения экстремистской идеологии в открытой форме, оказать серьезное влияние и на социально-психологический климат в обществе, что, в свою очередь, может повлечь катастрофические последствия для общества. В связи с этим необходимо проводить анализ рисков латентного экстремизма, чтобы выявить обстоятельства, способствующие совершению девиантного поведения, возможность прогно-

зирования «открытого» экстремизма, определить направления профилактики и разработать меры предупреждения девиантного поведения.

Таким образом, с точки зрения социологии экстремизм рассматривается как специфическое поведение индивида или социальных групп, направленное не только на нарушение правовых норм, но и на устойчивую направленность на отклонение от общепринятых и разделяемых большей частью общества норм и отношений. Для экстремизма, приобретающего характер социального явления, характерны следующие свойства: деструктивная активность, направленная на представителей определенных социальных групп или сложившейся системы управленческих и властных отношений в целом или отдельных его элементов, и чувство неудовлетворенности.

Юридический аспект изучения экстремизма

С юридической точки зрения экстремизм представляет собой противоправные, запрещенные законом действия, преимущественно связанные с насилием. Так, правовед С. Н. Фридинский предлагает трактовать экстремизм как «деятельность общественных, политических и религиозных объединений либо иных организаций, средств массовой информации, физических лиц по планированию, организации, подготовке, финансированию либо иному содействию ее осуществления, в т. ч. путем предоставления финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств, а также совершение действий, направленных на установление единственной идеологии в качестве государственной» [16, с. 10]. Таким образом, автор отражает материальную сторону приверженности к крайним взглядам и мерам. В то же время понимание данного общественно-политического явления усложняется информационной перегрузкой.

Е. П. Сергун определяет экстремизм как явление, не выходящее за какие-либо «рамки». Противоположной точки зрения придерживается А. Г. Хлебушкин, рассматривающий экстремизм как деятельность, вы-

ходящую за пределы дозволенного, за рамки правового поля, указывая, что крайний означает выходящий за какие-либо рамки, нормы.

Обращаясь к юридическим определениям экстремизма, стоит отметить, что дефиниция «экстремизм» уже закреплена во многих положениях международно-правовых актов, национальном законодательстве многих стран. Так, в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, заключенной 15 июня 2001 г., представлено расширенное понятие экстремизма, которое трактуется как «какое-либо деяние, направленное на то, чтобы осуществить насильственный захват власти, насильственное удержание власти или насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в т. ч. организация в указанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них» [17].

Принято считать, что подобное определение наиболее точно описывает данное правовое явление и может представлять основу для определения термина «экстремизм» в национальных законодательствах.

В Республике Беларусь юридическое определение того, какие действия считаются экстремистскими, содержится в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 04.01.2007 № 203-З «О противодействии экстремизму». В соответствии с внесенными дополнениями от 14 мая 2021 г. к экстремизму (экстремистской деятельностью) относятся:

- насильственное изменение конституционного строя и (или) территориальной целостности Республики Беларусь;
- захват или удержание государственной власти неконституционным путем;
- создание экстремистского формирования либо участие в экстремистском формировании;
- содействие осуществлению экстремистской деятельности, прохождение обучения или иной подготовки для участия в такой деятельности;
- распространение в этих целях заведомо ложных сведений о политическом, экономическом, социальном, военном или международном положении Республики Беларусь, правовом положении граждан в Рес-

публике Беларусь, дискредитирующих Республику Беларусь;

– оскорбление в этих целях представителя власти в связи с исполнением им служебных обязанностей, дискредитации органов государственной власти и управления;

– создание в этих целях незаконного вооруженного формирования;

– осуществление террористической деятельности;

– разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, политической или идеологической вражды, вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы, в т. ч. совершение в указанных целях противоправных деяний против общественного порядка и общественной нравственности, порядка управления, жизни и здоровья, личной свободы, чести и достоинства личности, имущества;

– организация и осуществление массовых беспорядков, актов вандализма, сопряженных с повреждением или уничтожением имущества, захвата зданий и сооружений, иных действий, грубо нарушающих общественный порядок, либо активное участие в них по мотивам расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, политической или идеологической вражды, вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы;

– совершение в этих целях незаконных действий в отношении оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ;

– пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

– распространение экстремистских материалов, а равно изготовление, издание, хранение или перевозка таких материалов в целях распространения;

– реабилитация нацизма, пропаганда или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики и атрибутики, а равно хранение или приобретение такой символики или атрибутики в целях распространения;

– воспрепятствование законной деятельности государственных органов, в т. ч. Центральной комиссии Республики Бела-

русь по выборам и проведению республиканских референдумов, избирательных комиссий, комиссий по референдуму, комиссий по проведению голосования об отзыве депутата, а также законной деятельности должностных лиц этих органов, комиссий, совершенное с применением насилия, угрозы его применения, обмана, подкупа, а равно применение насилия либо угрозы насильем в отношении близких указанных должностных лиц в целях воспрепятствования их законной деятельности или принуждения к изменению характера такой деятельности либо из мести за исполнение ими служебных обязанностей;

– финансирование экстремистской деятельности;

– публичные призывы к организации или проведению в этих целях незаконных собраний, митингов, уличного шествия, демонстрации или пикетирования с нарушением установленного порядка их организации или проведения, либо вовлечения лиц в участие в таких массовых мероприятиях путем насилия, угрозы применения насилия, обмана или выплаты вознаграждения либо иной организации или проведения таких массовых мероприятий, если их проведение повлекло по неосторожности гибель людей, причинение тяжкого телесного повреждения одному или нескольким лицам или причинение ущерба в крупном размере;

– публичные призывы к указанным действиям, а также публичное оправдания таких действий.

Таким образом, анализ современного белорусского законодательства показывает, что нет точного определения экстремизма. В законодательстве лишь перечислены формы и виды проявления экстремистской деятельности, связанные с нарушением правовых норм, предусмотренных, прежде всего, Уголовным кодексом Республики Беларусь.

Изучая национальное законодательство об экстремизме и проблемах ответственности за экстремистскую деятельность, белорусский исследователь, доктор юридических наук В. В. Хилюта сделал следующий вывод: «В настоящее время отсутствует единое понимание сущности самого явления “экстремизм” и его характерных признаков. Наличие противоречий в содержании понятия “экстремизм” влечет проблемы

в определении критериев деяний, содержащих его элементы» [18].

Очевидно, что юриспруденция не в состоянии дать целостную социогуманитарную научную характеристику экстремизма в его многообразных формах. В основе правовой науки лежит дедуктивный метод познания, который характеризует частные виды и формы экстремизма, в то время как первоначальным должно быть его общее (родовое) понятие.

Заключение

Нам представляется, что на основании обобщенных ранее философских, политологических, юридических, психологических и социологических представлений о существующих подходах к определению понятия экстремизма, для объяснения его сущности, признаков и особенностей генезиса (происхождения и развития) необходимо использовать *социально-правовой теоретико-методологический подход*, который позволит комплексно подойти к определению сущности экстремизма как социально-деструктивного явления.

Объединение социальных и правовых концепций в единое теоретическое целое по аналогии с игрой в «конструктор», где из различных компонентов собирается новая формальная и смысловая структура, позволит обратиться к тем эвристическим возможностям, которые могут использоваться в рамках процесса совершенствования в определении общего (родового) понятия экстремизма.

Учитывая характер и сущность основных методологических постулатов социально-правового подхода, на одно из первых мест должно быть поставлено исследование некоторых аспектов сущности экстремизма как социально-деструктивного явления. Определяющим признаком здесь выступает «междисциплинарность». Междисциплинарность является на сегодняшний день поставщиком новых знаний и возможностей. Именно социально-правовой подход носит междисциплинарный характер. При этом социально-правовой подход не должен ограничиваться рамками социологического и юридического анализа, а должен включать в себя ряд сведений из других наук: философии, психологии, политологии.

Анализ ключевых элементов явления экстремизма позволяет, во-первых, на основании комплексного междисциплинарного подхода сформулировать его авторскую интерпретацию, которая представляется наиболее научно обоснованной и плодотворной. Во-вторых, дать описание различных видов и форм действий по продвижению идей, взглядов, мнений, нарушающих права и свободы граждан, общепринятые нормы, регулирующие социальные, национальные, религиозные и иные общественные отношения.

Экстремизм – это антиобщественное социально-правовое деструктивное явление, проявляющееся в системе взглядов, мнений, ценностей, представлений, идей, позиций, деяний или деятельности в демографической, расовой, экономической, политической, социальной, культурной, этнонациональной, религиозной и других сферах общественных отношений, которое направлено на идеологическое, информационное, организационно-управленческое, насильственное или иное противоправное радикальное изменение конституционного строя, усиление социальной дезорганизации, дезинтеграции, напряженности, конфликтности, социокультурной аномии, дегуманизацию общества, дестабилизацию общественной безопасности и правопорядка.

Таким образом, экстремизм имеет ярко выраженный социально-деструктивный характер. Экстремизм можно определить не только как действия, а также выраженные публично идеи, взгляды, мнения, нарушающие установленные законом права и свободы граждан, общепринятые нормы, регулирующие социальные, национальные, религиозные и иные общественные отношения, установленный правопорядок. По нашему мнению, данное определение экстремизма позволит проводить более глубокие и всесторонние его исследования как социального феномена, а также усовершенствовать систему социальных технологий для решения теоретических и прикладных задач, направленных на профилактику и противодействие экстремистским проявлениям.

Кроме того, следует отметить, что на современном этапе такой набор элементов и структур деструктивного явления («экстремизм») позволяет:

1) прогнозировать и устранять основные угрозы, снижающие защищенность общества;

2) определять критерии и пороги состояния социальных групп, в котором возникают риски для национальной безопасности;

3) конкретизировать меры и механизмы, позволяющие уменьшить зависимость отдельных лиц, общества и государства от неблагоприятных внешних факторов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Писаренко, О. Н. Экстремизм как социальное явление / О. Н. Писаренко // Науч. проблемы гуманитар. исслед. – 2010. – № 9. – С. 212–219.
2. Хоровинников, А. А. Экстремизм как социальное явление: философский анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / А. А. Хоровинников. – Саратов, 2007. – 201 л.
3. Баева, Л. В. Экстремизм: природа и формы проявления [Электронный ресурс] / Л. В. Баева // Экстремизм и интолерантность: природа и сущность. – Режим доступа: <https://asu.edu.ru/>. – Дата доступа: 19.02.2023.
4. Верещагин, В. Ю. Политический экстремизм в контексте модернизации современной российской государственности / В. Ю. Верещагин, М. И. Лабунец // Философия права. – 2002. – № 2. – С. 79–84.
5. Тушкова, Ю. В. Государственная политика противодействия экстремизму в Великобритании : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Ю. В. Тушкова. – Казань, 2018. – 24 с.
6. What is Political «Extremism» [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.voluntaryist.com/articles/027a.php>. – Date of access: 11.02.2023.
7. Советский энциклопедический словарь. – М., 1981. – С. 1552.
8. Бобрович, В. И. Словарь терминов по политологии [Электронный ресурс] / В. И. Бобрович, Н. И. Марчинская, Л. Н. Криворот. – Минск : МГЛУ, 2018. – 40 с. – Режим доступа: <http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/928>. – Дата доступа: 11.02.2023.
9. Веруш, А. И. Дать отпор экстремизму / А. И. Веруш // Беларус. думка. – 2017. – № 3. – С. 88–94.
10. Sotlar, A. Some Problems with Definition and Perception of Extremism within Society [Electronic resource] / A. Sotlar. – Mode of access: <http://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/Mesko/208033.pdf>. – Date of access: 12.01.2023.
11. Coleman, Peter T. Addressing Extremism [Electronic resource] / Peter T. Coleman, A. Bartoli. – Mode of access: <https://framed.com/wp-content/uploads/2015/12/WhitePaper-on-Extremism.pdf>. – Date of access: 12.01.2023.
12. Козлов, А. А. Проблемы исследования и профилактики экстремизма / А. А. Козлов // Актуальные вопросы исследования и профилактики экстремизма : материалы междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2004. – С. 13.
13. Харитонов, И. Н. Кризис политики мультикультурализма и ксенофобии в странах Европы / И. Н. Харитонов // Социол. альм. – 2012. – Вып. 3. – С. 186–195.
14. Резникова, А. В. Структурные и динамические характеристики современного религиозного экстремизма (роль «исламского фактора» в Северо-Кавказском регионе) : дис. ... канд. социол. наук : А. В. Резникова. – Ростов н/Д, 2005. – 160 л.
15. Вехов, И. В. Экстремизм в современной России: механизм воспроизводства и меры социального контроля : автореф. дис. ... канд. социол. наук / И. В. Вехов. – СПб., 2011. – С. 17.
16. Фридинский, С. Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Н. Фридинский. – Ростов н/Д, 2003. – 27 с.
17. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс] // Электрон. фонд правовых и норматив.-техн. док. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901812033?marker=6520IM>. – Дата доступа: 05.12.2022.
18. Хилюта, В. В. Национальное законодательство об экстремизме и проблема ответственности за экстремистскую деятельность (часть 1): основные термины и определения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by/viewdocument/ВЕСМА/-21388/#M-100001>. – Дата доступа: 22.02.2023.

REFERENCES

1. Pisarienko, O. N. Ekstriemizm kak social'noje javlienije / O. N. Pisarienko // Nauch. problemy gumanitar. issled. – 2010. – № 9. – S. 212–219.
2. Khorovinnikov, A. A. Ekstriemizm kak social'noje javlienije: filosofskij analiz : dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.11 / A. A. Khorovinnikov. – Saratov, 2007. – 201 l.
3. Bajeva, L. V. Ekstriemizm: priroda i formy projavlienija [Elektronnyj riesurs] / L. V. Bajeva // Ekstriemizm i intolierantnost': priroda i sushchnost'. – Riezhim dostupa: <https://asu.edu.ru/>. – Data dostupa: 19.02.2023.
4. Vierieshchagin, V. Yu. Politichieskij ekstremizm v kontiektie modernizacii sovriemiennoj rossijskoj gosudarstviennosti / V. Yu. Vierieshchagin, M. I. Labuniec // Filosofija prava. – 2002. – № 2. – S. 79–84.
5. Tushkova, Yu. V. Gosudarstviennaja politika protivodiejstvija ekstremizmu v Velikobritanii : avtorief. dis. ... kand. polit. nauk / Yu. V. Tushkova. – Kazan', 2018. – 24 l.
6. What is Political «Extremism» [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.voluntaryist.com/articles/027a.php>. – Date of access: 11.02.2023.
7. Sovietskij enciklopedichieskij slovar'. – M., 1981. – S. 1552.
8. Bobrovich, V. I. Slovar' tierminov po politologii [Elektronnyj riesurs] / V. I. Bobrovich, N. I. Marchinskaja, L. N. Krivorot. – Minsk : MGLU, 2018. – 40 l. – Riezhim dostupa: <http://elib.mslu.by/handle/edoc/928>. – Data dostupa: 11.02.2023.
9. Vierush, A. I. Dat' otpor ekstremizmu / A. I. Vierush // Bielarus. dumka. – 2017. – № 3. – S. 88–94.
10. Sotlar, A. Some Problems with Definition and Perception of Extremism within Society [Electronic resource] / A. Sotlar. – Mode of access: <http://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/Mesko/208033.pdf>. – Date of access: 12.01.2023.
11. Coleman, Peter T. Addressing Extremism [Electronic resource] / Peter T. Coleman, A. Bartoli. – Mode of access: <https://fpamed.com/wp-content/uploads/2015/12/WhitePaper-on-Extremism.pdf>. – Date of access: 12.01.2023.
12. Kozlov, A. A. Problemy issledovanija i profilaktiki ekstremizma / A. A. Kozlov // Aktual'nyje voprosy issledovanija i profilaktiki ekstremizma : materialy miezhdunar. nauch.-prakt. konf. – SPb., 2004. – S. 13.
13. Kharitonov, I. N. Krizis politiki mul'tikul'turalizma i ksienofobii v stranakh Jevropy / I. N. Kharitonov // Sociol. al'm. – 2012. – Vyp. 3. – S. 186–195.
14. Rieznikova, A. V. Strukturnyje i dinamichieskije kharakteristiki sovriemienogo rieligioznogo ekstriemizma (rol' «islamskogo faktora» v Sieviero-Kavazskom riegionie) : dis. ... kand. sociol. nauk / A. V. Rieznikova. – Rostov n/D, 2005. – 160 l.
15. Vekhov, I. V. Ekstriemizm v sovriemiennoj Rossii: miekhanizm vosproizvodstva i miery social'nogo kontrolia : avtorief. dis. ... kand. sociol. nauk / I. V. Vekhov. – SPb., 2011 – 17 l.
16. Fridinskij, S. N. Bor'ba s ekstriemizmom: ugolovno-pravovoj i kriminologichieskij aspiekty : avtorief. dis. ... kand. jurid. nauk / S. N. Fridinskij. – Rostov n/D, 2003. – 27 l.
17. Shanhajskaja konviencija o bor'bie s tierrorizmom, sieparatizmom i ekstriemizmom [Elektronnyj riesurs] // Eliekttron. fond pravovykh i normative-tiekh. dok. – Riezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/901812033?marker=6520IM>. – Data dostupa: 05.12.2022.
18. Khiliuta, V. V. Nacional'noje zakonodatiel'stvo ob ekstriemizmie i problema otvietstviennosti za ekstremistskiju diejatiel'nost' (chast' 1): osnovnyje tierminy i opriedielienija [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://ilex-private.ilex.by/viewdocument/BECMA/21388/#M-100001>. – Data dostupa: 22.02.2023.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў адным экзэмпляры аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша (не меней за 14 000 знакаў), у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc, *.docx ці *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Усе малюнкi і фотаздымкі павінны быць толькі ў чорна-белым выкананні. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 (у рэдакцыі загада ад 08.09.2016 № 206). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках ([1–4], [1; 3], [1, с. 32], [2, с. 52–54], [3, л. 5], [4, л. боб.]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносака.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў (аўтараў не больш, чым 5) на мове артыкула;
- звесткі пра аўтара/аўтараў (навуковая ступень, званне, пасада, месца працы/вучобы) на мове артыкула;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- звесткі пра аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- e-mail аўтара/аўтараў;
- назва артыкула на мове артыкула;
- анатацыя ў аб'ёме 100–150 слоў і ключавыя словы на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- назва артыкула на англійскай мове;
- анатацыя і ключавыя словы на англійскай мове.

Звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы ўнізе.

Асноўны тэкст структуравецца ў адпаведнасці з патрабаваннямі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў:

- Уводзіны (пастаноўка мэты і задач даследавання).
- Асноўная частка (матэрыялы і метады даследавання; вынікі і іх абмеркаванне).
- Заклучэнне (фармулююцца асноўныя вынікі даследавання, указваецца іх навізна, магчымасці выкарыстання).
- Спіс выкарыстанай літаратуры; спіс літаратуры павінен уключаць не больш за 20–22 крыніцы і абавязкова ўтрымліваць публікацыі, у тым ліку замежныя, па тэме даследавання за апошнія 10 гадоў.
- References – спіс выкарыстанай літаратуры, які прадубліраваны лацінскім алфавітам (колькасць крыніц, прыведзеных у спісе і ў References, павінна супадаць).

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- выліска з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе (вучыцца) аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Усе артыкулы абавязкова праходзяць «сляпое» рэцэнзаванне. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегія не разглядае і не вяртае. Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Рукапіс артыкула і дакументы дасылаць на адрас: 224016, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21, рэдакцыя часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта», электронны варыянт артыкула накіроўваць на e-mail: vesnik@brsu.brest.by.

Карэктары *А. А. Іванюк, Л. М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С. М. Мініч, Г. Ю. Пархац*

Падпісана ў друку 20.12.2023. Фармат 60×84/8. Папера афсетная. Гарнітура Таймс. Рызаграфія.

Ум. друк. арк. 15,81. Ул.-выд. арк. 12,11. Тыраж 100 экз. Заказ № 432.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.